

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт права
Кафедра «Уголовное право и процесс»

РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА
НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ,
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В СИСТЕМЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сборник материалов круглого стола

24 ноября 2020 года
г. Тольятти

Самара
2020

УДК 343
ББК 67.408+66.2
Р 31

Издание выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России»

Редакционная коллегия:

доктор юридических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ **В. К. Дуонов**
кандидат юридических наук, доцент, почетный работник ВПО РФ **Р. В. Закомолдин**

Р 31 Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности : сборник материалов круглого стола, г. Тольятти, 24 ноября 2020 г. / редкол.: В. К. Дуонов, Р. В. Закомолдин ; Ин-т права Тольяттинского гос. ун-та. — Самара : САМАРАМА, 2020. — 232 с.

ISBN 978—5—98996—239—6

Настоящий сборник содержит материалы одноименного круглого стола, проходившего 24 ноября 2020 г. на базе кафедры «Уголовное право и процесс» Института права Тольяттинского государственного университета в рамках исследовательского проекта РФФИ № 20-011-00141А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

В мероприятии приняли участие ученые, преподаватели, аспиранты и магистранты научных и образовательных организаций России (Тольятти, Самара, Москва, Ставрополь, Санкт-Петербург, Казань, Воронеж, Ростов-на-Дону, Саратов, Ульяновск, Краснодар, Калининград, Иркутск, Нижний Новгород и др.), а также Белоруссии (Минск, Гродно).

Издание предназначено для ученых, преподавателей и обучающихся юридического профиля, представителей правоприменительной практики и всех лиц, интересующихся проблемами современного уголовного права.

Материалы сборника постатейно (со списком литературы) размещаются в Научной электронной библиотеке (Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)) (Лиц. договор от 30 октября 2020 г. № 997-10/2020К (непериодические издания))

ISBN 9978-5-6045444-2-6

© ФГБОУ ВО «ТГУ», 2020

© Коллектив авторов, 2020

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ДУЮНОВ В. К.

*руководитель проекта РФФИ,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинского государственного университета,
д. ю. н., профессор, Почетный работник ВПО РФ*

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ПЕРВОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА РФФИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ»

Уважаемые коллеги! Наш Круглый стол завершает первый из запланированных трех этапов исследований в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00141А на тему «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России». Мы как исследовательский коллектив в составе д. ю. н., профессора В. К. Дуюнова, к. ю. н., доцентов Р. В. Закомолдина и А. В. Закомолдина, а также аспиранта Я. В. Куминова предлагаем к обсуждению некоторые итоги первого этапа наших исследований по данному научному проекту.

Предпринятое нами комплексное исследование феномена уголовно-правового воздействия как реакции государства на преступное поведение и преступность, фундаментального уголовно-правового явления и комплексного уголовно-правового института в современных быстро меняющихся социальных условиях представляет безусловную актуальность и имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение, представляя собой попытку осмысления роли и места уголовного права в системе противодействия преступности и обеспечении национальной безопасности страны. Несмотря на относительную разработанность отдельных аспектов данной проблемы, концептуально она остается еще слабо изученной. Многие ее аспекты нуждаются в современном осмыслении с учетом меняющейся объективной действительности, многие еще не изучены вовсе.

Основная идея работы — исследовать ответную реакцию государства и общества на акты преступного поведения и преступность

как негативное социальное явление и попытаться определить, какой указанная реакция должна быть по сути, содержанию, характеру, формам, объему и другим параметрам, каким требованиям и механизмам она должна подчиняться и каким целям служить, чтобы быть более эффективной и надежной в аспекте обеспечения национальной безопасности.

Многообразие данной реакции в ее проявлениях, многоаспектность и масштабность предмета исследования потребовало от нас постановки масштабных целей и задач при понимании, однако, того, что проблема настолько сложна и неоднозначна, что проводимые нами исследования затрагивают лишь «верхушку айсберга» и еще долго не смогут ее исчерпать.

Цель наших исследований — на основе глубокого и обстоятельного анализа феномена уголовно-правового воздействия, его сущности, природы и предназначения, а также его целей и принципов, оснований и пределов, содержания, форм и механизма реализации, его возможностей по реальному воздействию на лиц, совершающих преступления, и на т.н. неустойчивых граждан, попытаться создать более совершенную теоретическую модель уголовно-правового воздействия, реализация которой в законодательстве и в практической деятельности способствовала бы более эффективному противодействию преступлениям и преступности и обеспечению национальной безопасности.

Результаты, полученные в течение первого этапа исследований, были представлены нами на 9 международных и всероссийских научных конференциях, получили отражение в 17 опубликованных научных трудах, в том числе 5 — в зарубежных индексируемых изданиях [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Еще 8 работ находятся в печати в различных издательствах. Так, до конца этого года будет издан сборник материалов данного Круглого стола, а также монография В. К. Дуюнова и Р. В. Закомолдина «Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности» (Москва, РИОР).

Некоторые наши суждения и выводы, нашедшие отражение в указанных публикациях, мы выносим на обсуждение читательской аудитории и коллег.

1. В рамках нашего исследования мы предприняли попытку рассмотреть вопрос о сущности и уголовно-правовых аспектах категории «национальная безопасность», а также Стратегии национальной безопасности России 2015 г., как ее правовой основы, по-новому взглянув на ряд ключевых и «традиционных» для уголовного

права проблем, связанных с поиском и более эффективным использованием его возможностей в противодействии растущей многоликой преступности в современных условиях.

Национальная безопасность нормативно определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации».

Смыслообразующим применительно к понятию «национальная безопасность» помимо понятия «безопасность» является понятие «нация» (от *лат.* *natio* — народ), то есть исторически сложившаяся определенная устойчивая общность людей, включающая народности, этносы, национальности, проживающие на одной территории, имеющие общую историю, традиции, культуру, язык, уклад, самосознание и ментальность. Иными словами, нация — это народ с соответствующим уровнем его культурного развития, а под национальной безопасностью следует понимать состояние защищенности народа и среды его обитания (территории) как единой системы, имеющей государственную и экономическую организацию. В целом национальная безопасность представляется нам как сложное и многогранное явление, в основе которого лежит совокупная безопасность таких ключевых социальных субъектов общественных отношений как государство, общество и личность, и которое распространяется на все социальные сферы, в которых данные субъекты взаимодействуют и реализуют свои интересы.

Национальная безопасность как состояние защищенности общественных отношений определяется через отсутствие угроз, их своевременное обнаружение и нейтрализацию. Характер и сущность угроз национальной безопасности можно оценить через их источники, которыми являются различного рода противоречия и недостатки в различных сферах жизнедеятельности, прежде всего, внутренние (внутригосударственные) проявления социальной жизни.

Безусловно, наивысшую степень опасности для национальной безопасности представляет вся совокупность угроз. Вместе с тем, каждая разновидность угроз требует к себе отдельного внимания с целью ее комплексного анализа и выработки наиболее эффективных мер их нейтрализации в целях обеспечения в конечном итоге национальной безопасности как всеобщего блага.

2. Среди основных социальных угроз национальной безопасности наиболее значимы и опасны угрозы криминального характера.

Соответственно, в целом одной из наиболее значимых угроз национальной безопасности является преступность как негативное социально-правовое явление. Сегодня она представляет собой качественно новый феномен как по своим масштабам, так и по степени негативного влияния на национальные интересы.

Мы поддерживаем точку зрения, что явление преступности следует рассматривать как негативный, но неизбежный фактор, сопутствующий жизнедеятельности общества. Полностью избавиться от преступности невозможно, однако возможно снизить степень ее негативного влияния, интенсивность исходящей от нее угрозы, а значит и степень ее опасности.

При этом мы не согласны с подходом к преступным проявлениям как к системе: «системе преступности», «системе преступлений» и т. п. Преступное поведение и преступность не обладают признаком системности. Системность предполагает наличие множества элементов, их упорядоченность и заданную повторяемость, системные связи и т. д., чего нет применительно к преступному поведению и преступности. Преступность в целом — явление стихийное, несмотря на то, что каждое отдельное преступление совершается осознанно либо по воле человека. Можно говорить лишь о системе составов преступлений.

Преступность можно представить как целостное явление, выделенное из окружающей среды, специфическое и в какой-то мере противостоящее ей (и даже как вредоносное по отношению к этой среде), элементы которого объединены целым рядом факторов (обстоятельств). Поэтому уместно вести речь об общем, целостном понятии «преступления и преступности» как массового явления, а его целостность определять через понятие «сфера» — «сфера преступлений», «сфера преступного поведения», «сфера преступности», «сфера преступлений и преступности». При этом сфера преступного поведения широка, специфична и весьма вредоносна.

Нами проведены исследования статистических показателей современного состояния преступности в стране, позволяющие получить некоторое представление о ее уровне, структуре, динамике и др., мы попытались найти объяснения этим показателям и предлагаем некоторые меры по улучшению криминогенной ситуации.

3. Формальная организованность, упорядоченность и осуществление деятельности государства (в партнерстве с обществом) по обеспечению национальной безопасности предполагает наличие совокупности мер общесоциального и специального криминологического характера, и их грамотную реализацию посредством соответствующего

механизма. В самом общем виде механизм какого-либо явления (процесса, деятельности) нами определяется как система (устройство) определенных элементов (звеньев), совокупность которых позволяет данному явлению (процессу, деятельности) функционировать надлежащим образом. При этом функционирование каждого отдельного элемента обеспечивает функционирование как других элементов, так и всей системы, то есть важным качеством механизма является динамическое взаимодействие всех его элементов.

Механизм обеспечения национальной безопасности включает как систему государственных организаций, органов, учреждений, а также в отдельных случаях негосударственных (общественных) институтов, которые либо специально создаются, либо наделяются специальными функциями по содействию обеспечению национальной безопасности, так и систему средств и инструментов, с помощью которых осуществляется результативное воздействие на подвергшиеся угрозам общественные отношения и социальные процессы с целью защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. Именно такое понимание механизма обеспечения национальной безопасности заложено в п. 6 Стратегии национальной безопасности РФ 2015 г.

Таким образом, в целом механизм обеспечения национальной безопасности есть объективно обусловленная и субъективно реализуемая совокупность властных, управленческих и координационных условий, а также используемых мер, способов и методов по определению и организации (привлечению) необходимых и достаточных материальных, духовных, людских сил и средств, интеграции различных сфер общества в целях выявления, предупреждения и нейтрализации внешних и внутренних угроз интересам личности, общества и государства.

Важным качеством этого механизма является его способность изменяться, адаптироваться, подстраиваться под внешние и внутренние обстоятельства, что может быть связано как с глобальными причинами (смена идеологии, политического режима и т. п.), так и менее глобальными (появление новых угроз, изменение национальных приоритетов, целей, интересов, стратегических задач и т. п.). Соответственно, механизм обеспечения национальной безопасности - это динамическая, деятельная, изменяющаяся, адаптируемая и постоянно функционирующая система.

Решение сложнейшей задачи надежной защиты общественных отношений от вредоносных последствий совокупности криминальных угроз, требует весьма серьезных усилий государства и общества.

Такая работа может быть успешной и эффективной только на основе использования широкого комплекса общесоциальных и специальных мер. Следует объединить все усилия государства и общества в противодействии преступлениям и преступности, обеспечить их научную обоснованность, придать им организованный, целенаправленный и наступательный характер. Данная работа должна быть не просто деятельностью, а иметь черты политики.

Сложная криминальная ситуация, стабильно высокое число совершаемых и регистрируемых преступлений и уровень преступности в целом, отсутствие существенных успехов в противодействии этим негативным явлениям со стороны государства и общества диктуют необходимость дальнейшего поиска путей эффективного противодействия, в том числе и прежде всего — на уровне общегосударственных концептуальных решений, на уровне государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.

4. Особая и исключительно важная роль в обеспечении национальной безопасности принадлежит уголовному законодательству, в рамках которого решаются вопросы криминализации деяний, представляющих опасность для национальной безопасности и (или) ее составляющих, дифференциации мер уголовно-правового воздействия, предупреждения преступлений, и др.

При этом используемое в УК РФ для обозначения общего объекта уголовно-правовой охраны и объекта всех преступлений понятие «общественная безопасность», по нашему убеждению, не является адекватным своему назначению, поскольку в триаде «личность, общество и государство» оставляет без внимания безопасность личности и государства, тогда как общественная безопасность существует наряду с государственной безопасностью и безопасностью личности, причем все эти явления взаимосвязаны настолько, что обеспечение одного из них невозможно без обеспечения других.

Из уголовного закона следует, что все преступления посягают на общественную безопасность в разных ее проявлениях и сферах. Однако в ч. 1 ст. 2 УК РФ общественная безопасность одновременно закрепляется в качестве родового объекта, что подтверждается разделом IX Особенной части УК, а далее в главе 24 она же выступает в качестве видового объекта. Такая позиция законодателя вызывает определённые нарекания. Одно и тоже явление выступает одновременно в трёх различных по объёму и содержанию значениях — в качестве общего, родового и видового объектов, в связи с чем законодателем порождена и нормативно закреплена неопределённость общего объекта уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, порождает

и иные проблемы доктринального характера. В частности, проблему структуры и построения Особенной части УК. На наш взгляд, позиция законодателя по данному вопросу нуждается в корректировке.

Необходима более широкая по содержанию общая категория, которая объединила бы в себе все эти явления (безопасность личности, общества и государства) и в большей степени соответствовала бы роли общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта всех преступлений. В качестве таковой нами предлагается категория «национальная безопасность», которую следует рассматривать в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта всех преступлений.

Национальная безопасность, являясь социальным благом, может быть обеспечена только комплексным использованием всех имеющихся у государства ресурсов, средств и инструментов, в том числе и системой средств и мер уголовно-правового воздействия. Уголовное право в силу своей специфики и назначения охраняет наиболее важные и ценные для личности, общества и государства блага. Соответственно, уголовное право играет особую роль в системе правового обеспечения национальной безопасности, поскольку уголовный закон направлен на минимизацию (нейтрализацию) преступлений как наиболее опасных проявлений девиантного поведения, которые, в конечном итоге, все посягают на национальную безопасность.

5. Проблема эффективного обеспечения национальной безопасности предполагает в качестве необходимого шага, прежде всего, разработку и реализацию единой, социально и криминологически обоснованной и грамотно реализуемой государством (при безусловном и активном участии общества) политики, определяющей стратегию и тактику противодействия преступности.

Государственная политика в сфере противодействия преступности представляет собой целенаправленную комплексную совместную деятельность (направление деятельности) государства и общества, связанную с разработкой и реализацией стратегии и тактики (генеральной линии) организованного сопротивления преступности. Она заключается в поиске, разработке и целенаправленном использовании в интересах безопасного личности, общества и государства имеющихся в распоряжении государства и общества ресурсов, эффективных общесоциальных и специальных предупредительных мер, необходимых и достаточных для решения задачи охраны национальной безопасности от различного рода вызовов, опасностей и угроз, связанных с преступными посягательствами и иными социальными отклонениями криминального характера.

По своей внутренней сути политика в сфере противодействия преступности представляет собой определенную идеологию, основанную на господствующих в обществе на соответствующем этапе его исторического развития идей, взглядов, представлений о том, какой должна быть по своему характеру и содержанию политика государства в отношении преступности, преступлений и совершивших их лиц, на каких принципах, во имя каких целей, какими методами и средствами, по каким основным направлениям и в каких формах она должна реализовываться. Воплощаемая в соответствующих нормативно- и политико-правовых документах и реализуемая в деятельности, связанной с охраной общественных отношений от преступных посягательств, эта идеология определяет стратегию и тактику противодействия преступлениям и преступности – цели, принципы, основные направления (формы), методы, содержание, характер и перспективы соответствующих усилий государства и общества.

Цель государственной политики в сфере противодействия преступности – обеспечить максимально возможное ограничение сферы преступности, сведение ее к такому уровню, при котором она перестанет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять.

Политика в сфере противодействия преступности является единой, что обусловлено едиными задачами, целями и принципами, на которых она основывается. Одновременно она своеобразна по характеру, богата по содержанию, сложна по внутренней структуре и многообразна по формам выражения, имеет относительно самостоятельные направления реализации, что создает предпосылки для ее дифференциации по различным основаниям.

Мы полагаем правильным выделять два основных направления (формы) реализации политики противодействия преступности: а) политики предупреждения преступлений (социально-криминологической или предупредительной политики); б) политики реагирования на преступления (политики пресечения преступлений). Оба указанных направления действуют совместно, взаимно дополняя и при необходимости корректируя друг друга. В качестве составных частей (отраслей, подсистем, элементов) в структуре политики реагирования на преступления следует, в соответствии с их функциональным назначением и ролью, выделять уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику.

В целом надежное и эффективное обеспечение национальной безопасности возможно только комплексно, с применением всей совокупности имеющихся у государства ресурсов, сил, инструментов

и средств воздействия, направленных на нейтрализацию опасности, исходящей от соответствующих угроз.

6. Национальная безопасность страны предполагает гармоничное развитие общественных отношений и надежную защищенность прав и законных интересов участников таких отношений — личности, общества и государства от многообразных угроз, в т. ч. и, прежде всего, от реального причинения им вреда общественно опасными посягательствами. Обеспечение такой защищенности — задача универсальная и всеобщая — гражданского общества в целом и различных его институтов, однако прежде всего это, безусловно, задача государства, для которого правоохранительная функция является одной из конституционных, а значит, важнейших. Реализация этой важной и многосложной функции невозможна без использования всех имеющихся в распоряжении государства и общества средств и возможностей и обязательного реагирования на каждый случай общественно опасного поведения. Многовековой опыт не вполне успешно решения указанной задачи диктует необходимость поиска все новых средств и способов ее более эффективного решения.

Нами предпринята попытка критически взглянуть на основания концептуальных подходов к решению задачи противодействия общественно опасному противоправному поведению через диалектику понятий «акция — реакция», которые рассматриваются как парные категории, неразделимые как, например, действие и противодействие, причина и следствие, и др., естественным образом в рамках универсальных законов диалектики взаимодействующие как в естественной и технической среде, так и в сферах гуманитарных и социальных. С этих позиций вполне логично, что на каждый акт опасного для общества поведения должна с неизбежностью следовать ответная, соответствующая характеру и степени опасности деяния, реакция государства.

Какой должна быть эта реакция, какими свойствами обладать? Когда, на каком основании и как эта реакция возникает, какой она является по существу и в чем проявляется — вопросы, требующие серьезного научного осмысления.

По нашим представлениям, наиболее важное, ключевое значение для проникновения в сущность, содержание, цели и механизм реакции государства на преступное поведение, и обеспечения ее эффективности на практике имеют три основных, сущностных свойства (требования):

— каждый акт совершения преступления и преступность как негативное социальное явление в целом должны с неизбежностью влечь соответствующую реакцию государства — его обязательный,

неотвратимый ответ на факт совершения преступления, тем более, что это связано с нарушением установленного им уголовно-правового запрета;

— эта реакция по своему характеру и содержанию должна быть негативной, осуждающей вредоносный преступный акт и преступность в целом и порицающей виновного за содеянное, сопровождающейся при необходимости предусмотренными законом лишениями и ограничениями;

— эта реакция должна быть негативной в меру, т. е. соразмерной содеянному, отвечающей сложившимся в обществе представлениям о справедливости.

Важным свойством реакции государства на преступное поведение, характеризующим ее с точки зрения формы, является также вытекающая из требований принципа законности безусловная необходимость ее правового опосредования: она должна осуществляться только при наличии предусмотренного уголовным законом основания, на предусмотренных законом условиях и в регламентированном законом порядке.

7. В своей совокупности эти свойства характеризуют сущность реакции государства на нарушение установленных им запретов как получившую правовое оформление негативную, справедливую и неотвратимую оценку содеянного, состоящую в осуждении правонарушения и порицании лица, виновного в его совершении, государством «за то, что это лицо совершило, и соразмерно содеянному» в качестве воздаяния за содеянное. Наиболее точно смысл такой реакции передает, по нашему мнению, имеющий давнюю историю термин кара, содержащий наиболее адекватное, удобное и точное определение сущности такой реакции как воздаяния виновному за совершенное преступление.

Господствующие в отечественной уголовно-правовой науке представления о каре как архаичном синониме наказания, содержанием которого является намеренное причинение страданий, и которому поэтому не должно быть места в современном праве, представляются нам ошибочными, основанными на недостаточной изученности проблемы.

Мы же полагаем, что термин «кара» — это отглагольное существительное, производное от глагола «корить» — укорять, упрекать, порицать, позорить кого-то за что-либо [11, с. 320], и в своем первоначальном и истинном значении как существительное означал как раз «осуждение», «порицание», «упрек» [11, с. 190], т. е. негативную оценку какого-то проступка и лица, его совершившего. Соответственно,

кара в уголовном праве — это ответ государства на акт преступления (и преступность в целом), который носит характер упрека, осуждения, порицания виновного лица и совершенного им преступного деяния в качестве воздаяния за содеянное с целью оказать на поведение указанного лица (а равно иных, т. н. неустойчивых лиц) необходимое «отрезвляющее» психологическое воспитательное и иное предупредительное воздействие. Кара — понятие сущностное, «внутреннее» («вещь в себе»), служащее для обозначения сущности реакции государства на преступление и преступность. Вовне — в объективной реальности («вещь для нас») карательная (или карающая) реакция государства как воплощенная в праве негативная оценка правонарушения, его осуждение, порицание проявляется через правовое (уголовно-правовое) воздействие, имеющее различные содержание и формы выражения. В зависимости от тяжести содеянного, особенностей лица, его совершившего, и других обстоятельств дела, она реализуется, получая свое внешнее выражение: только в форме нравственного и социально-политического осуждения совершенного преступления (когда установлено событие преступления, но не изобличен виновный в его совершении, а также при освобождении от уголовной ответственности виновного в преступлении), либо в форме уголовной ответственности, а) соединенной или б) не соединенной с уголовным наказанием (или иными мерами уголовно-правового воздействия).

Понятие кары не следует отождествлять ни с наказанием, которое представляет собой лишь внешнее проявление кары — одну из форм ее выражения, ни со страданием. Кара в принципе возможна и без страданий. Одна и та же по содержанию и объему кара может одними осужденными восприниматься как нестерпимая боль, страдание, другими — как незначительная неприятность. Смысл кары — не в том, чтобы при помощи страдания «устрашать преступника и воздействовать на неустойчивые элементы», — как утверждают некоторые авторы, а в том, чтобы воздать по справедливости — осудить совершенное преступление и лиц, виновных в его совершении, с применением к ним в случае необходимости тех или иных ограничений — и тем оказать на них требуемое карательное, воспитательное и предупредительное воздействие, чтобы впредь они более преступлений не совершали.

Именно такая — негативная, справедливая и неотвратимая реакция государства, получившая правовое оформление и оказывающая необходимое уголовно-правовое воздействие, и есть суть ответа государства на совершение преступления, в рамках которого госу-

дарство дает оценку содеянному как общественно опасному, осуждает, порицает, наказывает, освобождает от ответственности или от наказания, «карает или милует» лицо, его совершившее.

8. В отечественной юриспруденции многими правоведами реакция государства на противоправное поведение отождествляется с юридической, уголовной или иной социальной ответственностью. Презюмируется, что эти понятия наиболее точно и полно отражают существо ответа государства — его реакции на акт совершения правонарушения. Однако при более глубоком рассмотрении оказывается, что эти понятия не могут рассматриваться как равновеликие или, тем более, тождественные: хотя у них одинаковые социальная природа, сущность, предназначение и цели, однако при этом они существенно разнятся, располагаются как бы в разных плоскостях.

Если реакция государства на совершение преступления является общесоциальным явлением, обусловленным объективной необходимостью отреагировать на преступное поведение, имеет объективный (точнее — объективно-субъективный) характер как естественный отклик социума в лице государства на внешнее раздражение, причиняющее или создающее угрозу причинения вреда национальным интересам, то уголовная ответственность — это только форма (одна из форм) проявления такой реакции, ее внешнее выражение, опосредованное уголовным правом отношение (правоотношение) между его субъектами. Реакция государства может быть как правовой, так и не опосредованной правом, уголовная ответственность — это явление сугубо правовое, а значит, субъективное, со всеми вытекающими. Это субъективная категория, призванная показать — как отражается (или как должен отразиться) факт совершения преступления на существовании и правовом статусе виновного, и как последний должен это воспринимать. Реакция государства на преступное поведение является обязанностью государства, а его веления характеризуются императивностью, тогда как уголовная ответственность как правовое отношение предполагает наличие и реализацию взаимно корреспондирующих прав и обязанностей сторон, т. е. характеризуются элементами диспозитивности. Наконец, реакция государства на преступление — явление более широкое, чем уголовная ответственность, поскольку она имеет место «до» и «вне» реализации последней: а) уже с момента совершения преступления, когда только возникает основание для уголовной ответственности виновного, но ответственность еще не реализуется; б) при освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, и в период срока судимости. Еще более широкие пределы имеет реакция

государства на существование преступности как негативного социального явления в целом и отдельных видов преступлений (с момента их криминализации).

Таким образом, уголовная ответственность, на наш взгляд, не может рассматриваться как альтернатива, адекватно отражающая смысл и содержание указанной реакции, равнозначной или тождественной этой категории.

9. Между тем, такая категория, которая охватывала бы все существующие и возможные в принципе иные формы реакции государства на преступное поведение, и служила бы обеспечению комплексного подхода к использованию всего арсенала средств, имеющихся в распоряжении уголовного права, преодолению их ограниченности, разобщенности и бессистемности в целях более эффективного и надежного обеспечения правопорядка, при этом все формы реализации которой отвечали бы рассмотренными выше сущностным требованиям, является необходимой. Этим требованиям, по мнению автора, более всего соответствует категория «уголовно-правовое воздействие» как опосредованный нормами уголовного права (получивший правовое оформление) инструмент реакции государства на преступное поведение, имеющий одинаковую с ней карательную сущность и иные важные параметры.

Уголовно-правовое воздействие определяется нами как выраженная в различных предусмотренных законом формах специальная деятельность органов государства, связанная с оказанием при помощи норм и иных ресурсов уголовного права, различных психологических, правовых и иных инструментов необходимого карательного, воспитательного и предупредительного воздействия на поведение лиц, совершивших преступление и иных, т. н. неустойчивых лиц, а также воздействия на общественные отношения, обуславливающие существование преступности, в качестве ответной реакции на преступное поведение и существование преступности в целом, имеющая целью утверждение социальной справедливости, укрепление законности и правопорядка, предупреждение преступлений, а также воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и других законов. Это как раз то предельно широкое и емкое родовое понятие, которое в наибольшей мере соответствует понятию получившей правовое оформление реакции государства на преступное поведение и способно наиболее полно и точно охватить и отразить ее сущностные свойства и возможности и адекватно передать особенности различных форм ее реализации, как существующих, так и возможных в перспективе.

Уголовно-правовое воздействие представляет собой сложный динамичный процесс практической реализации реакции государства на преступное поведение, который имеет свои пределы и характеризуется последовательной, поэтапной его реализацией в ответ на совершение отдельных преступлений и явление преступности в целом. В связи с этим представляется целесообразным различать оказываемое в рамках указанной реакции уголовно-правовое воздействие: 1) в узком, собственном значении — как ответ на отдельное конкретно совершенное преступление (в рамках привлечения к уголовной ответственности с наказанием или без такового или с освобождением от таковой); 2) в средне-широком значении — как ответ на существование конкретного вида преступлений — с момента принятия уголовно-правовой нормы, и 3) в самом широком значении — как ответ на негативное социальное явление преступности в целом. Уголовно-правовое воздействие оказывает государство, когда решает вопросы криминализации и пенализации деяний, устанавливает уголовно-правовые нормы, назначает наказание и иные меры уголовно-правового воздействия и исполняет их, включая воздействие в течение времени, когда за осужденным сохраняются уголовно-правовые последствия — в период срока судимости и в период, когда преступление совершено, но не раскрыто. Это, можно сказать, в целом совокупный полезный эффект от реализации потенциальных возможностей отечественного уголовного права и уголовного законодательства и зачастую также возможностей, заложенных в нормах некоторых иных отраслей российского законодательства.

Смысл возникновения и существования в уголовном праве категории «уголовно-правовое воздействие», введение ее в научный оборот, полезность и востребованность связаны, на наш взгляд, с несколькими важными причинами:

— эта правовая категория объективно необходима в уголовном праве, поскольку она непосредственно обусловлена и тесно связана с обязанностью государства в рамках закона дать ответ на акт нарушения установленного им уголовно-правового запрета;

— эта уголовно-правовая категория необходима в связи с отсутствием в уголовном праве адекватной категории, которая полнее и точнее, чем понятие «уголовная ответственность», отражала бы суть и смысл реакции государства на преступления и преступность, несводимой к пределам уголовной ответственности, а имеющей место также «до» и «вне» этих пределов, и которая объединяла бы в едином комплексе все формы ее реализации в целях более эффективного и надежного обеспечения правопорядка и национальной безопасности.

Такая реакция, как нами установлено, включает в себя воздействие уголовного права на преступность в целом как негативное социальное явление, на отдельные виды преступлений и конкретные акты их совершения, в течение всего периода действия уголовно-правовых норм с момента их вступления в силу, периода уголовно-правового воздействия при освобождении лица от уголовной ответственности и в рамках привлечения виновного к уголовной ответственности вплоть до момента ее полной реализации — прекращения судимости лица, осужденного за совершение преступления. В этом нам видится как теоретическая, так и практическая потребность и польза от применения категорий «кара» и «уголовно-правовое воздействие».

Важное практическое, системообразующее значение, полезность и востребованность категорий «кара» и «уголовно-правовое воздействие» заключаются также в том, что они могут служить «общим знаменателем», способным объединить на общей платформе в единый комплекс субъективно разделенные ныне в теории, законодательстве и в правоприменительной практике, но единые по своей сути уголовно-правовые явления (институты уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания и др.) и создать условия для обеспечения комплексного подхода к использованию всего арсенала средств, имеющих в распоряжении уголовного права.

Все это в совокупности послужит формированию Единого комплекса мер уголовно-правового воздействия и организации Единого, научно обоснованного и эффективного процесса уголовно-правового воздействия, охватывающего все формы и все периоды реакции государства на преступное поведение и преступность, и позволило бы, по нашим представлениям, выработать единую стратегию противодействия преступности, в связи с чем роль такого системообразующего фактора невозможно переоценить.

Изложенное, таким образом, показывает, что проделана значительная аналитическая работа, но мы находимся только в начале большого пути. Исследуемая проблема сложна и многопланова, многие вопросы теории и практики реализации уголовно-правового воздействия нуждаются в дальнейшем более глубоком и обстоятельном рассмотрении.

Существует необходимость углубления и дополнительно обоснования сложившихся представлений о феномене уголовно-правового воздействия, его целях, принципах, основаниях, пределах, содержании, возможностях и механизме реализации, с акцентом на

измерении эффективности разнообразных его форм и мер на разных этапах его реализации в целях обеспечения эффективности противодействия преступности и обеспечения национальной безопасности.

Весьма актуальна проблема поиска путей повышения эффективности всего комплекса ресурсов и возможностей, имеющихся в распоряжении уголовного права, эффективного решения уголовно-правовых задач с минимальными потерями, а по возможности с пользой для виновного, его близких и общества в целом посредством реализации более гибких и целесообразных подходов к реагированию на случаи совершения преступлений и преступность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дуюнов В. К.* Об условиях эффективности уголовно-правового воздействия // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции. Москва : РГ Пресс, 2020. С. 406–411.

2. *Дуюнов В. К.* Реакция государства на общественно опасное поведение: к теории вопроса // Scientific Research of the SCO countries: Synergy and Integration : сборник Международной научной конференции. Китай, Пекин, 24 июня 2020 г. Пекин, 2020. С. 40–44.

3. *Duyunov V. K.* Legal responsibility as a legal form of the state's reaction to illegal behavior. // Collection of the International University scientific forum "Science. Education. Practice". July 8, 2020, Toronto, Canada. Pp. 26–32.

4. *Закомолдин Р. В.* О соотношении национальной и военной безопасности в свете уголовно-правовой охраны // О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции : сборник науч. тр. по итогам VII Междунар. науч.-практ. конф., г. Челябинск. Н. Новгород : ИЦРОН, 2020. Вып. 7. С. 23–26.

5. *Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К.* Об объекте правовой охраны в свете охранительной функции права // Журнал Евразийского Союза Ученых. 2020. № 6 (75). Том 4: Юридические науки. С. 46–50.

6. *Дуюнов В. К.* Реакция государства на противоправное поведение как юридическая ответственность и как правовое воздействие: к теории вопроса // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 6А. С. 88-99.

7. *Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К.* О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 26–31.

8. *Duyunov, V. K., Zakomoldin, R. V.* Phenomenon of positive liability: critical analysis. // Revista Inclusiones. 2020. Vol. 7. Num Especial. Pp. 443–456.

9. *Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В.* О приоритетах уголовно-правовой политики в связи с противодействием преступности и обеспечением национальной безопасности // Правовые и нравственные аспекты функциони-

рования гражданского общества : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти засл. деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. В. П. Малкова. Чебоксары, 2-3 октября 2020 г.: в 2 ч. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Ч. 1. С. 195–201.

10. *Закомолдин А. В., Дуюнов В. К.* Об уголовно-процессуальном принуждении как составляющей механизма уголовно-правового воздействия // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 21–26.

11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2: Е-Муж / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина ; послесл. О. Н. Трубачева. Санкт-Петербург : Азбука ; Москва : Изд. центр Терра, 1996. 671 с.

РАЗДЕЛ 1

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

НАУМОВ А. В.

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции,
д. ю. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)*

МЕСТО И РОЛЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1. Конечно же национальная безопасность является одним из объектов уголовно-правовой охраны. Без уголовно-правовых норм об ответственности на посягательства на этот объект не обойтись. Аналоги таковых существуют в уголовном законодательстве любого государства. В действующем УК РФ — это нормы, предусматривающие ответственность за преступления, которые в советское время именовались вначале «контрреволюционными», а затем особо опасными государственными. В настоящее время (в действующем законодательстве — УК РФ) — это нормы об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Очевидно, что употребленное законодателем понятие «безопасность государства» адекватно понятию национальной безопасности. Все это так, но тем не менее не больше и не меньше. Не стоит преувеличивать роль уголовного права в охране названного объекта воздействия уголовного закона. Разумеется, что создание, например, суперсовременного оружия означает куда большую охрану национальной безопасности, чем написание самого «удачного» Уголовного кодекса. Впрочем, это же относится и к уголовно-правовой охране мира и безопасности человечества. И в этом случае уголовно-правовые нормы о посягательстве на этот объект конечно же нужны (в том числе и ст.ст. 355-361 УК РФ соответствующего раздела и главы Кодекса). Однако мир удалось отстоять все-таки не

благодаря этим уголовно-правовым нормам, а потому что было изобретено ядерное (хотя и «дьявольское» по своей способности уничтожения всего живого на планете), но все-таки необходимое для поддержания мира оружие, которое делает бесцельным его применение. В связи с этим относительную важность уголовного законодательства в обеспечении национальной безопасности лучше всего проиллюстрировать на исторических примерах.

2. Вспомним исторический опыт попыток сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами. Их в российском государстве было две. Во-первых, это было сделано Временным правительством после Февральской революции 1917 г. Тогда была усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя и за действия, направленные «на отторжение от России какой-либо ее части» (виновные даже подвергались пожизненной или срочной каторге). Как оценить принятие этого жесткого уголовного закона? Был ли он своевременным? И если да, то почему он имел, как свидетельствует история, нулевой результат? В принципе Временное правительство верно оценивало сложившуюся для него ситуацию и главным противником стабилизации положения внутри страны и на фронте видела анархистов и большевиков, и принимаемые правительством законодательные уголовно-правовые акты казались в этом смысле своевременными и необходимыми. Однако, как известно, существуют лишь два способа приведения принимаемых законов и иных нормативных актов в действие. Во-первых (идеальный вариант) путем их добровольного исполнения теми, кому они адресуются. И, во-вторых, возможностью их принудительного исполнения. Временное правительство не располагало ни первым, ни вторым. Оно теряло власть, и последняя была буквально подобрана большевиками, в связи с чем «грозные» уголовно-правовые нормы превратились в ничего не значащие слова.

Второй опыт, увы, также неудачный, относится к весне 1990 г. — очень трудным временам горбачевской «перестройки». В особенности в политическом плане. Прибалтийские республики (Литва, Латвия и Эстония) «взбунтовались и рвались на свободу» и объявили о своей государственной независимости. На это немедленно отреагировал внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, признав эти решения недействительными как противоречащими Конституции СССР. Общесоюзная власть (в т. ч. и перестроечно-«демократическая»), зафиксированная в решениях съездов народных депутатов, едва ли не откровенно объявляла республикам, что их

выход из Союза ССР невозможен и надеяться им в этом смысле не на что. Так, в интервью, данном М. С. Горбачевым для советского и французского телевидения в ноябре 1990 г., Президент СССР, признав, что Конституция СССР предусматривает право на самоопределение вплоть до отделения той или иной республики, и сославшись на существование особого механизма этого выхода, вместе с тем, сказал, что он «пришел к выводу: мы не можем разделиться». Итог этого законодательного «поединка» известен и датируется декабрем 1991 года [1].

3. Известно, что советский законодатель едва ли не сразу же пошел по пути небывалого до этого в истории и не встречавшегося в других странах степени «динамизма» уголовного законодательства (резко отличавшегося, например, от дореволюционного — до Октября 1917 г. опыта). Он не только не заботился о стабильности уголовного закона, а превратил его в рабочий инструмент для решения политических и социально-экономических целей. Так, за небольшой срок действия первого советского уголовного кодекса (УК РСФСР 1922 г.) в него (до принятия заменившего его УК РСФСР 1926 г.) было внесено примерно 80 изменений (по количеству вновь принятых законодательных актов уголовно-правового характера). Но это было лишь начало. Интенсивность изменений УК РСФСР 1926 г., значительно превышала таковые в предыдущем Кодексе. Вот как это выглядело в разбивке по годам: 1926-1929 гг. — 92 уголовно-правовых акта РСФСР и СССР; в 1930-1933 гг. — соответственно 40 и 40; в 1934-1937 гг. — 26 и 42; в 1938-1941 гг. — 4 и 23; в 1941-1945 гг. — 10 общесоюзных актов; в 1945 (после войны) — 1948 гг. — 1 и 9; в 1948-1953 гг. — 2 и 4; с 1954 г. законодатель вернулся к довоенной практике постоянного (перманентного) внесения многочисленных изменений в уголовное законодательство.

При этом уголовное право рассматривалось как необходимое средство насилия и принуждения (что вытекало из марксистско-ленинских основ построения социализма). В тоталитарном государстве это вполне срабатывало. Именно с помощью уголовного права Сталин и партийная верхушка решили задачу ускоренной коллективизации сельского хозяйства и столь же ускоренной индустриализации, а также подавления малейших ростков оппозиции. И весь так называемый «большой террор» 1930-х гг. был оформлен с помощью выстроенного под это уголовного и уголовно-процессуального права. Все это было возможно лишь в рамках тоталитарного государства. И уже первые проявления хрущевской «оттепели» (начиная с его антисталинского доклада на XX съезде КПСС) дали «трещину» в

выстроенном «саркофаге» тоталитаризма, а свобода горбачевской перестройки «добила» его совсем.

Можно сказать, что правотворческая деятельность советского государства в уголовно-правовой сфере была одной из самых значительных в общей законодательной деятельности. Такая интенсивность принятия именно уголовных законов была не случайной. Советская власть использовала уголовный закон как едва ли не самый доступный «рабочий инструмент» вообще своей политики. Любая более или менее сложная социально-политическая и экономическая задача решалась именно с помощью уголовного закона. Так продолжалось вплоть до горбачевской перестройки, когда усилиями уголовного закона не удалось спасти ни экономику, ни политическую власть. Правда и постсоветская власть не извлекла из этого никаких уроков. Указанная тенденция в области уголовного законодательства не только ослабла в постсоветский период, но и даже в значительной мере усилилась. Такова, видимо, судьба (и государства и народа) [2, с. 551].

Обратим внимание на то, что уровень «динамизма» принимаемых уголовно-правовых актов снизился именно в годы Великой Отечественной войны. По единственной причине - уголовный закон не способен был выполнить роль главного оружия для победы в страшной войне.

4. Сказанное следует отнести и к проектам последних поправок в действующий УК РФ. Так, из СМИ известно, что в Госдуме находится на рассмотрении проект Федерального закона о внесении изменений в нормы УК об ответственности за отчуждение территории страны (см.: Российская газета, 23 сентября 2020 г.). Закон, конечно, нужный, но вряд ли стоит его переоценивать. По крайней мере, рассмотренный законодательный опыт принятия подобных законодательных актов свидетельствует именно об этом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наумов А. В.* Об историческом опыте попыток сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами // *Пенитенциарная наука.* 2020. Том 14. № 3. С. 309–314.

2. *Наумов А. В.* Преступление и наказание в истории России. В 2-х частях. Часть I. Москва : Юрлитинформ, 2014. 752 с.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Термин «национальная безопасность» (от *англ.* — national security) появился сравнительно недавно — в начале XX века. Его авторство признается за 25-м Президентом США Теодором Рузвельтом, который ввел его в американский политический лексикон в 1904 году, употребив в своем обращении к Конгрессу США [8, с. 15]. После Второй Мировой войны с принятием Закона США № 257 от 26 июля 1947 г. «О национальной безопасности» (National Security Act) термин «национальная безопасность» впервые получил нормативное закрепление и был легализован в правовой сфере, а проблематика национальной безопасности стала самостоятельным предметом научных исследований [5].

Достаточно долгое время национальная безопасность рассматривалась лишь в контексте внешней политики, в связи с чем исследователями данная категория отождествлялась с такими понятиями как «государственная безопасность» и «военная безопасность». Такой подход был обоснован рядом как объективных, так и субъективных причин и факторов. Прежде всего, это было связано с определенным историческим периодом, когда на первое место ставились внешние военные угрозы и, как следствие, обеспечение внешней безопасности, которая была связана с сохранением суверенитета и территориальной неприкосновенности государства.

Сегодня многие авторы ошибочно отождествляют понятия национальная и государственная безопасность. Одни полагают, что понятие «национальная безопасность» является лишь следствием неточного перевода понятия "national security", где "national" означает не «нацию» или «национальность», а «народ», «государство». В связи с этим правильным следует считать перевод данного понятия как «государственная безопасность» [9, с. 129–130]. По мнению других, следует отождествлять понятия «государство» и «нация», что влечет тождественность производных от них понятий «национальная» и «государственная» безопасность [6, с. 3]. Вместе с тем, существует и такое мнение, что национальная безопасность есть элемент государственной безопасности. Сторонники такого подхода понимают государственную безопасность как такое состояние государства, которое

позволяет сохранять национально-государственную целостность, суверенно решать проблемы общества и личности и выступать самостоятельным субъектом международных отношений [5].

Названные позиции исследователей представляются ошибочными, поскольку их сторонники исходят из примата государства и его интересов перед обществом и личностью и их интересами. Во главу угла они ставят интересы государства, связанные с его становлением и фактическим сохранением, обеспечением защиты его суверенитета и территориальной целостности, возможностью реагирования на потенциальные и реальные внешние угрозы. Однако, как отмечает А. Б. Мельниченко, с утверждением понятия «национальная безопасность» понятие «государственная безопасность» утратило свое изначальное широкое значение и может теперь употребляться только в узком значении, поскольку первое охватывает более широкий спектр общественных отношений и объединяет все разновидности безопасности [4, с. 10, 22]. Такая позиция была воспринята и законодателем, который в ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» закрепил тождество понятий «национальная безопасность» и «безопасность».

Что касается военной безопасности, то в соответствии с пп. «а» п. 8 Военной доктрины РФ, утвержденной Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976 военная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз военного характера, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военных угроз либо наличием способности им противостоять. При этом военная безопасность включает такие элементы как порядок прохождения военной службы, безопасность военной службы, воинский уставный порядок, воинскую дисциплину, боеготовность, боеспособность, обороноспособность и пр.

Среди экспертов (прежде всего, военных) сегодня бытует мнение, что в современных геополитических условиях необходимо вновь рассматривать национальную безопасность, прежде всего, с позиции обороны. Более того, в качестве ключевого системообразующего элемента национальной безопасности предлагается категория «оборонная безопасность», поскольку, по мнению авторов, интересы обороны пронизывают все сферы деятельности государства и жизнедеятельности общества (демография, культура, экология, экономика, политика и пр.) [1]. Однако, во-первых, такой подход в условиях провозглашения и реализации международного принципа мирного сосуществования просто неуместен; во-вторых, при таком подходе

государственная политика и национальные интересы во всех сферах сводятся исключительно к обороне, что в современном мироустройстве является, мягко говоря, странным; в-третьих, при таком подходе оборона трактуется необоснованно широко и охватывает все иные сферы, что если и уместно, то только в военное время. Помимо этого расставлять акценты исключительно на внешних угрозах, совершенно игнорируя при этом внутренние, неправильно и чревато разрушительными последствиями для национальной безопасности. Национальная безопасность имеет не менее важную и значимую внутреннюю составляющую. Более того, внутренние противоречия в стране могут быть не менее опасными и разрушительными для национальной безопасности [10, с. 405].

Сегодня важно понимать, что национальная безопасность не должна ограничиваться лишь интересами государства или вопросами обороны и отождествляться с государственной или военной безопасностью, поскольку такое необоснованно узкое понимание национальной безопасности приводит к недооценке и игнорированию иных, не менее опасных, угроз. Как отмечают эксперты, новые подходы к обеспечению национальной безопасности исходят уже не только из военных угроз и проблем обороны, но и более широкого круга вопросов социально-экономического характера [11]. В связи с этим границы понятия национальной безопасности следует расширять как по субъектному составу (то есть включать в круг ее субъектов и государство, и общество, и личность), так и по охвату социальных сфер (история, культура, религия, экономика, политика, экология, оборона, управление и пр.). Соответственно, государственную и военную безопасность следует рассматривать лишь как разновидности национальной безопасности, одни из составляющих ее элементов. Критерием выделения государственной безопасности является круг субъектов национальной безопасности, а военной безопасности - круг охватываемых социальных сфер [3, с. 60; 7].

Таким образом, государственная и военная безопасность и национальная безопасность соотносятся как части и целое.

В связи с этим мы предлагаем законодательно закрепить в УК РФ национальную безопасность в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта всех преступлений, а государственную и военную безопасность рассматривать в качестве родовых объектов [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев И. В.* Оборонная безопасность России в системе национальной безопасности // *Власть.* 2017. № 6. С. 44–51.

2. *Закомолдин Р. В., Дуонов В. К.* О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3 (42). С. 26–31.

3. *Литинский Д. А., Мусаткина А. А.* Социальная и гуманистическая направленность в стратегиях национальной безопасности России и Германии: сравнительный политико-правовой анализ // Сравнительная политика. 2019. Т.10. № 3. С. 58–73.

4. *Мельниченко А. Б.* Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Ростовский юридический ин-т МВД России. Ростов-на-Дону, 2009. 60 с.

5. *Минасян С.* Мировой опыт принятия концепции национальной безопасности // Информационно-аналитический журнал «21-й ВЕК». 2006. № 2(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-prinyatiya-kontseptsii-natsionalnoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения: 21.09.2020).

6. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ / В. Г. Вишнякова, Л. В. Андриченко и др. // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 3–34.

7. *Никитина Л. К., Хохлова О. М.* Законодательное обеспечение национальной безопасности современной России. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4(87). С. 57–61.

8. *Петровский В.* Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. Москва : Междунар. отношения, 1980. 333 с.

9. *Рогов А., Федотова Ю.* Государственная безопасность: элемент или содержание национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2013. № 12. С. 128–132.

10. *Тонких В. А., Лытнева Н. А.* Национальная безопасность в условиях современных вызовов и угроз // Молодой ученый. 2017. № 11(145). С. 404–408.

11. *Фридман Л.* Новая политика великих держав. // Безопасность России: XXI век / пер. с англ. Москва : Права человека, 2000. С. 12–42.

ДАНИЛОВ П. С.

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского, к. ю. н. (г. Омск)*

ВОЕННАЯ СЛУЖБА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Военная служба представляет собой особый вид государственной службы, поскольку имеет специальные задачи по охране и защите государства и общества как от внешних, так и внутренних военных и иных угроз, в связи с чем является первостепенной для всей

страны, а значит, уголовный закон не может обойти стороной вопросы охраны соответствующих отношений.

Вместе с тем, как представляется, уголовно-правовое регулирование по вопросам введения ответственности за конкретные деяния и установления системы соответствующих преступлений должно иметь в основании общие положения о преступлении и наказании, построенные на достижениях науки уголовного права. Как верно утверждает Ю. В. Голик, необходимо понимать, с чем собираемся бороться [2, с. 10], а значит, следует, в том числе, определить объекты уголовно-правовой охраны, которые будут лежать в основе уголовного закона и ориентировать как законодателя, так и правоприменителя.

Понятие объекта уголовно-правовой охраны строится в науке уголовного права. В целом, под ним понимают объекты (определенные ценности, блага и др.), охраняемые государством с помощью уголовно-правовых средств от преступлений (общественно-опасных посягательств) [7, с. 8; 10, с. 11, 26]. При этом признание явления объектом уголовно-правовой охраны предшествует признанию его объектом преступления [10, с. 11], и объект уголовно-правовой охраны существует всегда, а объект преступления — лишь когда совершается преступление [7, с. 14–15]. Поэтому законодатель определяет, прежде всего, защищаемые ценности, а затем устанавливает деяния, которые могут причинить им вред, и наказывает в случае их совершения.

Таким образом, объект уголовно-правовой охраны есть основа, определяющая многие остальные положения уголовного закона.

В связи с этим требуется, чтобы в УК РФ была стройно выстроенная система «объект уголовно-правовой охраны — объект преступления», где первое понятие определяет второе.

В настоящее время объекты уголовно-правовой охраны закреплены на законодательном уровне в ч. 1 ст. 2 УК РФ в виде прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ, мира и безопасности человечества.

Благодаря науке уголовного права данные объекты стали рассматриваться через призму национальной безопасности, выделяя в ней различные ее виды (безопасность государства, общества, личности, военная и др.) [4, с. 15; 9, с. 28–35; 10, с. 22–27, 33–34; 13, с. 29–40; 14, с. 72–73, 244–246].

На сегодняшний день понятие национальной безопасности закреплено в п. 2 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, и под ней понимается состояние защищенности личности, общества и го-

сударства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Кроме того, в п.п. 31, 33 Стратегии национальной безопасности РФ закреплено, что обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации обороны страны, являющейся стратегическим национальным приоритетом, а также, что стратегическими целями обороны страны являются создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития РФ, обеспечение ее военной безопасности.

Сравнение понятия национальной безопасности и положений ч. 1 ст. 2 УК РФ позволяет говорить, что формально уголовный закон не определяет общим объектом уголовно-правовой охраны национальную безопасность, однако фактически перечисляет многие объекты, которые и составляют национальную безопасность, пусть и не дословно.

Но здесь скрыта одна из проблем, а именно, УК РФ не устанавливает, что им охраняются оборона страны, военная безопасность или даже отношения, складывающиеся на военной службе. Уголовный закон, закрепляя в разделе XI УК РФ понятие и систему преступлений против военной службы, основанную на родовом объекте таких преступлений в виде установленного порядка прохождения военной службы, «забыл» про указание соответствующего объекта уголовно-правовой охраны в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

Таким образом, система «объект уголовно-правовой охраны — объект преступления» относительно норм о преступлениях против военной службы и охраны военной службы теряет свои качества и «встает с ног на голову», а связь между военной службой и национальной безопасностью будто пропадает.

Хотя в теории уголовного права можно встретить мнение, что родовый объект преступлений против военной службы является средством обеспечения военной безопасности, представляющей собой разновидность общественной безопасности, указанной в ч. 1 ст. 2 УК РФ [12, с. 117–123].

В то же время, по верному замечанию Р. В. Закомолдина, общественная безопасность есть безопасность гражданского общества, она не должна толковаться неоправданно широко и «не может вместить в себя все признаки безопасности в целом» [5, с. 5–8; 7, с. 20–25]. Другими словами, нельзя понятие «общественная безопасность» трактовать по-разному от случая к случаю и подменять им «при необходимости» термин «национальная безопасность». Правильно считать, что общественная безопасность наравне с иными видами безопасности, в частности, военной безопасностью, составляет национальную безопасность [6, с. 18; 10, с. 22–33].

Поэтому не нужно, меняя трактовки понятия «общественная безопасность», пытаться восполнить этот пробел.

Также в науке уголовного права представлена точка зрения о необходимости отнести к объектам уголовно-правовой охраны саму военную службу. Так, С. М. Мальков пишет, что «понятие "военная служба" выступает объектом уголовно-правовой охраны» [11, с. 14], а Д. А. Гарбатович предлагает в ч. 1 ст. 2 УК РФ указать военную службу Российской Федерации [1, с. 53–54], тем самым, видимо, определив военную службу в качестве одного из объектов национальной безопасности. С данным решением в полной мере согласиться нельзя, поскольку в таком случае снижается значимость охраны иных государственных служб, а это недопустимо. Более того, военная служба существует не ради самой себя (как впрочем, и иные государственные службы), а для защиты целостности РФ, обеспечения военной безопасности и обороны, иных особых задач, что должно соотноситься с содержанием понятия национальной безопасности и учитываться УК РФ.

Решение проблемы видится во внесении в ч. 1 ст. 2 УК РФ изменений, которые восстановят систему «объект уголовно-правовой охраны — объект преступления» относительно охраны и защиты отношений, складывающихся на военной службе. А именно, следует исходить из направленности УК РФ на охрану национальной безопасности и сложившегося «перечневого» подхода к определению объектов, им защищаемых по ч. 1 ст. 2 УК РФ, чтобы не деформировать законодательную и правоприменительную практику, а лишь направить ее в нужном обоснованном направлении.

На основании вышеизложенных положений Стратегии национальной безопасности РФ можно утверждать, что в приоритете охранительной деятельности государства находятся оборона и обеспечение военной безопасности России. При этом данные понятия не смешиваются и не отождествляются, но признаются равным образом важными.

По справедливому замечанию Р. В. Закомолдина, военная безопасность, как состояние особой защищенности государства и ее военной организации, обеспечивает обороноспособность государства. Оборона же это «система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории» [6, с. 18, 78].

Я. Н. Ермолович и О. К. Зателепин, говоря соответственно о преступлениях против обороны и преступлениях против военной безопасности, также не смешивают оборону и военную безопасность, однако, все же, говоря о них как объектах уголовно-правовой охраны, по сути, акцентируют внимание на этих понятиях, как объектах преступлений, и по каким-то причинам не развивают свои предложения относительно ч. 1 ст. 2 УК РФ [3, с. 68–74; 4, с. 338, 383–391; 10, с. 39–40].

По нашему мнению, соответствующие наработки науки уголовного права, основанные на положениях Стратегии национальной безопасности РФ, должны быть учтены в уголовном законе.

Таким образом, необходимо в ч. 1 ст. 2 УК РФ указать на такие объекты уголовно-правовой охраны, как оборона страны и военная безопасность.

Как итог, мы получим рабочую и строгую систему «объект уголовно-правовой охраны (оборона и военная безопасность) — объект преступления (установленный порядок прохождения военной службы)», основанную на передовых достижениях науки уголовного права, не ломающую правоприменительную практику и учитывающую, что объекты других преступлений также могут существовать в рамках этой системы, будучи содержащими в себе указанные ценности, а также связи между военной службой и национальной безопасностью.

На основании всего изложенного предлагаем ч. 1 ст. 2 УК РФ после слов «конституционного строя Российской Федерации» дополнить словами «обороны страны и ее военной безопасности».

Безусловно, мы не одиноки в своей озабоченности данной проблематикой и осознаем, что наше предложение отнюдь не решает проблемы соотношения категорий «военная служба», «военная безопасность», «оборона» и «национальная безопасность» в контексте объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления [8]. Необходим критический аналитический подход к данной проблеме и научная дискуссия в поисках оптимальных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарбатович Д. А.* Задачи и принципы уголовного закона // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 52–54.
2. *Голик Ю. В.* Борьба с преступностью как проблема // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. проф. А. И. Долговой. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2016. С. 9–13.
3. *Ермолович Я. Н.* К вопросу о проблеме преступлений против обороны Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 1. С. 68–74.
4. *Ермолович Я. Н.* Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 576 с.
5. *Закомолдин Р. В.* Ответственность за нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности по уголовному законодательству России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2001. 22 с.
6. *Закомолдин Р. В.* Преступления против военной службы и военные преступления : словарь-справочник. Москва : NOTA BENE, 2010. 120 с.
7. *Закомолдин Р. В.* Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. 192 с.
8. *Закомолдин Р. В., Дуонов В. К.* О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3(42). С. 26–31.
9. *Зателепин О. К.* Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. 211 с.
10. *Зателепин О. К.* Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики) : монография. Москва : За права военнослужащих, 2013. Вып. 135. 192 с.
11. *Мальков С. М.* Преступления против военной службы : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 176 с.
12. Нарушения специальных видов военной службы: вопросы уголовной ответственности / Д. В. Дутов, А. Л. Иванов, Д. Н. Кожухарик и др. Москва : За права военнослужащих, 2007. Вып. 78. 208 с.
13. *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. Москва, 2003. 480 с.
14. *Шулепов Н. А.* Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 365 с.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Несмотря на то, что в настоящее время в нашей стране сформированы устойчивые основы для обеспечения национальной безопасности, законодательные средства ее обеспечения все еще требуют не только теоретического осмысления, но и соответствующей реакции законодателя. По справедливому замечанию Н. П. Патрушева «в отечественном законодательстве и научной литературе пока не выработан единый понятийный аппарат в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации. Это обстоятельство нередко приводит к неоднозначному пониманию содержания различных дефиниций в теории и создает проблемы в правоприменительной практике» [6, с. 3]. Устранить данную проблему можно лишь комплексным исследованием, а также последующими изменениями в законодательстве. При этом следует четко разграничить используемые понятия, устранить возможность их двусмысленного толкования.

Ранее в Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» «безопасность» понималась как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В действующем же Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» это понятие не раскрывается. Однако в ст. 1 указанного закона говорится, что он «определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее — безопасность, национальная безопасность)...» Следовательно, такие категории как «безопасность» и «национальная безопасность», рассматриваются законодателем как синонимы. Некоторые авторы, например, Р.В. Закомолдин, разделяют такой подход [2, с. 27–28], однако, на наш взгляд, это в корне не верно.

Представляется, что категория «национальная безопасность» является частным понятием от общего — «безопасность», которое раскрывается в Стратегии национальной безопасности РФ от 31 декабря 2015 г. В документе таковой называется состояние защищенности

личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан РФ, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ. Как видно из приведенного определения, оно имеет существенный недостаток — национальная безопасность в нем представлена как некое неизменное статичное состояние. Близкую позицию в этом вопросе занимает и А. Б. Мельниченко, которая под национальной безопасностью понимает состояние защищенности ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в РФ от внутренних и внешних угроз, причинения физического, материального, морального, экологического, информационного или политического вреда, обеспечиваемое силами и средствами политического, правового, социально-экономического и иного характера, направленными на сохранность и развитие материальных и духовных ценностей общества, территориальную целостность и суверенитет, функционирование и развитие конституционного строя правового государства, а также снижение степени опасности такого вреда до минимального уровня [5, с. 12]. Несколькими иная точка зрения у Н. Н. Арзамаскина и П. И. Матросова, которые отождествляя понятия «национальная безопасность» и «государственная безопасность», под таковой понимают создание необходимых условий и предпосылок для всех сторон жизнедеятельности человека, субъектов и общества в целом — защиты территориальной целостности, экономической и политической независимости, жизнеспособности его систем, структур и институтов в соответствии с правовыми основами государственности и действующими законами [1, с. 52]. Следует поддержать Р. Ф. Идрисова, который отмечает, что в отношении национальной безопасности, безопасность государства есть лишь составная часть решения общей и целостной проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства. При этом интересы государства не всегда отвечают интересам общественным и тем более индивидуальным [3, с. 60].

Следовательно, «безопасность», прежде всего, следует считать родовым понятием по отношению к «национальной безопасности». Кроме того, «безопасность» в широком смысле следует рассматривать и в статике — как состояние защищенности, и в динамике — как совокупность мер, предпринимаемых для обеспечения этого состояния. С одной стороны, безопасность объекта может обеспечиваться путем проведения мероприятий, направленных на защиту его от суще-

ствующих угроз, а с другой — путем нейтрализации самих угроз. А. А. Тер-Акопов подчеркивает, что приоритетным является вариант устранения угрозы, самого источника опасности, однако такая возможность существует не всегда. Определение безопасности через термин «защищенность» охватывает не все опасные состояния. Это означает, что безопасность как состояние защищенности предполагает в буквальном смысле наличие угроз и противодействие им, но если таковых нет, то и сама проблема безопасности отсутствует [7, с. 11–13].

Вместе с тем, категория «национальная безопасность» является общим понятием по отношению к ее видам или составляющим. В Стратегии национальной безопасности РФ, в отличие от предыдущей, поясняется, что национальная безопасность включает в себя: оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. В то же время система национальной безопасности является сложной многоуровневой системой, состоящей из совокупности взаимосвязанных элементов, которые сами по себе представляют независимые системы [4, с. 57–69]. Так, например, информационная безопасность представляет собой открытую динамичную систему общественных отношений, обеспечивающих реализацию интересов личности, общества и государства в информационной сфере, которая включает в себя: общественные отношения, обеспечивающие реализацию права на информацию и на охрану информации от неправомерного доступа; общественные отношения, обеспечивающие безопасность информационных ресурсов; общественные отношения, обеспечивающие безопасность использования информационно-телекоммуникационных технологий. Аналогичный подход может быть использован для обозначения структуры системы других видов безопасности.

Таким образом, национальная безопасность представляет собой сложноорганизованную систему различных видов безопасности, имеющая своей целью достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан РФ достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Обеспечением национальной безопасности следует признать совокупность политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер.

Среди правовых мер обеспечения национальной безопасности особое место занимают уголовно-правовые меры, так как национальная безопасность может быть обеспечена только комплексным использованием всех имеющихся у государства ресурсов, средств и инструментов, в том числе и системы средств и мер уголовно-правового воздействия [2, с. 28]. В Стратегии национальной безопасности РФ среди главных направлений обеспечения отдельных видов безопасности упоминается совершенствование правового регулирования предупреждения преступности в соответствующей сфере. В частности, речь идет о предупреждении преступности в информационной сфере, преступности среди несовершеннолетних, коррупции, терроризма и экстремизма, организованной преступности и других преступных посягательств на конституционный строй РФ, права и свободы человека и гражданина, государственную и частную собственность, общественный порядок и общественную безопасность. Сказанное позволяет сделать вывод, что отдельные составляющие национальной безопасности являются родовыми или видовыми объектами преступных посягательств, ответственность за которые предусмотрена действующим уголовным законодательством. Интеграция их в единое целое позволяет сделать вывод о том, что национальная безопасность как системообразующая категория иных видов безопасности является объектом уголовно-правовой охраны.

Несмотря на безусловную значимость, вопросы уголовно-правового обеспечения национальной безопасности все еще не разработаны. Не разработана и научно обоснованная концепция направлений уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности России. Так как государством не определены приоритетные направления уголовно-правового обеспечения национальной безопасности, едва ли можно говорить об эффективном уголовно-правовом механизме обеспечения национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арзамаскин Н. Н., Матросов П. И.* Государственная безопасность: понятие, черты и перспективы стабилизации // Преступность как угроза национальной безопасности / под ред. А. И. Чучаева. Ульяновск, 1998. С. 52.
2. *Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К.* О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3(42). С. 26–31.
3. *Идрисов Р. Ф.* Теоретические и правовые проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002.

4. *Кардашова И. Б.* МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007.

5. *Мельниченко А. Б.* Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

6. *Патрушев Н. П.* Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 3–12.

7. *Тер-Акопов А. А.* Безопасность человека. Социальные и правовые основы. Москва, 2005.

МОТИН О. А.

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Самарского национального исследовательского
университета им. ак. С. П. Королёва,
к. ю. н., доцент (г. Самара)*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ С УЧЕТОМ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Современная общественно-правовая действительность требует учета как публичных, так и частных интересов в процессе обеспечения национальной безопасности при помощи уголовно-правовых средств или инструментария уголовного закона.

Эта необходимость вызвана требованиями новых подходов к решению задач уголовно-правового регулирования, связанных с установлением наилучшего взаимодействия и взаимовлияния между публичными и частными интересами как элементами правоотношений, охраняемых российским уголовным законодательством.

Также необходимость постоянного учета публичных и частных интересов и их проявлений в уголовном праве России обуславливается существующей между ними объективной взаимосвязью и взаимозависимостью, потребностями к минимизации внутренних отраслевых и межотраслевых противоречий в процессе реализации уголовного закона.

По нашему мнению, для гарантирования качественного обеспечения национальной безопасности уголовно-правовыми средствами необходимо научное обоснование:

а) пригодных к использованию в теории и практике применения уголовно-правовых норм критериев отраслевого и межотраслевого взаимодействия публичного и частного в уголовном праве России;

б) научно-теоретических и прикладных вопросов учета публичных и частных интересов в материальном уголовном праве в аспекте интересов правосудия;

в) теоретико-практических аспектов межотраслевого согласования правовых норм об ответственности за посягательства, сопряженные с нарушением публичного и (или) частного интересов с предложением конкретных мер по совершенствованию уголовного закона и практики его применения.

Решение фундаментальной задачи науки уголовного права о формулировании критериев отраслевого и межотраслевого взаимодействия публичного и частного в уголовном праве России, исходя из целей обеспечения национальной безопасности при помощи уголовно-правовых средств, должно осуществляться путем описания правовых средств (инструментов) для учета публичных и частных интересов в материальном уголовном праве, в том числе в аспекте интересов правосудия.

Исследование проблем соотношения публичного и частного в уголовном праве России представляется достаточно актуальным в связи с тем, что в настоящее время ясно обозначился запрос общества на реформирование уголовного закона с целью максимального приближения его норм к современным реалиям. Важнейшая цель такого реформирования заключается в установлении оптимального соотношения уголовно-правовой охраны частных и публичных интересов с учетом философских, а также историко-правовых традиций общества. Необходимость в выводах по исследуемой теме актуализируется также в свете обсуждения Верховным Судом РФ введения в УК РФ новой категории «уголовный проступок», степень соотношения которой с административно-деликтным, гражданским и иными отраслями права России еще предстоит определить и научно обосновать.

Кроме того, задача обеспечения национальной безопасности уголовно-правовыми средствами с учетом публичных и частных интересов соответствует одному из направлений, предусмотренных государственной Стратегией научно-технологического развития РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642. Так, в п. 20 Стратегии предусмотрено, что «в ближайшие 10-15 лет приоритетами научно-технологического развития России следует считать те направления, которые позволят получить научные и научно-технические результаты и создать технологии, являющиеся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, устойчивого положения России на внешнем рынке, и обеспечат ... про-

тивоедействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства».

Также указанной Стратегией определены такие понятия, как «научно-технологическое развитие Российской Федерации» (трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы); «большие вызовы» (объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов); «приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации» (важнейшие направления научно-технологического развития государства, в рамках которых создаются и используются технологии, реализуются решения, наиболее эффективно отвечающие на большие вызовы, и которые обеспечиваются в первоочередном порядке кадровыми, инфраструктурными, информационными, финансовыми и иными ресурсами); «независимость» (достижение самостоятельности в критически важных сферах жизнеобеспечения за счет высокой результативности исследований и разработок и практического применения полученных результатов); «конкурентоспособность» (формирование явных по отношению к другим государствам преимуществ в научно-технологической области и, как следствие, в социальной, культурной, образовательной и экономической областях).

При этом основа правомерности выделения публичного и частного в уголовном праве России была заложена еще в позапрошлом веке Н. С. Таганцевым [6]. Однако, в советское время исследования данных вопросов, в значительной степени по идеологическим причинам, не проводились. В современной науке уголовного права одним из первых научных трудов, обосновавших выделение в уголовном праве сфер публичного и частного, стала монография Н. И. Пикурова «Уголовное право в системе межотраслевых связей» [3].

В настоящее время в научных статьях, фактически, только констатируется взаимодействие публичного и частного в уголовном праве [1, с. 99–102; 2, с. 39–42; 4, с. 42–46; 5, с. 21–23], монографические исследования по анализу вопросов взаимосвязей публичного и частного в уголовном праве России практически отсутствуют.

Для решения фундаментальной задачи науки уголовного права о формулировании критериев отраслевого и межотраслевого взаимодействия публичного и частного в уголовном праве России с предло-

жением конкретных мер по совершенствованию уголовного закона необходимо:

- обосновать значимые для науки и практики аспекты применения уголовно-правовых норм публично-правового и частноправового характера в уголовном праве России;
- раскрыть теоретико-прикладные вопросы учета публичных и частных интересов в материальном уголовном праве;
- рассмотреть теоретические и практические аспекты межотраслевого согласования правовых норм об ответственности за уголовно-наказуемые посягательства на публичный и частный интересы.

Современные проблемы реформирования уголовного законодательства и практики его применения должны рассматриваться сквозь призму соотношения частных и публичных интересов при формулировании и реализации уголовно-правовых норм, в том числе в аспекте интересов правосудия. При этом новой научной идеей выступает разработка такого инструментария, который позволит суду находить и сохранять при отправлении правосудия оптимальное соотношение публичных и частных интересов, что в свою очередь должно повлечь и социально-экономический эффект: снижение количества обжалованных приговоров и, следовательно, экономию средств федерального бюджета на повторное рассмотрение уголовных дел.

В процессе решения вышеуказанных задач помимо общенаучных подходов и методов, которые позволяют выработать инструментарий для обеспечения национальной безопасности уголовно-правовыми средствами с учетом публичных и частных интересов, необходимо также использование следующих научных и прикладных методов:

- философского, историко-правового и социологического методов для обоснования вопросов историко-философских оснований публичных и частных начал в уголовном праве;
- формально-логического и конкретно-социологического методов для обоснования установления пределов публичного и частного в уголовном праве России;
- сравнительно-правового и историко-правового методов для обоснования вопросов компаративного подхода к уголовно-правовой охране публичных и частных интересов в романо-германской, англосаксонской, мусульманской и иных правовых системах;
- прикладных методов исследования судебной практики и судебной статистики для обоснования вопросов отраслевого и межотраслевого взаимодействия публичного и частного в уголовном праве России в теоретико-прикладной аспекте;

– верификационного подхода к исследованию судебной практики и судебной статистики для обоснования вопросов взаимодействия публичного и частного в материальном уголовном праве с соответствующими сферами иных отраслей права России.

Проверяемость и надежность результатов реализации указанной идеи должна обеспечиваться использованием в числе прочих статистического метода исследования путем приведения процентных и абсолютных данных по обжалованию приговоров как стороной защиты, так и представителями стороны обвинения, с осуществлением значительной выборки уголовных дел (с использованием данных порталов ГАС «Правосудие», «Судебные и нормативные акты РФ», СПС «Консультант Плюс» и других современных информационных ресурсов).

Вышеуказанные подходы и методы решения задач обеспечения национальной безопасности уголовно-правовыми средствами с учетом публичных и частных интересов, а также понимание социальной целесообразности и объективной востребованности результатов такого исследования могут способствовать повышению эффективности мер, предпринимаемых органами исполнительной и судебной ветвей власти по обеспечению безопасности общества от преступных посягательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабурина С. В.* Соотношение публичного и частного начал в конфискации имущества // Закон и право. 2010. № 4. С. 99–102.
2. *Маштаков К. М.* Тенденции развития частноправовых начал в современном уголовном праве России // Юристъ-правоведь. 2013. № 1. С. 39–42.
3. *Пикуров Н. И.* Уголовное право в системе межотраслевых связей / под ред. А. В. Наумова. Волгоград, 1998. 221 с.
4. *Солодовниченко Т. А.* Критерии разграничения права на частное и публичное // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 42–46.
5. *Сумачев А. В.* О публичном характере уголовного права // Закон и право. 2004. № 10. С. 21–23.
6. *Таганцев Н. С.* Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Вып. I-IV. Санкт-Петербург, 1887-1892

НЕКРАСОВ А. П.

*профессор кафедры профессиональных дисциплин
Самарского юридического института ФСИИ России,
д. ю. н., профессор (г. Самара)*

НАРКОТИЗМ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ

На сегодняшний день незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов вызывает тревогу не только в обществе, но и в государстве. Несмотря на все предпринимаемые правоохранительными органами меры в этой области, надлежащего контроля за незаконным оборотом наркотиков в обществе установить не удается.

С одной стороны, акцент делается не на реальном результате, а на отчетности и показателях, что доминирует в деятельности правоохранительных органов. С другой, специализированных полноценных структур по борьбе с незаконным оборотом наркотиков не существует (ранее была расформирована такая специальная структура, как ОБНОН). Кроме того, необходима выстроенная государственная политика в данной сфере. Так, последняя масштабная и значимая государственная инициатива в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков имела место в 2010 году, когда задачей была лишь только в 2010 году, когда Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г., в которой были определены основные направления деятельности в этой сфере.

Особое значение в сфере незаконного оборота наркотиков приобретает проблема их распространения в пенитенциарной системе. В исправительных учреждениях, несмотря на предпринимаемые ФСИИ России профилактические меры, незаконный оборот наркотиков не снижается, а в отдельно взятых учреждениях даже увеличивается. Это говорит о том, что, с одной стороны, сами заключенные заинтересованы в потреблении таких запрещенных предметов и в обеспечении каналов их поставки, а, с другой, отдельные сотрудники системы исполнения наказаний имеют корыстную заинтересованность.

В целом же такое положение дел сводит к нулю достижение целей наказания, исправление осужденных и частную превенцию.

Безусловно, руководством ФСИИ России разрабатываются и внедряются комплексные меры в виде указаний и инструкций, на-

правленные на совершенствование противодействия наркопреступности в местах лишения свободы, однако должного эффекта они не достигают. Эффективность противодействия пенитенциарному наркотизму оставляет желать лучшего.

Полагаем, можно смело заявлять о том, что принимаемые меры противодействия наркопреступности в исправительных учреждениях либо не срабатывают совсем, либо оказываются малоэффективными.

Пенитенциарная наркопреступность на сегодняшний день является основным ядром всех преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, и именно она порождает другие виды негативных и общественно опасных деяний, такие как суицид, преступления против личности, против общественного порядка и общественной безопасности, против собственности, насильственные преступления и др. [1, с. 15]

Так, согласно данным официальной статистики ФСИН России, доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в местах лишения свободы, составила: в 2017 г. — 23,13 %, в 2018 г. — 36,42 %, в 2019 г. — 31,0 % [2].

К сожалению, на наш взгляд, упомянутая статистика не соответствует действительности, поскольку отдельные руководители пенитенциарных учреждений занижают данные о таких преступлениях, регистрируя только наиболее явные, очевидные и циничные факты. В структуре пенитенциарной преступности незаконный оборот наркотиков занимает одну из лидирующих позиций, уступая только количеству насильственных преступлений. Так, по данным проф. М. Ф. Костюка, имеет место высокая степень латентности таких преступлений в исправительных учреждениях, которые не получают отражения в официальной уголовной статистике. Причинами такого положения дел автор называет:

- трудности раскрытия;
- сложности квалификации;
- пробелы в праве;
- низкая квалификация сотрудников ИУ;
- нежелание огласки;
- боязнь угроз со стороны осужденных;
- низкий уровень правосознания и правовой культуры;
- неверная оценка обстоятельств (так, многие сотрудники расценивают употребление наркотиков как злостное нарушение режима, а не как уголовное преступление) [3, с. 88].

Личность является одним из ключевых элементов криминологической характеристики преступности. Применительно к рассмат-

риваемой нами категории преступлений к таким лицам следует относить не только осужденных, которым вынесен обвинительный приговор с отбыванием наказания в соответствующем ИУ, но и аттестованных сотрудников ИУ, вольнонаемных граждан, граждан, находящихся на свободе и имеющих прикосновение к подобным видам преступлениям.

Потенциальный наркоман, освободившийся из мест заключения, по истечению небольшого срока вновь совершает подобного рода преступление. Почти все наркоманы имеют психические заболевания, психические расстройства. Все они испытывают тревогу, некую подозрительность, переживания, напряжение психики, способны на неадекватные поступки, совершение новых правонарушений.

По данным ФСИН РФ, чаще всего за незаконный оборот наркотических средств с проносом в ИУ задерживаются младшие инспектора по надзору (60%); вольнонаемные работники (23,6 %), офицеры (15,5 %) [2]. Эти данные говорят о том, что эти лица напрямую контактируют со специальным контингентом учреждения и в силу своих неустойчивых психологических особенностей оказывают воздействие заключенным в сбыте наркотических веществ. И это не смотря на то, что все сотрудники системы проходят профессиональную подготовку и предупреждаются об уголовной ответственности за оборот наркотиков.

С учетом изложенного считаем возможным и уместным сформулировать следующие выводы и предложения, направленные на снижение наркопреступности внутри пенитенциарной системы.

В целях предотвращения незаконного оборота наркотических средств в местах лишения свободы необходимо создать модернизированные специализированные ИУ с отбыванием наказания только для тех лиц, кто осужден исключительно за незаконный оборот наркотических средств, что позволит обеспечить контроль и надзор за поведением спецконтингента, за его перемещением внутри ИУ, особенности лечения и, что особенно важно, за проникновением подобных запрещенных веществ в ИУ.

Учитывая тот факт, что сбыт наркотических средств в особом крупном размере существенно не снижается в масштабах Российской Федерации, предлагаем за такое деяние назначать пожизненное лишение свободы.

Ввести в УК РФ положение о том, чтобы, подобные лица отбывали назначенное наказание в ИУ особо типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов А. П., Голубцова К. И. Криминологический аспект незаконного оборота наркотиков в местах лишения свободы : монография. Самара : СЮИ ФСИН России, 2015. 148 с.
2. Обзор деятельности ФСИН России за 2019 г. Москва, 2020.
3. Костюк М. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях : дис ... докт. юрид. наук. Москва, 2000. 463 с.

ХЛЕБУШКИН А. Г.

*профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
д. ю. н., доцент (г. Санкт-Петербург)*

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Исходя из содержания главы 29 УК РФ анализ развития отечественного законодательства в части уголовно-правового обеспечения государственной безопасности целесообразно осуществлять в рамках следующих видов преступных деяний:

- 1) деяния, направленные на насильственный захват власти, ее насильственное удержание, а также на насильственное и иное противоправное изменение основ государственного устройства;
- 2) посягательства на жизнь представителей власти как государственных деятелей;
- 3) государственная измена и шпионаж;
- 4) диверсия;
- 5) деяния, направленные на возбуждение ненависти или вражды;
- 6) посягательства на сохранность государственной тайны;
- 7) создание антигосударственных противозаконных объединений и участие в них.

Нормы, устанавливающие ответственность за указанные деяния были в Русской Правде (Краткой редакции и Пространной редакции), Псковской Судной грамоте, Судебнике 1497 г., Соборном уложении 1649 г., Артикуле воинском Петра I 1715 г., Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и в Уголовном уложении 1903 г.

Изменения, которые произошли в России в 1917 г., привели и к изменению подхода к криминализации антигосударственных посягательств.

Для этого периода характерно отождествление государственных интересов с основными революционными завоеваниями, в связи с этим часть государственных преступлений в УК РСФСР 1922 г. рассматривались как контрреволюционные. Понятие контрреволюционного преступления было приведено в ст. 57: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами. Контрреволюционным признается также и такое действие, которое не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».

В ст. 58 УК устанавливалась ответственность за организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры.

Ответственность за участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 58, устанавливалась в ст. 60.

В ст. 68 предусматривалась ответственность за укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям, предусмотренным статьями 57-67 УК.

Пропаганда и агитация, выражающиеся в призыве к свержению советов путем насильственных или иных действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, влекли ответственность по ст. 69 УК.

В ст. 72 УК была закреплена ответственность за изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера.

В ст. 83 среди уголовно наказуемых деяний указывались агитация и пропаганда, направленные на возбуждение национальной вражды и розни.

А в ст. 119 предусматривалась ответственность за использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям.

В УК РСФСР 1926 г. относительно рассматриваемых преступлений во многом повторялись положения УК 1922 г. В ст. 46 УК 1926 г. указывалось следующее: «Преступления, предусмотренные настоящим Кодексом, разделяются на: а) направленные против основ Советского строя, установленного в Союзе С.С.Р. властью рабочих и крестьян, и признаваемые в силу этого наиболее опасными; б) все остальные преступления».

Существенные изменения в УК РСФСР 1926 г. в рассматриваемой части были внесены Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 6 июня 1927 г.

В ст. 581 было дано понятие контрреволюционного преступления.

Статья 582 устанавливала ответственность за вооруженное восстание или вторжение на советскую территорию вооруженных банд, захват власти и другие действия, аналогичные указанным ранее в ст. 58 УК РСФСР 1922 г.

В ст. 5810 УК 1926 г. предусматривалась ответственность за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а также за распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания.

Статья 5811 устанавливала ответственность за любую организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение контрреволюционных преступлений, и за участие в организации, образованной для таких целей, а ст. 5812 — за недонесение о контрреволюционных преступлениях.

Согласно ст. 58 преступным признавалось изготовление или хранение с целью распространения литературы контрреволюционного характера.

Статьей 592 была установлена ответственность за участие в беспорядках, сопряженных, среди прочего, с понуждением властей к исполнению явно незаконных требований.

В ст. 597 предусматривалась ответственность за пропаганду или агитацию, направленные на возбуждение национальной или религи-

озной вражды или розни, а равно за распространение или изготовление и хранение литературы того же характера.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. интересующие нас нормы преимущественно были отнесены к особо опасным государственным преступлениям.

Особенная часть УК 1960 г. начиналась с главы «Государственные преступления». Первым предусмотренным в ней преступлением была "Измена Родине" (ст. 64), под которой понималось умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти.

Статья 65 предусматривала ответственность за шпионаж.

Диверсия описывалась в ст. 68 (исключена Федеральным законом от 1 января 1994 г. № 10-ФЗ).

Статья 70 (в ред. 1992 г.) устанавливала ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти, а равно за массовое распространение материалов, содержащих такие призывы. Однако в своей начальной редакции данная норма предусматривала ответственность за антисоветскую агитацию или пропаганду.

Публичные призывы к измене Родине, совершению террористического акта или диверсии квалифицировались по ст. 701.

Статья 74 устанавливала уголовную ответственность, в частности, за умышленные действия, направленные на возбуждение национальной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности.

В 1995 г. в главу 1 «Государственные преступления» УК РСФСР была введена ст. 772 «Организация или участие в незаконных вооруженных формированиях», что было обусловлено ростом количества незаконных вооруженных формирований (НВФ) в Чечне, их активной антигосударственной насильственной деятельностью. В УК РФ соответствующая норма (ст. 208) была помещена в главу 24 «Преступления против общественной безопасности». Реализованное в УК РСФСР 1960 г. решение об отнесении данного преступления к

государственным было более точным в части отражения характера деятельности данных формирований, что подтверждается судебной практикой. Пленум Верховного Суда РФ в п. 23 постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [5] прямо указал, что НВФ создаются для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориально целостности Российской Федерации).

В ст. 72 была предусмотрена ответственность за организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, к созданию организации, имеющей целью совершить такие преступления, а равно за участие в антисоветской организации. Ст. 881 устанавливала ответственность за недонесение о государственных преступлениях, а ст. 882 — за их укрывательство.

Наше государство накопило богатый и разнообразный опыт уголовно-правового обеспечения государственной безопасности. Разумеется, на каждом историческом отрезке подход к криминализации соответствующих деяний отражал текущие представления как о приоритетных объектах этой безопасности, так и о главных угрозах для них.

Были и специфические подходы. Например, УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. устанавливали ответственность за активные действия или активную борьбу против рабочего класса при царском строе, чем придавалась обратная сила уголовному закону.

Согласно ч. 2 ст. 581в УК РСФСР 1926 г. совершеннолетние члены семьи лица, совершившего измену родине, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления подлежали лишению избирательных прав и ссылке.

Но многое и переоценивалось, в том числе — на законодательном уровне с последующим принятием решений по вынесенным ранее приговорам.

Например, как отмечалось выше, ст. 581о УК РСФСР 1926 г. и ст. 70 УК РСФСР 1960 г. (в начальной редакции) устанавливали ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Так, П. был признан виновным в том, что в целях подрыва Советской власти занимался антисоветской деятельностью. Он на протяжении 1961-63 гг. изготовил 9 анонимных писем антисоветского содержания, в которых клеветал на советский государственный и общественный строй, руководителей КПСС и правительства, ус-

ловия жизни советского народа, призывал к уничтожению всех коммунистических партий, к свержению существовавшего в СССР строя вооруженным путем. Одно из этих писем в апреле 1961 г. П. направил в Посольство США в Москве с просьбой опубликовать его в печати, а восемь других — 23 марта 1963 года оставил на выставке «Американская техническая книга», проходившей в г. Ленинграде.

С учетом того, что согласно п. «а» ст. 5 Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» антисоветская агитация и пропаганда признаны не содержащими общественной опасности, независимо от фактической обоснованности обвинения, уголовное дело в части осуждения П. по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2001 г. № 375п01пр).

Подобные решения принимались и в отношении лиц, ошибочно осужденных по ст. 5810 УК РСФСР 1926 г., при этом суды ссылались одновременно и на ст. 5 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», и на то, что в высказываниях осужденных не содержалось призывов к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (постановления Президиума Верховного Суда РФ от 28.12.2011 г. № 375-п11пр и от 15.07.2020 г. № 25п20пр).

Вместе с тем в Законе «О реабилитации жертв политических репрессий» прямо указывается, что не подлежат реабилитации лица, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия; б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны (п. «а» ст. 4).

Изложенное в очередной раз подтверждает необходимость четкого соблюдения принципов криминализации, первый из которых — действительная общественная опасность криминализируемого деяния. Это — гарантия (пусть и не единственная) обоснованности уголовно-правовой репрессии в сфере обеспечения безопасности государства и принимаемых судебных решений независимо от исторического периода и политической ситуации.

**АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА**

Преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, известны не только в законодательстве Республики Беларусь, но и в других странах. Уголовная ответственность за их совершение в иностранных государствах возникла намного раньше, чем в нашей стране. Именно это и актуализирует, а также обосновывает необходимость проведения сравнительно-правового анализа зарубежных законодательных концепций в области противодействия экстремизму с целью применения положительного опыта других стран в белорусском сегменте. Необходимо отметить, что уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в указанной сфере имеют общие черты.

Концепция Республики Беларусь в области противодействия экстремизму в целом схожа с имеющейся в России. Об этом свидетельствует и принятый Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму», который аналогичен Федеральному закону Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в том числе и в определении понятия «экстремизм», что, по мнению автора, является достаточно спорной дефиницией.

Учитывая транснациональный характер, а также различную мотивацию и цели экстремистов (террористов), УК Республики Беларусь включает ряд самостоятельных составов преступлений, непосредственно регламентирующих ответственность за акт терроризма.

Первая группа преступлений, закрепляющих ответственность за акт терроризма, закреплена в главе 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» раздела VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления». В рамках этой главы УК Республики Беларусь ответственность за самостоятельные разновидности террористического акта установлена статьями 124 «Акт терроризма в отношении представителя иностранного государства» и 126 «Акт международного терроризма».

Проводя анализ 124 УК Республики Беларусь можно выделить ряд характерных черт, относящих указанный состав к исключительному:

1) исходя из содержания объективной стороны, закреплённой в части 1 статьи 124 УК Республики Беларусь, в качестве дополнительного объекта выступают здоровье и личная свобода представителя иностранного государства или международной организации;

2) рассматриваемый вид преступления включает в себя пять альтернативных действий объективной стороны состава: насилие в отношении представителя иностранного государства или международной организации, его захват, удержание либо похищение его или лишение свободы;

3) субъективная сторона в качестве обязательного признака включает в себя цель — провокация международных осложнений или войны либо дестабилизация общественного порядка.

В УК Республики Беларусь закреплена ещё одна разновидность акта терроризма. Статья 126 устанавливает ответственность за акт международного терроризма [3]. Она также имеет ряд особенностей:

1) зафиксированы принципиально отличные от статьи 124 УК Республики Беларусь объекты уголовно-правовой охраны, к которым законодатель относит: общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека, отношения собственности;

2) объективная сторона выражена совершением альтернативных действий, включающими в себя ряд общественно опасных деяний, которые имеют между собой существенные отличительные признаки: совершение на территории иностранного государства либо на территории дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства, находящихся на территории Республики Беларусь, взрыва, поджога, затопления, иных деяний общепаспортным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий;

3) характерно построена и субъективная сторона, которая имеет две самостоятельные и взаимосвязанные цели: провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве.

В главе 27 «Преступления против общественной безопасности» раздела X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» закреплена ст. 289, устанавливающая ответственность за терроризм, которая в свою очередь схожа со ст. 205 УК РФ.

В качестве самостоятельного вида акта терроризма рассматривается деяние, закреплённое в ст. 359 УК Республики Беларусь «Акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля». Эта статья расположена в главе 32 «Преступления против

государства» раздела XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления». Основным объектом выступает политическая основа конституционного строя, в качестве дополнительного объекта законодатель указывает: жизнь, здоровье и личная свобода государственного или общественного деятеля Республики Беларусь. Именно это обстоятельство и определяет место расположения вышеуказанной нормы.

На наш взгляд, новеллой в сфере противодействия преступлениям экстремистского характера в белорусском уголовном законодательстве можно считать введенные в 2016 году статьи в УК Республики Беларусь, предусматривающие ответственность за: создание экстремистского формирования и за финансирование деятельности экстремистского формирования (361-1, 361-2).

Завершая рассмотрение уголовного законодательства Республики Беларусь в области формирования законодательной концепции по противодействию криминальным формам экстремистских проявлений и отчасти затрагивая российское законодательство, следует констатировать, что реализованный законодательный подход является в целом позитивным, но не без изъянов. Например, в уголовном законодательстве Республики Беларусь до сих пор не криминализована пропаганда экстремизма. Кроме этого, с учетом молниеносного развития информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) представляется целесообразным обратить внимание законодателя не только на преступления, совершенные с использованием средств массовой информации или глобальной компьютерной сети Интернет, а также на применение ИКТ в экстремистских целях.

По мнению А. В. Петрянина наиболее существенным преимуществом белорусского законодательства, направленного на борьбу с экстремистскими преступлениями, с нашей точки зрения, является выделение законодателем опасности экстремизма в терроризме, не только для безопасности государства и общественной безопасности, но и для всего мирового сообщества в целом, о чем свидетельствует наличие в УК четырех самостоятельных составов преступлений, регламентирующих ответственность за акты терроризма УК [1, с. 163].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Наличие значительного массива специального законодательства, направленного на противодействие экстремизму, и положительный опыт его применения в ряде зарубежных государств позволяют нам не согласиться с мнением тех исследователей, которые предлагают в правовом регулировании противодействия с экстре-

мизмом ограничиться нормами уголовного законодательства. Экстремизм — достаточно сложное явление, которое необходимо строго отграничивать от экстремистской деятельности, для нейтрализации которой необходимо не только определить противоправность и наказуемость соответствующих проявлений, но и сформировать четкий понятийный аппарат, иерархию принципов, субъектов противодействия данному явлению.

2. Сравнение национальных и зарубежных норм, свидетельствует о том, что проблема противодействия экстремизму заключается не столько в дефекте законодательства, сколько в дефекте его применения. Даже наиболее удачно сформированная норма может оказаться неэффективной без ее последовательной реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрянин А. В.* Специфика уголовно-правового противодействия экстремизму на территории постсоветского пространства (на примере анализа законодательства Республики Беларусь и Грузии) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2014. № 4(28). С. 160—165.

ЯЦУТА И. С.

*сотрудник Институт национальной безопасности Республики Беларусь,
к. ю. н., доцент (Республика Беларусь, г. Минск)*

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

1. Защита независимости, территориальной целостности, основ конституционного строя и безопасности страны является одной из приоритетных задач, стоящей перед любым государством. В Республике Беларусь сформирована и действует система мер по предотвращению либо нейтрализации различных угроз национальной безопасности. Немаловажное значение при этом отводится уголовному законодательству, с помощью которого определяются признаки уголовно-наказуемых деяний, представляющих повышенную опасность для самого государства.

Особенная часть УК Республики Беларусь использует в названиях отдельных разделов или глав такие термины как «безопасность человечества», «экологическая безопасность», «общественная безо-

пасность», «информационная безопасность», тем самым указывая на объект уголовно-правовой охраны.

Хотя ст. 2 УК содержит указание на конституционный строй Республики Беларусь в качестве объекта уголовно-правовой охраны, преступления против государства посягают и на иные общественные отношения, которые в указанной статье рассматриваются как «общественные и государственные интересы».

Полагаем, что название главы 32 УК «Преступления против государства» не в полной мере отражает социальную направленность и опасность деяний, направленных на причинение вреда национальным интересам Республики Беларусь. Название главы 32 УК должно отражать в качестве видового объекта посягательства не само государство, а его интересы либо безопасность как состояние защищенности определенных интересов и потребностей. В качестве *de lege ferenda* предлагаем изменить название главы 32 УК, например, на «Преступления против национальной безопасности» или «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», что будет отражать характер охраняемых уголовным законом общественных отношений (соответствующие изменения должны быть внесены и в название раздела УК).

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г., проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды относит к основным потенциальным либо реально существующим угрозам национальной безопасности (п. 27), а формирование, проникновение либо распространение идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости, возникновение либо незаконная деятельность организаций, группировок, отдельных лиц, придерживающихся и распространяющих указанные взгляды, признает внутренними источниками угроз национальной безопасности в политической сфере (п. 29).

Белорусский законодатель ставит знак равенства между экстремизмом и экстремистской деятельностью, понимая под экстремизмом деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций по планированию, организации, подготовке и совершению действий, исчерпывающий перечень которых закреплен в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму».

Проведенный сравнительный анализ антиэкстремистского и уголовного законодательства Республики Беларусь позволил выявить ряд проблемных моментов.

1. К экстремизму относится деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь (ст. 1 Закона о противодействии экстремизму). Однако в УК Республики Беларусь отсутствует норма, которая бы предусматривала самостоятельную ответственность за подобного рода деяния. Такое преступление против государства как захват либо удержание государственной власти неконституционным путем (ч. 2 ст. 357 УК) не охватывает собой вышеперечисленные экстремистские действия.

2. К экстремизму также относится деятельность по «... планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на ... организацию и осуществление актов вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды» (ст. 1 Закона о противодействии экстремизму).

Наряду со стилем изложения нуждается в уточнении, на наш взгляд, и диспозиция нормы, т. к. ст. 341 УК («Осквернение сооружений и порча имущества») не использует термин «вандализм», хотя и предусматривает ответственность за осквернение зданий или иных сооружений циничными надписями или изображениями, а также порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

С учетом того, что ключевым признаком вандализма как преступления против общественной нравственности является именно осквернение объектов материального мира, использование в диспозиции статьи такого оценочного признака как «цинизм» видится излишним. Тем более что в УК Республики Беларусь уже используется термин «исключительный цинизм» в составе хулиганства, под которым, как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в Постановлении от 24 марта 2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве», понимается «проявление в действиях, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, крайне презрительного отношения к основным нравственным ценностям общества» (п. 7).

Не оперирует термином «цинизм» и уголовное законодательство иных государств. Так, УК Республики Казахстан 2014 г. пре-

дусматривает ответственность за осквернение зданий, иных сооружений, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, не только надписями или рисунками, но и иными действиями, оскорбляющими общественную нравственность (ст. 294). УК РФ 1996 г. под вандализмом наряду с порчей имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах понимает осквернение зданий или иных сооружений (ст. 214).

В этой связи предлагается изменить название ст. 341 УК Республики Беларусь на «Вандализм», а также исключить из ее диспозиции слова «циничными надписями или изображениями».

3. К экстремизму относится деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на создание экстремистского формирования (к такому формированию относятся организация для осуществления экстремистской деятельности, экстремистская организация и экстремистская группа).

Статья 361-1 УК («Создание экстремистского формирования») предусматривает ответственность не только за создание экстремистского формирования, но и руководство таким формированием или входящим в него структурным подразделением. Буквальное толкование закона позволяет сделать вывод, что руководство созданным экстремистским формированием не относится к экстремистской деятельности.

Для исключения двойственного понимания экстремистской деятельности Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» должен оперировать не названиями соответствующих статей УК, а исчерпывающе описывать экстремистские действия.

Аналогичным образом должен решаться вопрос и в отношении такого экстремистского преступления как создание незаконного вооруженного формирования, т. к. ст. 287 УК («Создание незаконного вооруженного формирования») предусматривает ответственность не только за создание, но и за руководство таким формированием, а также участие в нем.

В качестве альтернативы возможно перечисление статей УК, в которых описаны признаки экстремистских действий.

4. К экстремизму относится не только финансирование экстремистской деятельности, но и иное содействие в ее осуществлении, в т.ч. числе путем предоставления недвижимого имущества, средств электросвязи, учебных, полиграфических, других материально-технических средств или информационных услуг.

В УК предусмотрена самостоятельная норма о финансировании деятельности только экстремистского формирования (ст. 361-2 УК).

С учетом того, что в диспозиции ст. 361-2 УК речь идет о предоставлении или сборе средств для обеспечения деятельности экстремистского формирования, полагаем, что это может быть финансирование деятельности как создаваемого, так и уже созданного формирования, при этом статья рассматривает финансирование в широком смысле, т. к. предметом могут выступать не только денежные средства, но и иное имущество. Однако наряду с финансированием экстремистской деятельности, Закон о противодействии экстремизму упоминает также «иное содействие в ее осуществлении, в т. ч. путем предоставления средств электросвязи, учебных, полиграфических, других материально-технических средств» (ст. 1), что одновременно подпадает под понятие финансирования в виде предоставления иного имущества. Для устранения указанных противоречий целесообразно рассматривать финансирование в узком смысле, и наряду с ним в диспозиции ст. 361-2 УК использовать такой термин как «иное материальное обеспечение деятельности экстремистского формирования». Соответствующие изменения целесообразно внести также в антикоррупционное законодательство.

Финансирование экстремистской деятельности вне деятельности экстремистского формирования можно рассматривать как пособничество в совершении конкретного экстремистского преступления.

Несмотря на то, что к экстремистской также относится деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на пропаганду или публичное демонстрацию, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения (влечет ответственность по ст. 17.10 КоАП), а распространение экстремистских материалов, изготовление, издание, хранение или перевозка в целях распространения таких материалов влечет ответственность по ст. 17.11 КоАП, финансирование такой деятельности в виде изготовления либо издания соответствующей продукции следует признавать самостоятельным административным правонарушением.

К экстремизму относится и иное содействие в ее осуществлении в виде предоставления информационных услуг (ст. 1 Закона о противодействии экстремизму). С точки зрения УК предоставление таких услуг также следует рассматривать в качестве пособничества только в совершении экстремистского преступления. В соответствии с требованиями ч. 7 ст. 2.4 КоАП пособничество в совершении правонарушений, предусмотренных ст.ст. 17.10 и 17.11 КоАП, не влечет административную ответственность.

5. К экстремизму также относятся публичные призывы к экстремистской деятельности и экстремистским действиям (ст. 1 Закона о противодействии экстремизму).

Статья 17.11 КоАП предусматривает ответственность за распространение информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность, если в содеянном нет состава преступления. В то же время публичные призывы к совершению иных действий, направленных на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь, либо распространение материалов, содержащих такие призывы, влекут уголовную ответственность (ст. 361 УК), однако правоприменительная практика идет по пути привлечения лиц, распространяющих информационную продукцию экстремистского характера, именно к административной ответственности.

По законодательству Республики Беларусь пропаганда экстремистской деятельности фактически сводится к распространению информационной продукции, пропагандирующей экстремистскую деятельность (ст. 17.11 КоАП), что не соответствует степени ее общественной опасности.

ЯРОЩУК А. В.

*магистрант кафедры уголовного,
экологического права и криминологии*

ГРОМОВ В. Г.

*д. ю. н., профессор,
профессор кафедры уголовного, экологического права
и криминологии Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов)*

КОРРУПЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время проблема коррупции является одной из самых актуальных вопросов не только для России, но и для других стран. Это негативное явление проникло практически во все сферы жизни общества. При этом разнообразные проявления коррупции не только тормозят развитие экономики, но и разрушают социальную инфраструктуру, и в некоторой степени ограничивают демократические устои в нашем государстве, ущемляя права и свободы граждан в различных сферах жизни. Именно поэтому в Стратегии нацио-

нальной безопасности РФ от 31 декабря 2015 г. коррупция рассматривается в качестве одной из угроз национальной безопасности.

По данным социологических исследований ВЦИОМ, одним из лидеров по численности коррумпированного персонала является сфера оказания медицинских услуг. При этом из-за процветания коррупционных схем в системе здравоохранения множество людей ежегодно не получают или получают не в полном объеме качественное медицинское обслуживание. Данное обстоятельство представляет серьезную опасность, так как речь идет о жизни и здоровье человека.

На данный момент достижения в области медицины позволяют воздействовать на организм человека, влияя на его жизнедеятельность и целостность. Важное место среди этих открытий занимают научные прорывы в сфере трансплантации органов и (или) тканей человека в виду реальной возможности спасения здоровья и жизни человека в тех случаях, когда иные средства и способы бессильны.

Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» закрепляет положение о том, что органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи, и что такие действия влекут уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ. Однако установление данного запрета не сопровождалось внесением соответствующих изменений и дополнений в УК РФ. Хотя в п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ упоминается подобная сделка. По смыслу уголовно-правовой нормы ответственность устанавливается за торговлю людьми, хоть и имеющей своей целью использование органов и тканей потерпевших. Таким образом, из-за отсутствия достаточного донорского материала, а также в условиях неэффективного контроля за данным видом медицинского вмешательства, существует возможность злоупотребления со стороны медицинских работников.

Однако в период с 2010 по 2020 г.г., по открытым официальным данным МВД РФ, не было зарегистрировано ни одного преступления в сфере трансплантации органов и (или) тканей человека, несмотря на то, что УК РФ содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за изъятие органов и (или) тканей человека (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120, п. «ж» ч. 2 ст. 127.1).

Отсутствие приговоров за совершение деяний, составы которых содержатся в уголовно-правовых нормах Особенной части УК РФ, не является доказательством отсутствия нарушений законодательства в рассматриваемой сфере, а указывает на несовершенство законодательной регламентации охраны жизни и здоровья человека от данной категории преступлений. Кроме того, данный факт свиде-

тельствует на ограниченные возможности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступления в сфере медицинских услуг [5, с. 167].

На основе проведенного анализа факторов, вызывающих конфликт интересов у медицинских работников в сфере трансплантации органов и (или) тканей человека, можно выделить ряд негативных обстоятельств, которые провоцируют коррупцию в рассматриваемой сфере.

Во-первых, наблюдается огромный дефицит донорских органов. Так, по официальным данным Минздрава России за 2019 год в Российской Федерации более 9000 реципиентов состоят в листах ожидания трансплантации органов человека, из них более 6000 ожидают пересадки почки. При этом число пациентов с терминальной почечной недостаточностью, которым необходимо получить заместительную почечную терапию методом диализа, составляет около 45000 и ежегодно увеличивается еще на 8-10%. Таким образом, число реципиентов, нуждающихся в органах и (или) тканях, постоянно увеличивается, в связи с чем спрос на человеческие органы и (или) ткани для трансплантации значительно превышает их предложение. К сожалению, подобная обстановка является благоприятной средой для развития преступности в этом сегменте медицинской деятельности.

Во-вторых, коррупциогенным фактором является существующий высокий уровень стоимости органов и (или) тканей человека. Эксперты отмечают, что при осуществлении незаконных операций в рассматриваемой сфере криминальная прибыль медицинских работников является достаточно высокой [2, с. 28]. Так, Е. В. Рыжкова и В. О. Сокол проанализировали различные данные о стоимости человеческих органов и (или) ткани на мировом «черном рынке», а именно: а) сердце — около 250 тыс. долл.; б) печень — около 160 тыс. долл.; в) почка — от 10 до 100 тыс. долл.; г) костный мозг — 23 тыс. долл. за грамм; д) фрагмент кишечника — около 69 тыс. долл.; е) легкое — около 58 тыс. долл.; ё) поджелудочная железа — около 44 тыс. долл.; ж) роговица глаза — от 4 тыс. долл.; з) кровь — от 25 до 400 долл. за литр. При этом, как отмечают авторы, стоимость человеческого материала варьируется и зависит от группы крови, здоровья донора, региона страны [3, с. 218].

Кроме того, операция по трансплантации органов и (или) тканей человека не может быть бесплатной, так как имеются определенные затраты как расходы на медицинское оборудование и лекарства, оплата работы медицинским работникам и т. д. Однако расходы на осуществление медицинского вмешательства может осуществляться

стороной, ответственной за расходы по лечению реципиента, в частности, которыми выступают страховые компании.

Особый интерес в контексте коммерческой составляющей данной деятельности представляет соблюдение очередности согласно листу ожидания, которая бы обеспечивала равный доступ на операцию в сфере трансплантации органов и (или) тканей человека вне зависимости от финансовых возможностей и материального состояния лиц, нуждающихся в пересадке. Действующая форма листа ожидания, утвержденная еще Приказом Минздрава СССР от 17 февраля 1987 г. № 236, содержит данные о пациенте, а также графу о необходимости в проведении трансплантации органов и (или) тканей человека в первую очередь. В частности, медицинским работникам не представляет особой сложности изменить первоочередность проведения операции за определенное финансовое вознаграждение. При этом данные действия медицинских работников легко объяснить с помощью иммунологической несовместимости с организмом другого реципиента, находящегося в очереди, либо может быть обосновано технической ошибкой. Соответственно, такое нарушение очередности может повлечь смерть другого пациента, находящегося первым в очереди, так как нужный орган может и не поступить в медицинскую организацию в необходимое время, а нужный орган пересажен в данном случае реципиенту-взяткодателю.

Другая ситуация. В медицинском учреждении находится в критическом состоянии пациент, который подключен к аппарату жизнеобеспечения, временно поддерживающем функции организма. В рассматриваемом случае неизвестно, вернется ли функция организма к самовосстановлению и выздоровлению. Бригада врачей должна принимать обязательные меры, направленные на сохранение жизни пациента. Однако при корыстной заинтересованности активное оказание помощи больному не производится или производится не в полном объеме. Организм человека не может самостоятельно справиться с угрозой жизни без надлежащего оказания медицинских услуг. Вследствие чего лицо (потенциальный донор) умирает, а его органы и (или) ткани пересаживают реципиенту-взяткодателю. Кроме того, если пациент (потенциальный донор) идет на поправку и без активного вмешательства медицинского персонала, то корыстно заинтересованный медицинский работник предпринимает меры, направленные на причинение смерти пострадавшему. Таким образом, органы умершего пациента пересаживают реципиенту-взяткодателю. И таких примеров можно привести множество.

Стоит отметить, что преступления, связанные с трансплантацией органов и (или) тканей человека могут совершаться только организованными преступными группами, поскольку одно лицо (например, хирург) не может незаметно осуществить столь сложные и многоэпизодные действия, для выполнения которых необходимы знания и умения, начиная от криминальных и заканчивая высокопрофессиональными медицинскими [1, с. 23].

В состав такой организованной преступной группы могут входить: главный врач центра трансплантации; заведующий отделением хирургического отделения, в котором осуществляется трансплантация; лечащий врач, хирург, анестезиолог; судебно-медицинский эксперт, дающий заключение о смерти донора [4, с. 156]; врач медицинской организации, ответственный за ведение листа ожидания трансплантации органа и (или) ткани; специалисты отделения координации донорства.

В-третьих, отдельные правовые положения, а также действующее правовое поле в ряде случаев может быть использовано для реализации коррупционных схем в сфере трансплантации органов и (или) тканей человека.

В ст. 8 Закона о трансплантации устанавливается презумпция согласия гражданина на изъятие его органов и (или) тканей. Данная норма позволяет медицинскому учреждению изымать органы и (или) ткани у умершего лица при отсутствии со стороны родственников или близких лиц заявленного отношения на изъятие органов и (или) тканей. Такое изъятие не допускается лишь в том случае, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо, либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов или тканей после смерти для трансплантации реципиенту. Такое положение действующего законодательства может способствовать реализации определенных злоупотреблений со стороны медицинских работников. Рассматриваемая норма неоднократно становилась объектом обсуждения как в научных кругах, так и среди общественности. Кроме того, ежегодно граждане обращаются с жалобами на злоупотребления медицинским персоналом названным правом не только в федеральные суды, но и в Конституционный Суд РФ.

Другим законодательным положением, способствующим реализации достижению благих целей, но также делающим возможным использовать медицинскими работниками коррупционные схемы в сфере трансплантации органов и (или) тканей человека, является совместный Приказ Минздрава России и РАН № 73н/2 от 20 фев-

раля 2019 г., которым утверждён Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека. В настоящее время 164 таких учреждения осуществляют забор и заготовку органов и (или) тканей человека (44 учреждения федерального уровня и 120 учреждений регионального уровня), а также 95 учреждений осуществляют трансплантацию органов и (или) тканей человека (44 федерального уровня и 51 регионального уровня). С 2015 года этот перечень неоднократно изменялся в сторону увеличения таких лечебных заведений. Данное обстоятельство способствует лучшему оказанию медицинских услуг на основе расширения территории. Однако это также свидетельствует о том, что Минздрав России ослабил меры оперативного контроля за деятельностью персонала медицинских учреждений на соответствие закону забора, заготовки и трансплантации органов и (или) тканей человека, а также выявление доноров, в связи с чем существует определенная напряженность относительно качества услуг в данной сфере. Подобная ситуация слабого контроля или, в худшем случае, отсутствия отчетности грозит большим числом коррупционных операций и схем.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что существующий в настоящее время дефицит органов и (или) тканей, низкий уровень правосознания граждан не может не влиять на коррумпированность сотрудников в сфере трансплантации. Кроме того, действующее правовое регулирование можно использовать не только во благо интересам в сфере оказания медицинских услуг, но и в целях получения выгоды в виде денежных средств, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, а также иных имущественных прав для себя или для третьих лиц.

С учётом всего вышеизложенного считаем перспективным следующие направления снижения роста преступности в сфере трансплантации органов и (или) тканей. Во-первых, необходимо разработать для правоохранительных органов обоснованные методики расследования преступлений в рассматриваемой сфере ввиду того, что ныне существующие составы преступлений, предусмотренные в Особенной части Уголовного кодекса РФ и связанные с трансплантацией органов и (или) тканей человека, сложны по объёму расследования и трудно доказуемы. Во-вторых, следует законодательно обеспечить положение Закона о трансплантации органов и (или) тканей человека о том, что органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи, а также купли-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность. Представляется

правильным предусмотреть в Особенной части УК РФ состав преступления, связанный с торговлей, а также с иными сделками в отношении органов и (или) тканей человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кустова О. А.* Методика расследования преступлений, связанных с изъятием органов и (или) тканей человека для трансплантации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 26 с.

2. *Романовская О. В.* Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья. 2016. № 11. С. 27–32.

3. *Рыжкова Е. В., Сокол В. О.* Черная трансплантология. Незаконное изъятие органов // Наука и знание: конкурентный потенциал общества, науки и бизнеса в условиях глобального мира : матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Куткович. Ставрополь : Логос, 2016. С. 216–221.

4. *Сергеев А. Б., Дробышева Е. Н.* Причины и криминалистическая характеристика преступных действий должностных лиц лечебных учреждений в процессе удаления органов у одних лиц и их имплантацию другим // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15 февр. 2018 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. Москва : Московская академия СКР, 2018. С. 156.

5. *Сергеев А. Б., Хохрякова Э. А.* Стадия возбуждения уголовного дела - «атавизм» уголовного процесса? // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 17. С. 163–170.

ШЕВКО Н. Р.

*доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения,
к. э. н., доцент*

РАФИКОВА Э. Р.

*студентка 3 курса
Казанского Федерального университета (г. Казань)*

ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ «COVID-2019» КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пандемия, вызванная распространением новой вирусной инфекции в марте 2020 года, внесла свои коррективы в жизни всего населения планеты. Совершенно новыми и необычными для граждан оказались режим самоизоляции и ввод связанных с ним ограничительных по перемещению людей, особого режима посещения обществен-

ных мест и т. д. В силу объективных причин значительно сократились доходы большинства населения, при этом в основном пострадал мелкий и средний бизнес. Особенно беспощадно COVID-19 прошелся по ресторанному, гостиничному и туристическому бизнесу. Затронула пандемия в том числе и негативные сферы жизнедеятельности — преступность и теневую экономику, особенно таких их проявлениях, как организованная преступность, мошенничество, незаконные рынки, преступность с использованием высоких технологий.

Вместе с тем, в апреле 2020 г., по официальным данным агентства «Интерфакс», введение строго режима самоизоляции привело к значительному спаду (на 3,3%) так называемой уличной преступности. При этом наибольшее снижение наблюдалось по следующим группам преступлений: изнасилования и покушения на изнасилования — на 31,1%; разбои — на 20,9%; кражи — на 11,2%; грабежи — на 9,9%. Уменьшилось на 10% число дорожно-транспортных происшествий.

Данные статистики вполне оправданы — резкий спад общего количества преступлений в апреле 2020 года, как в России, так и в целом в мире, особенно преступлений, совершенных на улице и/или в общественных местах, связан с введением строгих ограничительных мер пребывания населения в таких местах. Причем подобные показатели были характерны не только в отдельно взятой стране, но и практически по всему миру. Так, например, в США после введения самоизоляции и ограничений на посещение общественных мест наблюдалось резкое снижение преступлений, связанных с оборотом наркотиков — в среднем по штатам более чем на 30%. Также в марте наблюдалось снижение уличных преступлений на 12% по сравнению с февралем. По данным Associated Press, в Чикаго число арестов по поводу наркотиков снизилось на 42% по сравнению с тем же периодом 2019 года.

Факторов, способствующих снижению уровня преступности во время пандемии коронавируса, несколько:

1) введение режима строгой самоизоляции по всему миру привело к резкому сокращению числа граждан, находящихся вне дома, что, соответственно, повлекло сокращение количества уличных преступлений;

2) резкое уменьшение «живых» контактов и затруднение в обеспечении систематического непосредственного общения привело к некоторому замедлению формирования новых преступных сообществ и, естественно, преступлений, совершаемых группой лиц по предварительному сговору;

3) наличие полицейского патруля на улицах городов и сёл при практически полном отсутствии прохожих повысили уровень безопасности на улицах;

4) решение части конфликтных вопросов без ареста правонарушителей в целях недопущения распространения коронавирусной инфекции в отделах полиции, следственных изоляторах и пр. также способствовало снижению общего количества зарегистрированных происшествий;

5) введение строго режима самоизоляции привело к резкому снижению в этот период квартирных краж, особенно со взломом вследствие нахождения большинства граждан в своих квартирах.

Вместе с тем, в период самоизоляции наблюдается рост «домашнего» насилия, бытовых преступлений среди соседей, особенно в состоянии алкогольного опьянения ввиду продолжительных «нерабочих» дней и «профилактических» мероприятий народными средствами среди населения, а также преступлений, совершенных с использованием высоких технологий. По поводу последних тоже можно выделить сразу несколько факторов:

1) введение удаленного режима работы и учебы большинства населения;

2) экономия физических и юридических лиц на защите информации, в частности, на защищенных протоколах передачи данных;

3) повсеместное использование ограниченного предложения прикладного программного продукта в целях обеспечения виртуального общения (Teams, Zoom, Kodland и др.);

4) неожиданность введения данных мер и неготовность большинства организаций к удаленной работе;

5) компьютерная безграмотность населения, особенно старшего возраста.

В данной связи необходимо отметить, что и преступные элементы не сразу смогли сориентироваться в сложившейся ситуации. Особенно первую неделю все приспособлялись к новым условиям жизни — и граждане, и преступники.

Однако, если рассмотреть преступность в России за весь период пандемии, то согласно открытым данным МВД России, наблюдается рост количества изнасилований и покушений на них до 36% по сравнению с предыдущими периодами, число убийств выросло на 20%. Причем большинство этих преступлений были совершены в состоянии алкогольного опьянения [1, с. 2–6].

Тенденция к росту преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения объясняется увеличением потребления алко-

голя в период самоизоляции. Так, по данным Отчёта Сбербанка об оценке потребительской активности, расходы жителей России в категории алкогольные магазины в апреле 2020 г. выросли на 18,5%, в мае — на 21,9%. Для сравнения, в июне они упали на 9,6%, а в первую неделю июля выросли всего на 0,7%.

В период самоизоляции увеличилось почти на 35% количество звонков в службу поддержки из-за домашнего насилия. Многие семьи просто не привыкли быть долгое время вместе, причем в замкнутом пространстве. Кроме того, неопределенность, неуверенность в завтрашнем дне, а для многих предпринимателей - просто крах бизнеса, неподготовленность работодателей к подобной ситуации, постоянное психологическое давление на подчиненных стало причиной психических срывов даже среди потенциально здоровых людей.

В течение следующих месяцев в России сохранилась общая динамика сокращения числа преступлений, совершенных в общественных местах. Снизился также уровень бытовой преступности, особенно с причинением тяжких телесных повреждений (на 16,7% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года). Значительно сократилось количество уголовных преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения — на 13,6%. Основной объем совершенных преступлений за период с января по сентябрь 2020 года приходится на кражи и прочие преступления, не относимые к категории тяжких. В целом, из данных официальной статистики видно, что сократилось количество преступлений, связанных с непосредственным контактом людей друг с другом. Но в целом, в период с января по сентябрь 2020 г. общий уровень преступности в России вырос на 1,2% [2, с. 5–10].

Однако существенный рост (более 75%) наблюдался в сфере преступлений, совершенных с использованием современных телекоммуникационных технологий (в основном фишинг, хакерские и DDoS-ки). При этом в РФ за рассматриваемый период зарегистрировано преступлений с применением интернет-технологий больше на 93,2%, а преступлений с использованием мобильных технологий возросло на 97,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1, с. 6–15]. Этому есть свое объяснение. Введение режима самоизоляции перевело работу большей части населения в виртуальное пространство при низком уровне информационной безопасности, что повлекло утечку данных, несанкционированный доступ к конфиденциальной информации и др. При этом среди физических лиц весомую часть пострадавших от киберпреступников составляют либо люди преклонного возраста, не способные противостоять психологическим приемам в столь экстре-

мальных условиях и с недостаточным уровнем компьютерной грамотности, либо дети и подростки, для которых Интернет, социальные сети стали единственным доступным способом общения.

За рубежом обстановка несколько иная. Там наблюдается резкий спад преступности. Так, к примеру, в Чикаго, который находится на верхней строчке по преступности в США, преступность снизилась на 10%, число задержаний за торговлю наркотиками снизилось на 42%, звонки в службу экстренной помощи стали поступать реже на 30%, задержания за кражи, убийства и изнасилования снизились на 12%. В Латинской Америке преступность в целом снизилась на 30%, а в Сальвадоре за всю историю существования произошло всего 65 убийств, несмотря на то, что это был самый преступный город. В ЮАР тоже намного сократилось количество преступлений во время пандемии (например, убийства сократились в 3 раза, а изнасилования — в 7 раз).

Обзор статистики, изменение структуры и динамики преступности в период самоизоляции и после смягчения и последующей отмены ограничительных мер, а также всестороннего анализа влияющих факторов, можно сделать некоторые выводы из сложившейся ситуации и предложить пути решения:

- организациям по возможности перейти на удаленный режим работы, если постоянное присутствие сотрудников на рабочем месте не связано с непосредственным выполнением должностных обязанностей. Это позволит, во-первых, сократить число инфицированных, а во-вторых, снизит уровень пассажиропотока, сократит количество людей на улицах, что несомненно положительно скажется на уровне уличной преступности;

- правоохранительным органам необходимо поддерживать усиленный режим патрулирования улиц в целях поддержания правопорядка и оперативного реагирования на нарушения общественной безопасности;

- повысить качество социальной рекламы. Данный вопрос должен быть реализован сразу в нескольких направлениях — с одной стороны, повышения уровня обеспечения информационной безопасности граждан, а с другой -реклама здорового образа жизни, мотивация на повышение общего уровня культуры, образованности и патриотического воспитания населения;

- социальным службам активизировать работу по повышению компьютерной грамотности населения, особенно старшего поколения, детей и подростков;

— совершенствовать и повсеместно внедрять технологии обеспечения безопасности данных, передаваемых через сеть Интернет, а также безопасности данных организаций и учреждений вне зависимости от формы собственности. В современных условиях поставить задачу обеспечения защиты информации на государственный уровень;

— совершенствовать процесс подготовки и оперативного реагирования по переподготовке и повышению квалификации специалистов, в которых наблюдается потребность (IT-специалистов разного уровня: от обучения населения основам компьютерной грамотности до раскрытия и расследования преступлений в киберпространстве, психологов и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России: статистический сборник за январь-сентябрь 2020 года / МВД России. Москва : ГИАЦ, 2020. 66 с.
2. Состояние преступности в России : статистический сборник за январь-сентябрь 2020 года / Генпрокуратура РФ. Москва : ГУ ПСиИТ, 2020. 62 с.

РАЗДЕЛ 2

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ГИЛИНСКИЙ Я. И.

*профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ,
д. ю. н., профессор (г. Санкт-Петербург)*

НЕМНОГО ОБ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Введение

Последние годы проблема уголовной политики приобретает все большее значение. Это находит отражение и в фундаментальных трудах отечественных авторов, и в тематике международных конференций (так, на 19-й конференции Европейского общества криминологов — Гент, 2019 — вопросам уголовной политики были посвящены свыше 200 докладов). Это не удивительно: в обществе постмодерна (постсовременном, постклассическом, постиндустриальном) постоянно меняются привычные условия бытия, изменяются представления о дозволенном/недозволенном, допустимом/недопустимом, возникают все новые проблемы, требующие, в том числе, правового и уголовного-правового регулирования [4]. Одно из главных противоречий современности — между возрастающими возможностями свободы человека (передвижения, информирования, творчества и др.) и возрастающими возможностями государства устанавливать тотальный контроль за жизнедеятельностью каждого гражданина. Как уголовная политика, уголовный закон, правоприменительная деятельность должны реагировать на вызовы времени?

Свобода

Эрик Фромм в ряде своих работ («Библейская концепция человека», «Бегство от свободы») рассматривает свободу как цель человеческого развития.

Свобода как высшая ценность человеческого существования закреплена в различных национальных и международных актах. Так, еще в «Декларации прав человека и гражданина» (1789, Франция) говорилось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» (ст.1). Свобода человека трактуется как возможность «делать всё, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом» (ст. 4).

Ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».

Ст. 2 Конституции РФ провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Но одно дело — провозгласить, другое - реально осуществить...

В обществе постмодерна протекает разнонаправленный процесс свободы — не-свобода. Неизмеримо выросла и продолжает расти технологическая свобода людей. Быстрое перемещение в любую точку Земли; разговор по мобильному телефону, смартфону, скайпу с другом, находящимся на другом конце Земли; высказывание своей точки зрения по любому вопросу в любое время в социальных сетях; многочисленные удобства проживания в современных домах/квартирах; электронные переводчики, позволяющие «говорить» на любом языке; служебные и домашние помощники-роботы и т. п. Намного сложнее обстоят дела с личной свободой. «Цифровой» мир, открывающий беспредельные технологические возможности, делает каждого из нас объектом наблюдения и воздействия. От друзей/знакомых до преступников и органов власти. Каждый из нас находится «под колпаком», любые сведения о каждом из нас доступны в сетях.

Государство

Государство, созданное с самыми благими намерениями (защита подданных и граждан, обеспечение общих интересов и т. п.), в действительности нередко служит репрессивным орудием в руках господствующего класса, группы, клана. Долгое время в государстве видели результат «общественного договора», орган, объединяющий людей, должный способствовать всеобщему процветанию и благоденствию. Да, государство обеспечивает в большей или меньшей степени развитие общества, в большей или меньшей степени безо-

пасность населения. Но оно же служит репрессивным орудием в целях подавления действий, а то и мыслей, нежелательных для господствующих властных сил.

Не случайно Томас Гоббс (1588-1679) сравнивал государство с Левиафаном — ветхозаветным чудовищным морским змеем, нередко отождествляемым с сатаной. Позднее Левиафана дополнил образ Паноптикума (или Паноптикона) — «идеальной тюрьмы» И. Бентама (1748-1832). Образ государства — тюрьмы обосновывается в трудах М. Фуко (1926-1984) и, прежде всего в [6].

Конечно, государства различаются по степени либеральности/репрессивности. И все же в уголовном законе различных стран криминализированы многочисленные деяния («преступления»), угрожающие власти, и очень скромно криминализированы немногочисленные деяния власти... Эти особенности уголовного закона усиливаются практикой правоприменения.

Эти общенсторические тенденции приобретают особенно опасный характер в обществе постмодерна, когда растущей свободе граждан противостоят безмерные возможности контроля за ними со стороны государства. Технологический прогресс, «цифровой мир» обеспечивает не только необходимые условия для Свободы человека, но и технологические предпосылки тотального контроля Государства над каждым его членом, т. е. Несвободы... Сегодняшний пример — китайский «цифровой концлагерь». Это предсказанный Дж. Оруэллом «1984» с полицией мыслей, министерством правды и Старшим Братом.

Государство vs Человек — вот одно из главнейших противоречий и проблем общества постмодерна.

Уголовная политика

Уголовная политика — элемент политики государства. Уголовная политика зависит от государственной политики в целом и, прежде всего, от политического режима. Но если в XX веке можно было достаточно четко разграничить уголовную политику авторитарных (тоталитарных) государств и демократических стран, то мир постмодерна обуславливает неопределенность уголовной политики многих государств, независимо от политического режима.

Так, англо-американская модель «предупреждения преступности» вряд ли заслуживает одобрения и заимствования [5]. Но и в европейских странах, в частности, в Германии возникает дилемма: «меры безопасности» или права и свобода личности? В России эта проблема освещается в трудах проф. Н. В. Щедрина [7; 8]. С моей точки зрения — безусловно приоритет прав и свободы личности.

К сожалению, практика многих стран идет по противоположному пути — приоритет «мер безопасности», вопреки правам и свободе человека, когда под предлогом и лозунгом «безопасности» грубейшим образом нарушаются элементарные права человека — право на неприкосновенность личной жизни, на свободу мнений и их высказывание, право на свободу протестных акций, право на свободу мирных собраний, митингов, демонстраций и шествий и т. п.

Каковы должны быть основные направления российской уголовной политики, соответствующие мировым тенденциям и особенностям современного общества постмодерна?

В области законотворчества:

- Декриминализация деяний мало значительных, не имеющих юридического определения («экстремизм», «порнография»); являющихся гражданско-правовыми, административными или дисциплинарными деликтами.

- Минимизировать уголовную ответственность за деяния, связанные с наркотиками, исключив противоречащую одному из основных принципов уголовного права ответственность за действиями с аналогами наркотических средств и психотропных веществ.

- Исключение п. «н» ст. 44 и ст. 59 УК РФ из уголовного кодекса (смертная казнь есть убийство, недопустимое в цивилизованном мире).

- Учитывая «ускорение времени» в обществе постмодерна и практику европейских стран и Японии, сократить максимальный срок лишения свободы.

- Обсудить возможность исключения пожизненного лишения свободы из перечня наказаний (ст. ст. 44, 57 УК РФ).

В сфере правоприменения:

- Реализовать на практике принцип равенства граждан перед законом, принципы справедливости и гуманизма.

- Реализовать на практике независимость суда.

- Реализовать на практике принцип неотвратимости уголовной ответственности (в т. ч. работников дознания, следствия, суда, уголовно-исполнительной системы за преступления по должности).

- Сократить масштабы применения наказания в виде лишения свободы, переходя к иным мерам наказания.

- Исключить применение пыток при производстве дознания и следствия, привлекать организаторов и исполнителей пыток к строжайшей уголовной ответственности.

В сфере исполнения наказаний:

- Абсолютный отказ от пыток и строгая уголовная ответственность их организаторов и исполнителей.

- В местах лишения свободы обеспечить условия, не нарушающие нормальную жизнедеятельность заключенных (качественное питание, надлежащая медицинская помощь и т. п.) и сохраняющие их чувство собственного достоинства.

- Приоритетом в деятельности пенитенциарных учреждений должны стать ресоциализация, реадaptация заключенных, а не их репрессирование.

Разумеется, это не все направления совершенствования российской уголовной политики. При этом автор, к сожалению, не надеется на скорейшую реализацию столь необходимой трансформации отечественной уголовной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики : монография. Москва : Проспект, 2014.

2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Российская уголовная политика и уголовный закон : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017.

3. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. Москва : Wolters Kluwer, 2009.

4. *Гилинский Я.* Девиантность в обществе постмодерна. Санкт-Петербург : Алетей, 2017.

5. *Гуриная А. Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. Санкт-Петербург : Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2018.

6. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва : Ad Marginem, 1999.

7. *Щедрин Н. В.* Власть как объект повышенной охраны и источник повышенной опасности // Власть и коррупция : сб. науч. тр. Владивосток : ВГУ, 2006.

8. *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск : Красноярский гос. университет, 2006.

БУРАНОВ Г. К.

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, к. ю. н., доцент,
адвокат Адвокатской палаты Ульяновской области (г. Ульяновск)*

НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕНАЛЬНОЙ (КАРАТЕЛЬНОЙ) ПОЛИТИКИ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Пенальная (карательная) политика как составная часть уголовной политики представляет собой в простом определении государственную деятельность по предупреждению криминального поведения посредством государственного принуждения, в уголовно-правовом аспекте — посредством законодательной пенализации криминальных деяний и реализации уголовной ответственности. Рассматриваемая реакция государства должна отвечать требованиям научной обоснованности, системности, всеобщности и единства, быть социально обусловленной. Между тем, в настоящее время отступления от ее принципиальных основ нельзя оценить как эпизодические и несущественные; они приобрели характер регулярных и достаточно серьезных упущений.

Основная проблема — бессистемность. При модернизации уголовного закона государство, действуя в большинстве случаев точно (новации подвергаются отдельные правила или незначительные группы близких по направленности правил), действует без учета взаимосвязей и взаимозависимости нормативных положений на уровне субинститутов, институтов, отрасли и права в целом.

Во-первых, отсутствуют четкие ориентиры карательного воздействия. И если с верхней границей всё предельно ясно — смертная казнь (пусть в «подвешенном» состоянии) и пожизненное лишение свободы определяют максимум репрессии, который нереально преодолеть и нереально распространить на иное отраслевое регулирование, и это соответствует реноме уголовного права, — то с нижней границей термин «аморфный» в полной мере отражает состояние дел. В минимальном проявлении уголовная репрессия не разграничивается с иными видами принуждения, в первую очередь, административным. В связи с этим при констатируемом отражении опасности деяния в санкциях стирается грань между уголовными и иными правонарушениями, поскольку реакция государства на последние может быть значительно строже, чем на первые.

К примеру, по Федеральному закону от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, направленному на приведение параметров уголовного штрафа в соответствие с социально-экономическими реалиями, его минимальный размер составил 5 000 руб. (ч. 2 ст. 46 УК РФ). В то же время размер административного штрафа за ряд административных правонарушений не должен превышать 7 000 руб., за другие — 10 000 руб., за третьи — 15 000 руб. и т. д., достигая показателя в 500 000 руб. (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ).

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ увеличены максимальные часы обязательных работ до 480 при сохранении минимума в 60 час. (ч. 2 ст. 49 УК РФ). Административный аналог составляет в максимальном пределе 200 час. (ч. 2 ст. 3.13 КоАП РФ).

Сравнение наказуемости мелкого хищения (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ) со смежными (во всех отношениях) уголовными хищениями (ч. 1 ст. 158, ст. 158.1, ч. 1 ст. 159 УК РФ и др.) фиксирует точный рубеж разграничения последствий их совершения по линии штрафа в 5 000 руб. (по правилам ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ и ч. 2 ст. 46 УК РФ). В то же время при уголовно-правовом минимуме обязательных работ в 60 часов реальная возможность более строгого воздаяния в административном порядке в виде обязательных работ до 120 час. подчеркивает либо девальвацию уголовного принуждения, либо гиперболизацию административного, чего быть не должно.

Во-вторых, наблюдается выраженная неполнота (незавершенность) принимаемых мер. Изменение или дополнение определяющих положений УК РФ, прежде всего, его Общей части, априори предполагает адекватные новшества подчиненных им иных положений уголовного законодательства. В противном случае смысл нововведений либо ограничивается узкой сферой применения первых норм, либо утрачивается полностью в соотнесении с видимой конечной целью реформы, рассчитанной по большей части на вторые нормы.

Так, обесценивание российского рубля и, как следствие, уголовного штрафа и его превентивного эффекта обусловило принятие Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ, которым максимум данного наказания был повышен с 1 000 000 руб. до 5 000 000 руб., т. е. в пять раз. Обращение же к санкциям норм Особенной части УК РФ, в том числе за наиболее распространенные преступления, показывает, что в подавляющем большинстве случаев закрепленные в них максимумы штрафа не изменились, причем по настоящий момент (ч. 4 ст. 158, ч. 7 ст. 159, ч. 4 ст. 160, ч. 3 ст. 161, ч. 4 ст. 162, ч. 3 ст. 163 УК РФ и др.).

В-третьих, отметим непоследовательность принимаемых мер. Определение объемов карательного воздействия должно строиться на принципиально единых началах. Применение, по сути, общего способа исчисления наказания в ограниченных случаях, с одной стороны, обоснованно переводит его в категорию «особых», расстраивая архитектуру отечественной пенализации, с другой - ставит вопрос о справедливости карательной практики применительно к одним и тем же видам наказаний по разным категориям дел.

В частности, Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ введено исчисление штрафа в размере, кратном стоимости предмета или сумме взятки или коммерческого подкупа. Кратное исчисление штрафа не является новой идеей. Но позиционирование данного подхода только в отношении коррупционных посягательств, преобразующего их в невыгодное (убыточное) для преступника предприятие, изначально некорректное. Указанная причина подчеркивает целесообразность распространения кратности назначения штрафа на любые виды корыстных преступлений, хотя она вполне применима и к другим случаям криминального причинения имущественного ущерба, включая неосторожные деяния (напр., ст. 168 УК РФ). Свидетельством сказанному является Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ, расширивший сферу действия нововведения за счет контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ).

В-четвертых, нельзя обойти вниманием необоснованный карательный максимализм.

На рубеже принятия УК РФ при фактическом неприменении смертной казни ее рациональной заменой для специалистов выдано пожизненное лишение свободы. Ввиду презюмируемой его существенной продолжительности, для обеспечения сбалансированности системы наказаний, устранения «разрыва» между ними по степени суровости (с более мягким, предшествующим по списку наказанием) напрашивалось увеличение сроков обычного лишения свободы, составлявшего в тот период максимально 15 лет (ст. 24 УК РСФСР 1960 г.). В УК РФ его пределы достигли 20 лет (ч. 2 ст. 56), а при совершении нескольких преступлений — 25-30 лет (ст.ст. 69-70). Далее, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ статья 56 УК РФ дополнена частью 5, согласно которой верхний предел лишения свободы за ряд преступлений (ст.ст. 205, 205.1, 205.2 УК РФ и др.) может достигать 35 лет.

Объяснение произошедшему только одно — ужесточение карательной политики в отношении террористической преступности. Но

насколько это правильно? Думается, что нет. Во-первых, эффективность наказания определяется не его жестокостью, а его неотвратимостью; во-вторых, наказание занимает последнее место в перечне мер предупреждения преступлений, после идеологических, социально-экономических и прочих. Наконец, в аспекте рассматриваемой проблематики, в-третьих, фактически стирается граница между пожизненным лишением свободы и лишением свободы на определенный (35-летний) срок. Если за отдельные совершенные террористические преступления нельзя назначить пожизненное лишение свободы, то устремленность к нему по срочному лишению свободы при окончательном наказании также не имеет смысла; если пожизненное лишение свободы допустимо (ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5 УК РФ и др.), то утрачивается значение правила ч. 5 ст. 56 УК РФ.

Максимизация кары, расходящаяся с реальностью, за гранью возможного, присутствует в пенализации коррупционных деяний. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ предусмотрел за получение взятки в особо крупном размере минимальный штраф в восьмидесятикратной сумме взятки (ч. 6 ст. 290 УК РФ). В расчете к минимальному особо крупному размеру по примечанию 1 к ст. 290 УК РФ в 1 000 001 руб. наказание составит 80 000 080 руб. При запрете любой деятельности, кроме научной, творческой и педагогической, и получения по должности только легального дохода, несоразмерно даже в кратном режиме указанному итогу расчета, субъект получения взятки ставится в положение заведомой неисполнимости наказания.

Определенного апогея максимализм достиг в Федеральном законе от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ, ужесточившим уголовную ответственность за некоторые транспортные преступления по признаку их совершения в состоянии опьянения.

Попытка карательным путем решить данный злободневный вопрос изначально обречена на неудачу. Предупреждение фактов управления транспортным средством пьяным оператором (водителем, пилотом, капитаном и т. п.) должно строиться на мерах профилактики алкоголизма и наркомании, в целом — потребления любого рода одурманивающих веществ, где главенствующее место занимают идеологические, социально-психологические, медицинские и другие мероприятия и комплексные программы.

Возрастание наказания с позиции пенальной политики выглядит не просто избыточным. Оно нарушает, во-первых, баланс наказуемости умышленных и неосторожных преступлений. Для примера:

санкция запрета ч. 4 ст. 264 УК РФ при увеличении с 2-7 лет лишения свободы до 5-12 лет лишения свободы, ее медианы (среднего наказания) — с 4,5 лет до 8,5 лет стала сопоставимой с санкцией за простое убийство — от 6 до 15 лет лишения свободы, при медиане в 10,5 лет (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Во-вторых, баланс наказуемости неосторожных посягательств. Для примера: нарушение тех или иных правил безопасности, повлекшее смерть потерпевшего, в том числе в нетрезвом состоянии, влечет за собой лишение свободы до 4-5 лет (ч. 2 ст. 215, ч. 2 ст. 216, ч. 2 ст. 217, ч. 2 ст. 268 УК РФ и др.), смерть двух лиц — до 7 лет (ч. 3 ст. 215, ч. 3 ст. 216, ч. 3 ст. 217, ч. 3 ст. 268 УК РФ и др.). Вывод подкрепляется избирательным признанием преступлений, предусмотренных ч.ч. 2.1 и 4 ст. 263 и ч.ч. 4 и 6 ст. 264 УК РФ, единственными тяжкими по категории среди всех закрепленных в УК РФ неосторожных посягательств.

В-пятых, наличие внутрисанкционных противоречий. Соразмерное построение наказаний в санкции обеспечивает устранение дилеммы при осуждении, когда один вид (размер) возможного наказания является слишком суровым для избрания, другой — слишком мягким, а альтернативы нет. Так, санкция за простую кражу сбалансированная: ввиду включения в нее штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ и лишения свободы суд с учетом опасности содеянного и личности виновного (ч. 3 ст. 60 УК РФ) может индивидуализировать наказание надлежащим образом. Наоборот, санкции за квалифицированные виды мошенничества, предусмотренные ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.5, ч. 3 ст. 159.6 УК РФ (введены Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ), состоят из штрафа — самого мягкого вида наказания и лишения свободы — наиболее строгого с альтернативой принудительных работ, без «промежуточных» по степени суровости наказаний, что приводит в действие механизм указанной выше дилеммы.

Тот же недостаток можно отметить в пенальной практике коррупционных преступлений (Федеральные законы от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ, от 27.10.2020 г. № 352-ФЗ), преступлений против общественной нравственности (ч. 1 ст. 243.4 УК РФ) (Федеральный закон от 07.04.2020 г. № 112-ФЗ), преступлений в сфере экономической деятельности (ч. 3 ст. 191 УК РФ) и экологических преступлений (ч. 3 ст. 255 УК РФ) (Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 500-ФЗ) и т. д.

В-шестых, допускается смешение видов уголовно-правовых мер в содержательном аспекте, усложняющее их понимание и соответственно применение и действие. В частности, правоограничения, от-

носящиеся к наказанию в виде ограничения свободы, регламентированные ч. 1 ст. 53 УК РФ, совпадают с обязанностями при условном осуждении, определяемыми по правилам ч. 5 ст. 73 УК РФ, и мерами воспитательного воздействия, применяемыми к несовершеннолетним в соответствии с ч. 4 ст. 91 УК РФ.

Ситуация усугубляется смешением терминологии. Так, денежные средства могут взыскиваться в порядке штрафа (ст. 46 УК РФ) или судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Но объяснить терминологическую разницу гражданам (не юристам), на которых ориентирован уголовный закон, представляется достаточно сложным, поскольку в обоих случаях осужденный должен в прямом смысле, фактически заплатить за содеянное.

В-седьмых, очевидная небрежность. К примеру, по правилам ч.ч. 1 и 2 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы назначаются только взамен лишения свободы как его альтернатива и только в случае, когда срок лишения свободы не превышает 5 лет.

Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, запрещенное ч. 3 ст. 236 УК РФ, может наказываться принудительными работами на срок от 4 до 5 лет или лишением свободы от 5 до 7 лет (Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ). Каким образом можно назначить принудительные работы на 4 года, если минимальное лишение свободы составляет 5 лет?

Имеют место и иные недостатки. Обеспечение национальной безопасности посредством пенального ресурса уголовного права, на наш взгляд, требует — помимо купирования отмеченных проблем — разработки концептуальных основ уголовной политики на обозримый период, строгого следования ее элементарным принципам и системным началам, грамотного, экспертно-превентивного анализа предлагаемых пенальных реформ со стороны криминалистического сообщества.

БУРГАНОВ Р. С.

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия, к. ю. н. (г. Казань)*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ ФССП РОССИИ, И РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА НИХ

Исполнение судебных решений является одним из тех направлений деятельности государства, в которых выражается авторитет судебной власти, значимость и обязательность судебных актов. По-

этому так важно, чтобы судебные приставы-исполнители исполняли свои обязанности ответственно и грамотно. Федеральная служба судебных приставов России является крупной и структурированной организацией, в которой ведется каждодневная и серьезная работа по приведению в жизнь судебных актов. Вместе с тем имеют место случаи совершения сотрудниками уголовно наказуемых деяний и, как следствие, привлечение их к уголовной ответственности.

В связи с этим актуален анализ таких преступлений, мотивы их совершения и реакция государства на подобные факты.

Следует отметить, что в открытых данных судебной статистики Судебного департамента сотрудники ФССП не выделяются отдельной строкой. Вместе с тем информация о преступлениях сотрудников ФССП достаточно открытая. ФССП России и ее территориальные подразделения регулярно публикуют на своих официальных сайтах (напр., сайт ФССП России – <https://fssp.gov.ru>, сайт УФССП по Республике Татарстан – <http://r16.fssp.gov.ru>) аналитические обзоры по линии противодействия коррупции, информацию об итогах деятельности по профилактике и выявлению коррупционных и иных правонарушений и др. В данных документах речь идет, прежде всего, о преступлениях, совершенных в связи с занимаемой должностью. Что касается уголовно-правовой науки, то непосредственно преступности работников службы судебных приставов посвящено не так много исследований [1; 2; 3].

Официальные данные о количественных и качественных характеристиках преступлений, совершенных работниками ФССП России в 2019 году, содержатся в Информации об итогах деятельности ФССП России по профилактике и выявлению коррупционных и иных правонарушений в 2019 году. В результате мероприятий в 2019 году удалось сохранить тенденцию к сокращению количества уголовных дел по признакам должностных преступлений, возбужденных в отношении работников ФССП России за отчетный период. Так, если в 2017 году было возбуждено 300 уголовных дел, то в 2018 году этот показатель составил уже 257 дел, а в 2019 – 245 дел. Таким образом, за последние два года количество уголовных дел в отношении работников ФССП России сократилось на 18,3%.

При этом количество работников ФССП России, в отношении которых возбуждались уголовные дела по должностным преступлениям, также уменьшилось. В 2017 году таких лиц было 266, в 2018 году – 245, в 2019 году – 247. Сокращение этого показателя за два последних года составило 7,1 %.

В 2019 году отмечен рост показателя выявляемости преступлений с участием ФССП России по отношению к результату 2018 года. В 2019 году возбуждены уголовные дела в отношении 247 лиц, из них в отношении 110 лиц (44,5 %) — по материалам ФССП России, при этом в 2018 году из 245 лиц — в отношении 94 лиц (38,3 %). Данный показатель вырос на 6,2%.

Общий количественный показатель выражает позитивную тенденцию. Вместе с тем вышеуказанная информация касается лишь возбужденных уголовных дел, а не обвинительных приговоров судов. И тут следует отметить особенность расследования и рассмотрения уголовных дел в отношении судебных приставов-исполнителей, заключающуюся в большом количестве прекращений уголовных дел и вынесении значительного процента оправдательных приговоров.

Например, в 2013 году в Письме ФССП России от 29 апреля 2013 г. № 12/12-11875-АП «Об основаниях прекращения уголовных дел и вынесения оправдательных приговоров в отношении работников ФССП России» отмечалось, что «всего на 25.03.2013 по уголовным делам, возбужденным в 2012 году, уголовное преследование прекращено в отношении 50 работников ФССП России, в том числе судом прекращено производство в отношении 16 работников ФССП России, следствием — в отношении 34. По реабилитирующим основаниям уголовные дела прекращены в отношении 25 работников (50% от общего количества работников, в отношении которых уголовное преследование прекращено), в том числе по решению суда — в отношении одного лица, по решению правоохранительных органов — в отношении 24 (все — за отсутствием состава преступления)...Таким образом, всего из возбужденных в 2012 году по материалам ФССП России уголовных дел в отношении 310 работников Службы прекращено по реабилитирующим основаниям 8 уголовных дел, или 2,5%; из возбужденных по материалам правоохранительных органов уголовных дел в отношении 121 работника - 17, или 14,0%».

Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Так, например, за 2018 год в отношении сотрудников УФССП по Республике Татарстан возбуждено 20 уголовных дел, из них 5 прекращено в связи с отсутствием в действиях лица состава преступления, 1 — в связи с отсутствием события преступления, одно лицо впоследствии оправдано судом. Следует отметить, что большинство уголовных дел, по которым производство прекращено или подсудимый оправдан - по обвинению в совершении служебного подлога, халатности и злоупотреблении должностными полномочиями.

По данным ФССП России количество работников, в отношении которых возбуждены уголовные дела в 2019 году по сравнению с 2018 годом, распределяется по основным составам преступлений следующим образом: ст. 160 УК РФ (присвоение и растрата) — 12 (2018 — 19), т. е. — 37%; ст. 159 УК РФ (мошенничество) — 29 (2018 — 36), т. е. — 19%; ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) — 30 (2018 — 37), т. е. — 19%; ст. 293 УК РФ (халатность) — 14 (2018 — 20), т. е. — 30%; ст. 292 УК РФ (служебный подлог) — 37 (2018 — 28), т. е. + 32%; ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) — 49 (2018 — 48), т. е. + 2%.

Как видно, специфика деятельности судебных приставов определяет качественные характеристики преступлений, совершаемых приставами. Значительное количество присвоений (растрат) и мошенничеств связано с тем, что приставам зачастуюверяются должниками денежные средства. Огромное количество исполнительных производств, приходящихся на одного судебного пристава-исполнителя, особенно в крупных городах и, как следствие, отсутствие должного контроля, желание снизить нагрузку и улучшить показатели влияет на увеличение количества преступлений, предусмотренных статьями 293 (Халатность) и 292 (Служебный подлог).

По официальной Информации об итогах деятельности ФССП по профилактике и выявлению коррупционных и иных правонарушений в 2019 году «на протяжении трех лет отмечается устойчивая тенденция к снижению количества уголовных дел по ст. 160 УК РФ в отношении работников ФССП России по фактам присвоения и растраты денежных средств и имущества: в 2017 г. — в отношении 57 работников, в 2018 г. — 19 (+ 67%), в 2019 г. — 12 (+ 37 %). Доля преступлений по ст. 160 УК РФ от общего числа преступлений в 2019 г. составила менее 5%.

Вместе с тем по отношению к 2018 году увеличилось количество лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела по признакам составов преступлений, связанных с получением взятки должностным лицом.

В 2019 г. возбуждено 67 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 290 (получение взятки), 291.1 (посредничество во взяточничестве), 291.2 (мелкое взяточничество) УК РФ, в отношении 67 действующих и бывших работников территориальных органов (в 2018 году — 54). По сравнению с 2018 г. число взяточников в отчетном периоде увеличилось на 24 %. В 2019 г. взяточники были задержаны в 27 территориальных органах, что соответствует уровню 2018 года.

В отчетном периоде работниками подразделений противодействия коррупции территориальных органов ФССП России выявлено 36% взяточников (24 из 67), в 2018 году — 41% (22 из 54). Показатель выявления взяточников в 2019 г. силами ФССП России по сравнению с 2018 годом снизился на 5%. Общая сумма вымогаемых взяток в 2019 г. составила свыше 9,7 млн. руб. (в 2018 году — 24 млн. руб.). В 2019 г. средний размер денежных средств, полученных в качестве взятки, составил 145 тыс. руб. (в 2018 году — 448 тыс. руб.)».

По данным официального сайта ФССП России «наибольшее количество работников ФССП России задержано за получение взятки и посредничество во взяточничестве в управлениях ФССП России по Московской области — 9, Краснодарскому краю — 6, Ставропольскому краю и Санкт-Петербургу — по 5, Тамбовской области и Республике Крым — по 4, Республике Татарстан, Пермскому краю, Самарской области и Москве — по 3, Приморскому краю, Ростовской, Свердловской, Тульской и Челябинской областям — по 2.

Большая часть уголовных дел в отчетном периоде возбуждена по следующим фактам взяточничества: незаконное окончание исполнительного производства — 29,9 % (или 20 из 67 фактов взяточничества); незаконное бездействие (непринятие мер принудительно-

го исполнения) — 19,4 % (13); незаконное снятие ограничения на пользование имуществом должника — 13,4 % (9); незаконное снятие либо невынесение постановления о временном ограничении должника на выезд из Российской Федерации — 10,5 % (7); незаконные действия по неисполнению административных актов — 10,5 % (7); незаконные действия по снятию запрета на регистрацию автотранспортного средства — 6 % (4); незаконная реализация имущества должника — 6 % (4); за иные незаконные действия по исполнительным производствам — 4,5 % (3)».

Мотивы совершения преступлений работниками ФССП самые разнообразные. Так, П. Е. Царев, анализируя должностные преступления сотрудников УФССП по Чувашской Республике, отмечает, что вторым критерием для классификации уголовно наказуемых деяний сотрудников УФССП по Чувашской Республике является такой элемент их субъективной стороны, как мотив. По данному признаку преступления можно разделить на две группы: совершенные из корыстных побуждений и совершенные из иной личной заинтересованности. К первой из них относятся присвоения и похищения в подделке официальных документов. Ко второй группе следует отнести служебные подлоги, совершаемые в целях уменьшения объема работы и улучшения ее показателей [3, с. 169].

Рассматривая общероссийскую статистику, следует отметить, что большинство рассматриваемых преступлений совершается с корыстным мотивом, однако велика и доля преступлений, совершаемых с другими мотивами (иная личная заинтересованность). Так, достаточно распространены мотивы улучшения показателей и снижения нагрузки. Однако данный мотив должен быть доказан обвинением. В отличие от корыстного мотива, который подтверждается фактом получения денежных средств, мотивы улучшения показателей и т. п. мотивы не подтверждаются обвинением, что приводит к оправданию сотрудников.

Так, Авиастроительный районный суд города Казани оправдал бывшую сотрудницу районного отдела службы судебных приставов Леонову, котлрую обвиняли в совершении преступлений, предусмотренных статьям «Злоупотребление полномочиями» и «Служебный подлог». Оправдательный приговор вынесен в связи с отсутствием состава преступления.

По версии следствия Леонова незаконно уценила 2 800 арестованных овечьих шкур, которые позже продали по 10 рублей за штуку. Таким образом, кировская меховая фабрика «Белка», получила в качестве долга с татарстанской компании «МехСервис» 28 000 руб.

вместо ожидаемого миллиона. Стоит отметить, что шкуры выкупил сам должник. Леонова смогла добиться оправдательного приговора, представив суду доказательства того, что фабрика «Белка» уведомялась об уценке арестованного имущества.

Приговор обжалован, но оставлен без изменения Верховным судом Республики Татарстан. При этом было указано, что «доводы Леоновой об отсутствии у нее корыстной или иной личной заинтересованности подтверждаются данными, свидетельствующими о направлении в адрес ООО «<данные изъяты>» постановления об оценке имущества должника судебным приставом-исполнителем от 17 июня 2015 г., с получением которого организация фактически согласилась с отраженной в нем предварительной ценой меховых шкур по 10 рублей за единицу... обстоятельства, вменявшиеся в вину Леоновой Ю. Э., в ходе судебного заседания не подтверждены, ни одного доказательства, свидетельствующего об окончании Леоновой указанных органом обвинения 23 исполнительных производств с целью улучшения показателей в работе, ускорении окончания находящихся на ее исполнении исполнительных производств, увеличении своих статистических показателей и показателей отдела, желании приукрасить действительное положение вещей, в материалах уголовного дела не содержится».

Подводя итог, полагаем, что реакция государства на ряд преступлений, совершаемых работниками службы судебных приставов, излишня. Речь идет о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), 293 УК РФ (халатность), 292 УК РФ (служебный подлог). Зачастую эти преступления малозначительны, а во многих случаях констатируется отсутствие состава и судебные приставы-исполнители бывают оправданы либо уголовное преследование в отношении них прекращается. В то же время, безусловно, нельзя ослаблять предупредительное воздействие по взяточничеству, мошенничеству и другим корыстным преступлениям, совершаемым судебными приставами-исполнителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуреев В. А.* К вопросу о предупреждении коррупционных рисков в органах принудительного исполнения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2009. № 12. С. 39–44.
2. *Скобlikов П. А.* Коррупционные ниши в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» // *Российская юстиция.* 2007. № 7. С. 22–27.
3. *Царев П. Е.* Должностные преступления сотрудников органов Федеральной службы судебных приставов // *Вестник Чувашского университета.* 2012. № 4. С. 166–170.

ВОЛОСЮК П. В.

*зав. кафедрой уголовного права и процесса
Северо-Кавказского социального института,
к. ю. н., доцент*

АБДУЛГАЗИЕВ Р. З.

*зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Ставропольского филиала
Российского технологического университета МИРЭА,
к. ю. н., доцент (г. Ставрополь)*

УСТАНОВЛЕНИЕ МОТИВА ИНОЙ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Для российского общества коррупция и преступления коррупционной направленности являются одними из самых злободневных, что вынуждает государство принимать самые радикальные законодательные меры по противодействию данному социальному явлению, поразившему все слои общественной жизнедеятельности. Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г., одной из угроз национальной безопасности называет коррупцию, определяя в связи с этим долгосрочные направления по совершенствованию мер борьбы с коррупцией, разработке и использованию мер, обращенных на снижение уровня коррумпированности общественных отношений. На данное обстоятельство указывает и Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «в целях уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений».

Российская Федерация в части криминализации коррупционных преступлений сделала определённые успешные шаги, что отражается не только в официальной статистике российских правоохранительных органов, но и в реализации профилактических мер по недопущению коррупционных проявлений в действиях должностных лиц. При этом если речь идет о коррупции или преступлениях коррупционной направленности, то правоприменителю становится весьма очевидным, что должностное лицо, используя свои властные полномочия для разрешения «вопросов», входящих в сферу его компетенции, или в силу своего должностного положения, может спо-

собствовать решению «определённых вопросов», получает определённую материальную выгоду.

Квалификация коррупционных преступлений, при условии должного проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с получением должностным лицом материальной выгоды, не вызывает определённых сложностей. Совсем другое дело, когда должное лицо при совершении должностных преступлений руководствуется не корыстным мотивом, а мотивом иной личной заинтересованности. Именно при квалификации составов преступлений, где указывается на совершение преступления с использованием мотива иной личной заинтересованности, и возникают сложности у правоприменителя.

Согласно ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности выступает наличие в совершенном деянии всех признаков состава преступления. Иными словами в преступном деянии должна быть установлена совокупность объективных и субъективных признаков состава преступления. Применительно к составам должностных преступлений необходимо установить не только факт злоупотребления должностным лицом своими полномочиями, но и получение таким лицом неимущественной выгоды.

С точки зрения субъективной стороны, преступления, предусмотренные ст.ст. 285, 292 УК РФ, совершаются с прямым умыслом, т.е. должностное лицо осознает, что использует свои властные полномочия в ущерб интересам государственной или муниципальной службы или вносит в официальные документы заведомо ложные сведения и желает достичь преступного результата. Однако для того, чтобы квалификация по отдельным статьям главы 30 УК РФ была полной, в действиях должностного лица должен быть установлен мотив корыстной или иной личной заинтересованности.

Корыстная заинтересованность предполагает получение материальной выгоды должностным лицом, как для себя, так и для третьих лиц. С данным мотивом не возникает, как правило, определённых сложностей, так как факт получения определённой материальной выгоды, например денег, имущества или услуг (работ) имущественного характера должен быть зафиксирован, например, в рамках оперативно-розыскной деятельности, соответственно в деле должны иметься прямые доказательства подтверждающие факт получения должностным лицом определённой материальной выгоды.

Мотив иной личной заинтересованности в нормах главы 30 УК РФ законодателем не раскрывается, но Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 Постановления от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочия-

ми и о превышении должностных полномочий» разъясняет, что мотив иной личной заинтересованности — это стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность.

Получается, что при квалификации должностных преступлений, в которых упоминается мотив иной личной заинтересованности, правоприменитель фактически должен использовать данное разъяснение, и таким образом проблема определения данного мотива должна быть решена.

Но на практике сложилась совершенно иная и весьма парадоксальная ситуация в определении мотива иной личной заинтересованности. Суды при квалификации должностных преступлений совершенных по мотиву иной личной заинтересованности, учитывая пространные формулировки, использованные Верховным Судом РФ в указанном постановлении, стали на свое усмотрение трактовать данный признак. Например, данный мотив понимается судами как: «стремление должностного лица к повышению статистических показателей своей служебной деятельности о выявленных административных правонарушениях» (Приговор Советского районного суда г. Уфы от 04.12.2017 г. по уголовному делу № 1-549/2017); «желание получить поощрение, продвижение по службе» (Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 04.10.2017 г. по уголовному делу № 1-195/2017); «создания видимости отсутствия нарушения, осознавая, что указанные нарушения в работе могут послужить основанием для наложения дисциплинарного взыскания» (Приговор Дзержинского районного суда г. Ярославля от 19.09.2017 г. по уголовному делу № 1-172/2017); «желание оставаться в занимаемой должности, получая установленное денежное довольствие, а также поощрения по службе в связи с высокими показателями выполняемой работы, фактически уменьшая при этом объем выполняемой работы, в том числе и связанной с надлежащим исполнением поручений, создавая видимость своевременного и качественного ее выполнения» (Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 07.08.2017 г. по уголовному делу № 1-497/2017); «нежелание конфликтовать с непосредственным руководителем, а также, чтобы избежать возникновения возможного негативного к нему отношения со стороны непосредственного руководителя и коллег по службе» (Приговор Кировского районного суда г. Новосибирска от 13.07.2017 г. по уголовному делу № 1-147/2017);

«необходимостью повышения сборов налогов в бюджет сельского поселения» (Приговор Салаватинского районного суда Республики Башкортостан от 03.02.2020 г. по уголовному делу № 1-134/2019); "сокрытия преступления от регистрационного учета и улучшения показателей профессиональной деятельности по раскрываемости, не желая установления фактических обстоятельств произошедшего" (Приговор Наро-Фоминского районного суда Московской области от 30.01.2020 г. по уголовному делу № 1-11/2020.10).

В сложившейся ситуации на помощь правоприменителю должна приходиться доктрина уголовного права, чтобы выработать единый общий подход в понимании мотива иной личной заинтересованности при квалификации должностных преступлений. Но и здесь мы не видим единого подхода среди отечественных ученых в понимании и определении чётких критериев данного мотива.

Например, ученые под мотивом понимают «кумовство, карьеризм, желание угодить начальнику, надежда на оказание взаимной услуги в будущем» [2]; «протекционизм, карьеристские цели» [1, с. 149]. То есть авторы, формулируя понимания мотива иной личной заинтересованности, фактически выводят критерии его определения опять-таки из выше упомянутого Постановления ПВС № 19 от 16 октября 2009 г.

Не претендуя на уникальность и исключительность наших формулировок и полагая возможную их дискуссионность, тем не менее, мы постараемся сформулировать общие критерии для определения данного мотива должностных преступлений.

Во-первых, мотив иной личной заинтересованности — это получение должностным лицом неимущественных благ, выгод для себя или иных третьих лиц, в интересах которых он действует. Нематериальные выгоды для должностного лица не обязательно должны ограничиваться определёнными преимуществами и благами для него в том государственном (муниципальном) органе (учреждении) в котором он исполняет должностные обязанности, но и могут выражаться в получении иных выгод, например при поступлении дочери (сына) в учебное заведение, получении жилья вне очереди и т. д. Во-вторых, для вменения мотива иной личной заинтересованности, подлежит обязательному установлению факт стремления извлечения должностным лицом нематериальных благ. В приговоре суда должны быть четко отражены, какие именно нематериальные блага стремился извлечь субъект должностных преступлений, так как очень часто следственные органы делают всего лишь субъективную оценку относительно того, что совершая должностное преступление, лицо

намеревалось извлечь нематериальные блага, однако фактически в материалах проанализированных уголовных дел вообще не упоминается о получении должностным лицом каких-либо неимущественных благ либо суды просто отражают в приговоре, что «должностное лицо совершило преступление, руководствуясь мотивом иной личной заинтересованности» и при этом не раскрывают в чем именно выразился такой мотив, какие именно нематериальные блага получил субъект должностного преступления. Если должное лицо при использовании своих должностных полномочий не стремилось к получению определенных личностных благ, его действия не могут квалифицироваться как соответствующее должностное преступление, на лицо будут усматриваться признаки дисциплинарного проступка. Наконец, четкое отражение правоприменительными органами сущности извлечённых неимущественных благ должностным лицом позволит разграничить должностное преступление, совершенное по мотиву иной личной заинтересованности и деяние, совершенное по мотиву ложно понятых интересов службы, так как в последнем случае речь не идет об извлечении должностным лицом каких-либо нематериальных благ, его действия направлены на достижение исключительно служебных задач. Иными словами, должностное лицо должно не просто желать получить какую-либо неимущественную выгоду, но и фактически должно ее получить или факт ее получения в будущем действителен и лицо, гарантирующее ее предоставление обладает достаточными властными полномочиями по ее оказанию (предоставлению), например, если субъекту должностного преступления гарантируется продвижение по карьерной лестнице и для этого существуют законные основания, а лицо, обещающее это осуществить обладает для этого достаточными властными полномочиями.

Отсутствие вышеприведенных обстоятельств, по нашему мнению, может свидетельствовать не о должностном преступлении, совершенном по мотиву иной личной заинтересованности, а о дисциплинарном проступке со стороны субъекта преступления. В свою очередь, правоприменитель, если при квалификации не отразит какие именно неимущественные выгоды приобрел субъект должностного преступления, а ограничится субъективным суждением о возможных выгодах при злоупотреблении полномочиями, то допустит объективное вменение, запрещенное российским уголовным законом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давиатадзе М. Д.* Служебный подлог // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 147–151.

2. Крюкова Н. И., Халиков Ф. З. Проблемы квалификации служебного подлога // Экономика. Право. Общество. 2016. № 1(5). С. 68–74.

ГУЗЕЕВА О. С.

*судья Арбитражного суда Московской области,
к. ю. н. (г. Москва)*

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЕГО ПРЕДУСМОТРЕННОСТЬ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ

Отношение к признаку противоправности преступления в нашей науке развивалось через ряд последовательных диалектических отрицаний и имеет выраженный исторический контекст. К настоящему времени оформился корпус основных дискуссионных вопросов учения о противоправности, решение которых создает самые различные теоретические концепции, в которых, к сожалению, конституционные аспекты интерпретации этого признака практически не рассматриваются.

Обзор научной литературы позволяет выявить два направления в дискуссии о противоправности: первое связано с нормативным пониманием противоправности как предусмотренности преступления в уголовном законе, второе — с теоретическим представлением о противоправности как особой направленности преступного деяния. Каждое из них заслуживает отдельного анализа.

Противоправность как предусмотренность в законе в понимании признака противоправности содержательно восходит к требованиям принципа законности *nullum crimen sine lege*, а его активная разработка исторически была связана с нормативным запретом применения уголовного закона по аналогии в УК РСФСР 1960 г. Отсюда — широко распространенная, хотя и в современных условиях и малосодержательная, на наш взгляд, дискуссия о соотношении противоправности и общественной опасности и значимости этих признаков в определении понятия преступления.

Так, если А. В. Наумов пишет, что в современных условиях необходимо «действительно отказаться от принятой трактовки взаимосвязи этих признаков, когда в основу определения преступления кладется материальный признак (общественная опасность), а формальный признак (уголовная ответственность) объявляется производным от него. ... в правовом государстве первое место должен занять признак противоправности» [2, с. 276], то Н. Ф. Кузнецова

доказывает, что «аргументация, при которой противоправность объявляется первичной, а общественная опасность - вторичной, непригодна по существу, методологически ущербна, политизирована вопреки конституционному установлению об идеологическом и политическом плюрализме» [6, с. 76]. Думается, что расстановка акцентов в данном случае занятие малопродуктивное, а сама дискуссия имеет в большей степени идеологическое, нежели собственно уголовно-правовое значение.

В содержательном отношении важнее заметить, что противоправность как предусмотренность деяния уголовным законом в аспекте упомянутого принципа законности включает в себя три компонента, имеющих различное отношение к непосредственной дефиниции преступления:

— во-первых, противоправность означает, что преступление должно быть описано в законе. Юридической основой такого тезиса выступают ч. 2 ст. 54 и п. «о» ст. 71 Конституции РФ, корреспондирующие им предписания ст. 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 1 ст. 1 и ст. 3 УК РФ. Это направление в исследовании противоправности имеет прочную эмпирическую основу в проверочной практике Конституционного Суда РФ в части, посвященной требованиям, предъявляемым к качеству уголовного закона, его определенности и предсказуемости. В этом отношении противоправность имеет малое касательство собственно к теме преступления и должна рассматриваться как часть учения об уголовном законе, источниках уголовного права, пределах судебного толкования уголовного закона, отграничении толкования от применения закона по аналогии;

— во-вторых, противоправность как предусмотренность предполагает, что каждое преступление должно быть описано в законе определенным образом, а именно так, чтобы и гражданин, и правоприменитель имели четкое представление о признаках, позволяющих отграничить преступление от иных правонарушений и правомерных деяний. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» высказался на этот счет вполне определенно: «Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что уголовный закон ясно и четко определяет признаки преступления, отграничивая его от иных противоправных и тем более — от законных деяний» (п. 5.1). Этот аспект противоправности восходит к конститу-

ционными требованиям качества и доступности уголовного закона, однако в более практическом, прикладном аспекте его действия и связан с проблематикой конструирования составов преступлений. Соответствие деяния нормативно зафиксированному составу преступления выступает одним из важнейших условий реализации уголовной ответственности за него. Однако такое «соответствие закону» в традиционном понимании нашей науки составляет компонент учения не о преступлении как таковом, а о квалификации деяния как преступления. Попутно заметим, что признак «соответствия деяния составу», при специфическом, отличном от принятого в российской науке, понимании исходных терминов «деяние» и «состав», рассматривается необходимым элементом преступления в немецкой доктрине [1, с. 127–132];

– в-третьих, противоправность преступления предполагает его запрещенность под угрозой применения уголовного наказания, что позволяет некоторым специалистам ставить знак равенства между противоправностью и наказуемостью. Здесь следует акцентировать внимание на двух моментах.

Прежде всего, противоправность как наказуемость не предполагает с необходимостью реального применения наказания, в связи с чем в этом аспекте она рассматривается как возможное, но не обязательное последствие преступления, а не как его признак [6, с. 87], а реализация предусмотренных законом норм, направленных на освобождение от наказания и ответственности, не исключает того, что соответствующее преступление утрачивает свойства противоправного и запрещенного деяния [4, с. 77–85]. На этом основана и конституционная концепция освобождения от ответственности, признающая все основания такого освобождения нереабилитирующими [3].

Второй момент более важный, как представляется. В соответствии с ним преступление должно быть по закону «обложено» именно уголовным наказанием. Вопросы, связанные с уголовным наказанием и его конституционными основаниями, будут рассмотрены нами в последующей главе. Здесь же отметим, что теория и практика исходят из принципиально возможного несовпадения двух феноменов: «уголовное наказание» и «наказание, предусмотренное в уголовном законе». В связи с чем, было бы ошибкой считать преступлением деяние, которое хотя и описано в уголовном кодексе, но влечет, согласно его положениям, применение неуголовных санкций. Такая ситуация имела место в УК РСФСР 1960 г., в котором, в частности, ст. 239 «Неисполнение приказа» предусматривала, что неисполнение приказа начальника (совершенное при отсутствии при-

знаков, указанных в п. «а» ст. 238 УК РСФСР), совершенное при наличии смягчающих обстоятельств, влечет применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР. Гораздо сложнее вопрос о том, можно ли считать преступлением деяние, которое влечет применение уголовных, по сути своей, санкций, но предусмотрено не уголовным, а иным законом. В современной практике этот вопрос непосредственно связан с упоминавшимся уже понятием «уголовной сферы», выработанным решениями Европейского Суда по правам человека, и основанной на них международно-правовой обязанностью государств обеспечить надлежащую защиту права обвиняемого на справедливый суд, если ему предъявлено «уголовное обвинение». С позиций учения об «уголовной сфере», «уголовного обвинения» нет принципиальных различий в наказании за преступления и некоторые административные правонарушения. Однако на этой основе нельзя делать вывод о том, что единство «уголовной наказуемости» уравнивает преступление с иными деяниями, составляющими материально-правовую основу «уголовного обвинения», поскольку наказуемость не является единственным признаком преступления, а вопросы разграничения преступлений и иных правонарушений должны решаться с учетом иных критериев и признаков, в частности, с учетом представлений об общественной опасности.

Таким образом, учение о противоправности преступления как его предусмотренности в уголовном законе под угрозой применения уголовного наказания (именуемая часто специфическим термином «уголовная противоправность»), составляя важную часть общей теории уголовного права, имеет малое отношение к характеристике собственно признаков преступления. Это учение не раскрывает существенных свойств преступления, его природу. Оно в большей степени ориентировано на разработку надлежащей нормативной инфраструктуры противодействия преступлениям и обеспечение гарантий прав личности в ее взаимоотношениях с государством в сфере регулирования уголовно-правовых отношений. Разработка этого аспекта противоправности связана с конструированием уголовно-правового запрета (в его диспозитивной и санкционной части), квалификацией преступлений судом на основании закона и обеспечением права человека на справедливый суд и защиту от уголовного обвинения. Но противоправность преступления как его предусмотренность в законе не характеризует само преступление как правонарушение, как деяние, противное установленному правопорядку, она отражает лишь законный, соответствующий праву порядок установления ответственности за него. Такое понимание противоправности в целом восходит

еще к учению Н. С. Таганцева, который развивая идеи Биндинга, писал: «Всякий закон уголовный содержит в себе описание преступного деяния (диспозитивная часть) и назначенное за него наказание (санкция), но описание логически не может быть нарушено; напротив того, для применения закона уголовного безусловно необходимо, чтобы учиненное было юридически тождественно с диспозицией закона, с его определением»; «закон, который нарушается, логически в идее и даже фактически по времени (обыкновенно, хотя и не всегда) должен предшествовать закону, по коему наказывается нарушитель» [5, с. 24]. В содержательном плане то, что рассмотрено здесь в качестве «уголовной противоправности» тождественно «правомерности установления уголовно-правового запрета».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жалинский А. Э.* Современное немецкое уголовное право. Москва : ТК Велби : Проспект, 2004.
2. *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2007.
3. *Пудовочкин Ю. Е., Генрих Н. В.* Конституционно-правовые основы освобождения от уголовной ответственности // Российское правосудие. 2020. № 5. С. 76–95.
4. *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. Москва : Юрид. лит., 1963.
5. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. Москва : Наука, 1994.
6. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3: Понятие преступления. Санкт-Петербург : Изд-во проф. Малинина, 2005.

КОНДРАТЮК С. В.

*старший преподаватель
кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти)*

ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 210¹ УК РФ

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» в УК РФ введена статья 210¹, в которой предусмотрена уголовная ответственность за

занятие высшего положения в преступной иерархии. Введение уголовной ответственности за лидерство в преступном сообществе стало следствием развития организованной преступности и направлено на противодействие данному явлению.

Ученые полагают, что ст. 210¹ УК РФ адекватна современному состоянию организованной преступности. Как отмечают, например, В. Н. Бурлаков и В. Ф. Щепельков, лидер преступного формирования по смыслу занятия высшего положения в преступной иерархии возникает при достижении ее определенного уровня развития, при достижении ею высшей организационной формы [2].

Рассмотрим уголовно-правовые характеристики личности лидера преступной иерархии, поскольку личность виновного становится в данном случае ключевым признаком состава преступления.

Негласный «табель о рангах», по образному обозначению отдельных авторов, закрепляет иерархическое положение определенного члена криминального сообщества. Принимаем, что наличие преступной иерархии подразумевает организованную форму преступного сообщества.

Действительно, как подчеркивают Н. С. Беркумбаев и А. Р. Егоров, организованность означает способность лидера преступной иерархии консолидировать вокруг себя значительно количество криминальных элементов, наращивать экономическую мощь, политическое влияние, использовать их в антиобщественных и противозаконных деяниях [1]. Организованность преступности предполагает ее экспансию, как в территориальном аспекте, так и в социальном охвате новых групп населения.

Признаком организованной преступности называют стремление ее лидеров войти во власть, благодаря которой возглавляемое ими организованное преступное формирование приобретает возможность устанавливать монополию в какой-либо общественной сфере. Автор выделяют признаки, характеризующие организованную преступность, такие как иерархическая структура, распределение ролей, финансовая база, использование государственных и социальных институтов, наличие коррупционных связей, а также жесткая дисциплина.

В преступных группировках формируются своя корпоративная субкультура, четкая иерархия, поддерживаемая сильными и харизматичными лидерами. Лидерами становятся лица, способные обеспечивать стабильность и воспроизводимость преступной иерархии. Лидер, как организатор преступного формирования отвечает за противоправные действия, которые совершили другие его члены. Поэтому в его функции входит прогнозирование возможных вариантов наступления событий.

Лица, относящиеся к высшей категории преступной иерархии, способны взаимодействовать с другими преступными формированиями, а также с представителями органов государственной власти. Причем, действия указанного характера приобретают целенаправленный и системный характер.

В итоге, можно видеть, что лидер преступного формирования осуществляет деятельность по координации, налаживанию связей, построению структуры и системы членства в преступном формировании, а также принимает меры по сохранению его устойчивости и развитию.

В ч. 3 ст. 33 УК РФ организатор определяется как лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. Соответственно, прямой умысел организатора преступления, как справедливо указывают Е. В. Герасимова и А. Д. Ченчиковский, предполагает сознательное планирование, координацию и управление преступными действиями; понимание и желание наступления опасных последствий от общих усилий всех членов преступного формирования [3].

Качественная сторона преступления зависит от объекта преступления и степени его общественной опасности. С точки зрения субъективной стороны преступления, наибольшей общественной опасностью, среди лиц, совместно совершающих преступления, становится руководитель преступного сообщества. Исходя из этого отмечаем, что законодатель объединяет функции организатора и руководителя единым термином — организатор. Между тем, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, учеными обозначается термином «лидер». Такой участник преступного формирования выдвигается на роль руководителя для того, чтобы обеспечивать организацию и проведение коллективной преступной деятельности для достижения общей антиобщественной цели.

Лидер преступной иерархии, по своему социальному положению становится организатором преступного формирования. По мнению автора, лидерство лица в преступной иерархии подтверждается его непосредственной деятельностью по созданию или руководству преступным сообществом, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между разными самостоятельно действующими организованными группами, планированию преступной деятельности всего сообщества. Поэтому организующую роль лидера преступного формирования называем признаком объектив-

ной стороны преступлений рассматриваемого вида. Так, признаком лидера преступной иерархии становится его деятельность по созданию и сплочению организованного преступного формирования.

Автор отмечает видовое разнообразие преступных сообществ. К наиболее опасным влиятельными преступным сообществам относят сросшиеся с государственными органами. В силу имеющегося у них административного и легального силового ресурса они способны при необходимости диктовать свою волю иным преступным сообществам. В любых случаях, в преступной среде прошлые заслуги и авторитет основаны на рецидиве. Количественный показатель рецидива определяет ступень в преступной иерархии. Так, рецидив определяем признаком лидера преступной иерархии. Отмечаем, что лидер, благодаря своему признанию в определенном преступном формировании, оказывает на него организующее воздействие.

Умысел, как элемент субъективной стороны преступлений рассматриваемого вида, означает понимание лицом общественной опасности своих действиях или бездействиях. Этот элемент состава преступления распределяют на интеллект и волю лица, стремящегося занять высшее положение в преступной иерархии. Интеллектуальный аспект поведения лидера означает его уверенность в общественной опасности собственных действий или бездействий, а также допущение общественно-опасных последствий от приобретения высокого статуса в преступной иерархии. Лидер регулирует взаимоотношения в группе, следит за поведением остальных участников и требует, чтобы они не допускали легкомысленных поступков, вели внешне законопослушный образ жизни, не злоупотребляли алкоголем, наркотиками.

Действия преступного лидера предполагают наличие прямого противоправного умысла. Такое лицо осознает общественную опасность собственных организаторских действий. Можно сказать, что субъективная сторона занятия лицом лидерского положения в преступной иерархии характеризуется осознанием преступной цели и допущением соответствующего результата. Лидер подчиняет своей воле преступное сообщество, реализуя субъективное стремление возглавить определенное преступное формирование [4].

Организаторские способности необходимы лидеру для выполнения своих функций. Автор отмечает роль в воспроизводстве преступных традиций, вследствие чего преступная деятельность приобретает устойчивость. Отметим процедурность приобретения высшего положения в преступной иерархии. Для того чтобы занять место в системе отношений, необходимо обладать социальным основанием, и таким базисом в нашем случае является преступный статус.

Так, сознательное участие в ритуале приобретения высшего статуса в преступной иерархии называем признаком субъективной стороны рассматриваемого преступления.

Согласно разъяснению Пленума ВС РФ в п. 24 Постановления от 10 июля 2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», указавшего на признаки высшего положения в преступной иерархии, о лидерстве лица в преступном формировании свидетельствует наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями, а также налаживание коррупционных отношений с органами государственного управления. Различные преступные формирования, в том числе и международные, в совокупности с коррумпированными государственными структурами, объединены в преступные сообщества. Принадлежность к международному преступному сообществу отличает субъекта рассматриваемого преступления. Так, участие лица в международных преступных связях, а также в коррупционных схемах называем признаком лидера преступной иерархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беркумбаев Н. С., Егоров А. Р.* Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 413–422.

2. *Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф.* Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465–476.

3. *Герасимова Е. В., Ченчиковский А. Д.* Организованная преступность. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2(95). С. 177–188.

4. *Лихолетов А. А., Михайлов М. У.* Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2(49). С. 32–40.

ДВУЛИЧАНСКИЙ А. В.

аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии

ШЛЯПНИКОВА О. В.

профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии

Саратовской государственной юридической академии

к. ю. н., доцент (г. Саратов)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОРГАНИЗАТОРОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. деятельность террористических организаций является одной из главных угроз государственной и общественной безопасности.

Одной из наиболее опасной формой террористического проявления является организация деятельности террористических формирований.

Во главе террористического формирования стоят лидеры — идейные руководители, в руках которых сосредоточены рычаги управления, контроль за распределением финансовых средств, проведение тщательного анализа поступающей информации об устремлениях правоохранительных органов.

Организаторы террористических формирований не всегда принимают непосредственное участие в проведении преступлений террористической направленности, только контролируя этапы совершения террористической атаки, делегируя полномочия осуществления заранее намеченного замысла руководителям низшего звена.

Исходя из специфики деятельности террористических формирований в обязанности руководителей входят:

- √ организация системы управления террористическим сообществом;
- √ выработка стратегической линии действия организации;
- √ осуществление контроля за распределением финансовых потоков;
- √ проведение разведывательных мероприятий и анализ поступающей информации;
- √ поддержание устойчивых связей с руководителями других террористических формирований;
- √ контроль за подбором и вербовкой кадров;

- √ контрразведывательная деятельность (обеспечение собственной безопасности подразделения), направленная на поиск агентов, лазутчиков внутри организации;
- √ поддержание дисциплины;
- √ материально-техническое обеспечение;
- √ идеологическая работа.

Известно, что внутреннее содержание личности преступника, в частности террориста, в наибольшей степени проявляется в нравственных свойствах и психологических особенностях.

Проведенное исследование позволило выявить специфические интеллектуальные, эмоциональные, волевые качества организаторов и руководителей террористической деятельности.

Проводя анализ личных качеств организаторов и руководителей можно сделать вывод, что им присуще следующие качества:

- данные лица малообщительны, как правило, это связано с поддержанием высокого уровня конспирации в подразделениях. Информацию о предстоящих операциях доводят до доверенного круга лиц, избегают частого использования средств связи;

- высокий уровень авторитета, харизматичны, способны повести за собой людей;

- в высшей степени осторожные и предусмотрительные люди - никогда не берутся за операцию и не посылают своих людей на крупные дела, пока у них нет уверенности в наличии достаточных условий для их успешного завершения;

- изобретательны и активны; им свойственны четкая логика при анализе окружающей обстановки, тщательное планирование деталей предстоящих операций и хорошо продуманная тактика их осуществления;

- обладают личным обаянием и способностью благодаря этому привлекать последователей;

- пренебрегают существующими социальными и этическими нормами;

- высокий уровень доминирования (способность мобилизовать своих подчиненных на агрессивные действия).

Более того, личности террориста присущи черты насильственного преступника с эгоистическим превалированием собственного значения, с пренебрежением к иным людям, их правам и законным интересам, постоянное озлобление в действиях, отсутствие каких-либо сомнений в правильности своего поведения и колебаний в его осуществлении [4, с. 78; 5, с. 87–88].

Среди организаторов террористической деятельности можно выделить самостоятельные подгруппы руководителей.

1. Террористы-идеологи

Проведенный анализ уголовных дел и материалов оперативно-розыскной деятельности позволяет выделить такой тип организаторов, как «идеологи», которых в частности, М. В. Виноградов относит к первой, высшей ступени иерархии террористов [1, с. 237].

Идеологи формируют религиозную и конфессиональную базу будущих террористических проявлений. Выступая с критикой власти, политического строя, социально-экономической ситуации в угоду собственных экономических, идеологических, эгоистических целей.

Руководители этого вида имеют ярко выраженное желание доминировать, управлять и подавлять подчиненных. Данные способности обычно связаны с высокой тревожностью индивида. Являясь хорошими психологами, осуществляют обработку будущих исполнителей резонансных акций, в том числе — террористов-смертников.

2. Террористы-финансисты

Среди руководителей организованных террористических групп отдельную группу (как правило, не участвуют в террористической деятельности) составляют террористы бизнесмены. Несмотря на косвенное участие в террористической деятельности «финансисты» играют важную роль в функционировании террористических систем.

Деятельность данного типа руководителей направлена на получение прибыли подконтрольных финансовых компаний, благотворительных фондов, банков, частных фирм. Отмывание денежных средств, полученных криминальным путем (продажа наркотических средств, выкуп за заложников, рэкет) происходит через финансовые организации людей, не связанных напрямую с террористической деятельностью, но являющимися близкими связями руководителей финансистов.

Как указывает У. Лакюзэр, главный миф о террористах гласит, что они бедны, голодны и лишены человеческих желаний. Без финансовой поддержки — да, но современный терроризм, как правило, — это большой бизнес [2, с. 251–267].

3. Террористы-идеалисты

«Идеалисты» — группа руководителей в своей деятельности стремящиеся к самоутверждению путем насильственных реализаций своих преступных замыслов.

Мотивационным фундаментом является фанатичная вера в замыслы и идеалы политического, религиозного, идеологического характера, которые они приобрели в процессе своего жизненного становления. Ощущение своего значимого положения в террористичес-

кой идеологии для них важно тем, что мгновенно привлекают к себе внимание, удовлетворяя свои эгоистические потребности.

Представители данной подгруппы руководителей является наиболее опасным психотипом, т. к. в своей деятельности «идеалисты», ослепленные своими идеями способны идти к своей цели, не останавливаясь не перед чем.

Судя по материалам исследований, организаторы террористических формирований представлены в своей основе военными или политическими лидерами террористов, идеологами терроризма [3, с. 54].

Работа правоохранительных органов чаще всего направлена на профилактику и пресечение деятельности рядовых членов террористических организаций, выявление организаторов и руководителей и предупредительное воздействие на них, требует привлечения значительных сил и средств и должна осуществляться во взаимодействии правоохранительных систем на межгосударственном уровне, что вызвано ростом межгосударственной и межнациональной составляющей террористической преступности.

Таким образом, криминологические особенности личности организаторов и руководителей террористических формирований, а также факторы, влияющие на их формирование, необходимы для определения круга лиц, способных к совершению террористических преступлений, для повышения эффективности профилактической деятельности правоохранительных органов в указанной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терроризм. Правовые аспекты борьбы: нормативные и международные акты с комментариями, научные статьи / под ред. И. Л. Трунова. Москва, 2005. 512 с.

2. The Terrorism Reader; a Historical Anthologi / ed, by L. Walter. Philadelphia, 1978. 405 с.

3. Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом / А. И. Долгова, Л. В. Емельянова, А. А. Красильников, И. Р. Михеев и др. ; под общ. ред. А. И. Долговой. Москва : РКА, 2006. 143 с.

4. *Фридинский С. Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 217 с.

5. *Шляпникова О. В., Дудкина Е. И.* Криминологические особенности личности участников организованных преступных формирований в контексте их криминальной специализации // Личность преступника и её криминологическое изучение / под ред. проф. А. И. Долговой. Москва : РКА, 2018. С. 87–88.

МЕРКУРЬЕВ В. В.

*руководитель Отдела научного обеспечения прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере федеральной безопасности,
межнациональных отношений и противодействия экстремизму
НИИ Университета прокуратуры РФ,
д. ю. н., профессор, старший советник юстиции (г. Москва)*

ТАРАКАНОВ И. А.

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Владимирского юридического института ФСИН России,
к. ю. н., доцент, полковник внутренней службы (г. Владимир)*

**НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА
КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Противодействие преступности является важной задачей современного государства. Целями такого противодействия выступают защита интересов личности, общества и государства, снижение уровня преступности, профилактика преступлений, минимизация или полная ликвидация последствий преступной деятельности.

Важную роль в противодействии преступности играют уголовно-правовые средства, среди которых особое место занимает институт необходимой обороны.

Согласно положениям ст. 37 УК РФ каждый человек, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также возможности избежать нападения или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти, вправе причинить вред посягающему лицу для отражения его общественно опасного посягательства.

Роль института необходимой обороны в противодействии преступности невозможно переоценить:

— посредством необходимой обороны граждане реализуют свое конституционное право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом;

— осознание того, что посягательство может встретить решительные активные действия, способно остановить потенциального преступника;

— уверенность граждан в допустимости правомерного причинения вреда посягающему лицу способствует формированию их активной гражданской позиции и готовности противодействовать правонарушениям;

— повышение активности граждан по отражению и пресечению общественно опасных посягательств способно существенно снизить количество насильственных и корыстно-насильственных преступлений.

Следует согласиться с мнением А. А. Максурова, о том, что «применение необходимой обороны способствует торжеству общественного и правопорядка, выполнению правом через использование его возможностей конкретным индивидом своих важнейших функций, причем не только компенсационной и восстановительной функций, функций общей и частной превенции (и даже - в вульгарном обывательском понимании - карательной функции), но и функции информационной, мировоззренческой функции и некоторых других» [5, с. 22].

В то же время реализация гражданами права на причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны сопряжена с рядом проблем. Анализ судебной практики свидетельствует, что нередко лицо, правомерно оборонявшееся от общественно опасного посягательства, вынуждено доказывать законность своих действий, приобретая статус подозреваемого, обвиняемого, а затем подсудимого и даже осужденного в рамках уголовного дела [6].

Обращая на это внимание, В. И. Акимочкин отмечает, что «в практической деятельности все еще имеют место случаи, которые приводят к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц, применивших меры защиты, т. е. реализующих право на необходимую оборону» [2, с. 14].

Так, например, приговором Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Л. была осуждена по части 4 статьи 111 УК РФ. Согласно приговору между Л. и ее мужем Л. А., находившимся в состоянии алкогольного опьянения, произошла ссора на почве личных неприязненных отношений, продолжавшаяся более двух часов, в ходе которой Л. А. нанес Л. не менее 11 ударов руками в область головы, туловища и конечностей, после чего взял на кухне квартиры кухонный нож и махнул им в сторону Л., поранив ей правый бок. Затем Л. А. подошел к сидящей на диване Л. и с целью напугать ее поднес к ее шее лезвие ножа, надавил на него, причинив поверхностную резаную рану. После этого Л. А. лег на диван и положил рядом с собой указанный кухонный нож. В этот момент Л. схватила лежавший на диване кухонный нож и умышленно нанесла им Л. А. ранения, осложнившиеся массивной кровопотерей, что повлекло смерть Л. А. Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда оставила приговор без изменений.

Президиум Свердловского областного суда своим Постановлением от 22.07.2015 г. по делу № 44у-126/201 отменил приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга и апелляционное определение судебной коллегии и прекратил дело в отношении Л. за отсутствием состава преступления, указав при этом следующее. Признавая Л. виновной в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Л. А., повлекшим по неосторожности его смерть, суд первой инстанции установил факт посягательства на Л. со стороны потерпевшего Л. А. Из материалов дела и пояснений допрошенных лиц следует, что потерпевший характеризовался крайне отрицательно, имел пять судимостей, в том числе за тяжкие преступления, отбывал наказание в местах лишения свободы, значительно превосходил Л. по физическим данным, находился в состоянии алкогольного опьянения и его поведение носило агрессивный характер. По делу установлено, что Л.А. более 2 часов избивал Л., нанес ей множественные удары ногами и руками; применил в качестве оружия нож, причинил три резаных раны в области расположения жизненно важных органов — шеи, живота; высказывал угрозы убийством, которые она воспринимала реально. С учетом обстановки, возникшей в результате конфликта, личности Л. А., для Л., державшей малолетнего ребенка на руках и не имевшей возможности отразить посягательство, не был ясен момент его окончания и имелись достаточные основания полагать, что Л. А. продолжит свои противоправные действия и может лишить ее жизни. При таких обстоятельствах президиум пришел к выводу, что Л. находилась в состоянии необходимой обороны, защищаясь от посягательства, опасного для ее жизни, а поэтому причинение нападавшему Л. А. тяжкого вреда здоровью, повлекшего его смерть, в силу части 1 статьи 37 УК РФ не является преступлением.

Следует заметить, что судом первой инстанции вообще не было установлено состояние необходимой обороны в действиях подсудимой, что повлекло ее необоснованное осуждение за особо тяжкое преступление против личности.

В отдельных случаях судами признается, что действия подсудимого были обусловлены обстановкой общественно опасного посягательства, однако при этом выносится необоснованное решение о превышении пределов необходимой обороны

Так, например, приговором Борзинского городского суда Забайкальского края П. был осужден за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Как было установлено судом, А. и И. приехали на автомашине марки «КамАЗ» на живот-

новодческую стоянку, где проживал П., и попросили у него разрешение переночевать, но, получив отказ, уехали. Затем они, будучи в состоянии алкогольного опьянения, преследуя цель разбирательства с П., снова прибыли в его жилище, где применили к П. физическое насилие, нанеся не менее 42 ударов кулаками по его лицу и различным частям тела, а И. также нанес 2 удара головой в область лица П. В целях защиты от посягательства П. достал имевшийся при нем нож и нанес им удары в область тела И. и А., в том числе 2 удара в область головы и плеча И., вследствие чего он смог вырваться и выбежать на улицу. В результате действий П. И. были причинены телесные повреждения, в том числе в виде проникающего колото-резаного ранения в голову с повреждением вещества головного мозга, от которого и наступила смерть И.

Забайкальский краевой суд своим Приговором от 06.03.2018 г. по делу № 22-581/2018 отменил указанный приговор и оправдал П. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, указав при этом следующее. О том, что насилие создавало реальную опасность для жизни П. в момент его применения, свидетельствовали обстоятельство дела – нанесение обоими нападавшими не менее 42 ударов кулаками в область лица и тела П., физическое и численное превосходство И. и А., их алкогольное опьянение и агрессивное поведение, время, место и интенсивность нападения. При установленных обстоятельствах П. имел право защищать себя всеми доступными средствами и способами, и причинение им смерти И. в состоянии необходимой обороны, согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ, не является преступлением.

Анализируя материалы судебно-следственной практики, Д. А. Дорогин отмечает, что «квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны, как правило, связаны: с неверной оценкой самого факта совершения общественно опасного посягательства; ограничением права на необходимую оборону в связи с тем, что лицо обладало какими-либо специальными навыками либо могло избежать посягательства; неверной оценкой реальности посягательства; неверной оценкой наличности посягательства; неверным установлением пределов необходимой обороны, причем не столько в плане определения их конкретного содержания, сколько в аспекте самого факта наличия таких пределов» [4, с. 31].

По мнению Е. В. Авдеевой, «проблема реализации института необходимой обороны на современном этапе состоит в том, что в настоящее время законодательная конструкция норм, регламентирующих институт необходимой обороны, основана на преобладании

оценочных правовых категорий, заведомо детерминирующих на правоприменительном уровне коллизии при квалификации деяний и оказывающих негативное влияние на реализацию конституционного права граждан на необходимую оборону» [1, с. 16].

Сходного мнения придерживается Д.А. Гарбатович, отмечая, что «когда обстоятельство, исключаящее преступность деяния, сконструировано из оценочных, абстрактных признаков, на правоприменительном уровне оно может быть использовано не только как средство смягчения уголовно-правовой репрессии, но и как средство для ее повышения. Например, когда оценочные признаки необходимой обороны толкуются и применяются не в пользу лица, защищавшегося от общественно опасного посягательства» [3, с. 21–22].

В результате ошибок в уголовно-правовой оценке правоохранительными органами правомерности оборонительных действий значение института необходимой обороны фактически нивелируется:

- признание правомерных оборонительных действий преступными означает отрицание права граждан на защиту своих прав и свобод;

- с каждым обвинительным приговором снижается уверенность граждан в возможности активной обороны от общественно опасного посягательства;

- растет уровень недоверия граждан к правоохранительным органам;

- среди граждан формируется мнение, что стать жертвой преступления влечет меньше проблем, нежели причинить вред посягающему.

Избежать указанных проблем возможно — при условии, что законодателем будут предприняты все усилия по дальнейшему совершенствованию норм института необходимой обороны, а правоприменителями будет накапливаться положительная практика признания действий, совершенных в состоянии необходимой обороны, правомерными и общественно полезными. В результате институт необходимой обороны сможет достичь своих целей по пресечению и отражению общественно опасных посягательств, защите прав и свобод личности, общества и государства, а, следовательно, обеспечит существенный вклад в дело противодействия преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Е. В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Российский судья. 2019. № 1. С. 16–20.

2. *Акимочкин В. И.* К вопросу о правомерности необходимой обороны // Российский следователь. 2017. № 8. С. 14–16.

3. *Гарбатович Д. А.* Установление границ криминализации деяний посредством регламентации и правоприменения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяний // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 21–22.

4. *Дорогин Д. А.* Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны // Уголовное право. 2020. № 1. С. 22–31.

5. *Максуров А. А.* О совершенствовании понятия «необходимая оборона» как межотраслевого юридического института // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 22–24.

6. Уголовное право: гражданская самозащита: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / В. В. Меркурьев. 2-е изд. Москва : Юрайт, 2019. 521 с.

НЕКОЗ С. С.

*Борзинский транспортный прокурор,
юрист 1 класса (Забайкальский край, г. Борзя)*

ОЦЕНКА ПОСОБНИЧЕСТВА ПРИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Непременным условием правильной уголовно-правовой оценки пособнических действий, наряду с установлением общих признаков пособничества и отграничением случаев соучастия от самостоятельно криминализованного оказания содействия в совершении общественно опасных деяний, выступает правоприменительная проверка самой возможности реализации уголовной ответственности, предполагающая установление обстоятельств, такую ответственность исключающих.

Разумеется, в реальной жизни установление обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, нельзя строго соотнести с каким-либо конкретным этапом правоприменительной деятельности. Они фиксируются и обсуждаются и при выборе подлежащей применению уголовно-правовой нормы, и при квалификации общественно опасного деяния. Однако в исследовательских целях, как нам представляется, вполне допустимо рассматривать проблему оценки пособничества в контексте указанных обстоятельств в качестве относительно самостоятельного предмета научного поиска.

В самом общем виде исключающими ответственность обстоятельствами признаются предусмотренные законодательством РФ ситуации, которые делают невозможным наступление уголовной от-

ветственности за совершение деяния. Такие ситуации являют собой весьма обширный список. Одним из значимых и актуальных обстоятельств, исключая ответственность, выступает декриминализация.

Уголовная ответственность наступает лишь за те общественно опасные деяния, которые на момент их совершения преступления признавались преступлениями, и при условии, что их наказуемость сохраняется на момент вынесения итогового решения по уголовному делу. В случае вступления в силу закона, устраняющего преступность деяния (ст. 10 УК РФ), он имеет обратную силу, а содеянное не влечет уголовной ответственности по причине декриминализации. Закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет.

Эти положения УК РФ имеют особое значение для оценки поведения пособника в случаях, когда его действия не совпадают во времени с деянием исполнителя. Их правильное применение требует решения вопроса о том, что считать временем совершения преступления в соучастии. Непосредственно в тексте уголовного закона прямых ответов на него нет; в литературе же высказываются на этот счет противоречивые суждения.

Некоторые специалисты полагают, что временем совершения преступления соучастниками признается время выполнения деяния исполнителем [4, с. 263]. Следуя этой логике, если пособник выполняет свои действия в тот момент, когда «основное деяние» не было криминализовано, а исполнитель совершает преступление в момент, когда деяние уже получило оценку со стороны уголовного закона, то деяние пособника влечет для него уголовную ответственность, поскольку считается совершенным в тот момент (момент действий исполнителя), когда преступность деяния была установлена.

Другие авторы полагают, что время совершения преступления каждым из соучастников определяется временем выполнения им своих собственных преступных деяний [2, с. 12; 3, с. 16; 5, с. 22]; «в ситуации, когда время пособничества и время исполнения преступления не совпадают, временем пособничества признается период их фактического выполнения, независимо от времени совершения действий исполнителем» [6, с. 18]. Исходя из этого, надо признать, что отсутствие признака уголовной наказуемости в действиях пособника на момент их совершения исключает ответственность пособника даже в том случае, когда на момент выполнения действий исполнителем преступления соответствующее деяние было криминализовано. М. И. Блум в этих случаях, однако, оговаривалась: «если виновный сознавал, что действия исполнителя

будут совершены при действии нового закона, то он подлежит ответственности по новому закону» [1, с. 19].

Представляется, что в решении этого сложного вопроса преимущества на стороне второй из изложенных позиций. Однако она нуждается в уточнении и конкретизации в процессе решения вопроса о применении закона, декриминализирующего преступление, совершенное в соучастии:

— если на момент составления сговора пособника и исполнителя и на момент выполнения пособнических действий деяние было криминализовано, но в момент выполнения действий исполнителя уже утратило свойства преступности в связи с декриминализацией, то все содеянное не может квалифицироваться с учетом норм института соучастия и охватывается положениями ч. 1 ст. 30 УК РФ, образуя приготовление к преступлению в форме приискания соучастников и сговора на совершение преступления, ответственность за которое, тем не менее, исключается в связи с декриминализацией;

— если декриминализация преступления состоялась после того, как исполнитель преступления при содействии пособника выполнил свои действия, то содеянное должно быть оценено с учетом норм института соучастия, тогда как ответственность соучастников опять же исключается в связи с декриминализацией. При этом не влияет на оценку ситуации тот факт, что заранее обещанные действия пособника по сокрытию преступника, средств или орудий совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, а равно по приобретению или сбыту таких предметов, были фактически выполнены после декриминализации, поскольку согласно закону, пособничество образуют не сами эти действия, а данное заранее обещание их совершить.

При оценке такого обстоятельства, исключающего ответственность, как декриминализация, следует учитывать еще три обстоятельства, относящиеся непосредственно к пособникам:

— во-первых, пособнические действия могут быть выражены в совершении отдельного, самостоятельного преступления (например, в незаконном приобретении оружия и незаконном предоставлении его исполнителю). В этом случае, декриминализация преступления, которое пособник совершал совместно с исполнителем, не исключает ответственности пособника за деяния, которые содержат в себе состав этого «иного» преступления;

— во-вторых, декриминализация потенциально может выражаться в нормативном уменьшении объема самих пособнических действий,

что приобретает крайне важное значение в ситуации, когда их перечень приведен в законе исчерпывающим образом. В этом случае принципиально важно отличать случаи подлинной декриминализации от исключения в законе детализирующих признаков и частных случаев пособничества. Моделируя ситуацию, можно представить, что исключение из ч. 5 ст. 33 УК РФ указания на такие пособнические действия, как «советы или указания», не приведет к декриминализации соответствующего поведения, поскольку оно будет охватываться более общим признаком «предоставление информации»;

– в-третьих, декриминализация потенциально может выражаться в изменении признаков самого соучастия, например, в признании соучастием совместного участия лишь в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом, или в преступлениях определенной категории тяжести. В этих случаях допускается исключение ответственности пособников, не влияющее на ответственность действий исполнителя преступления, в квалификации которых, тем не менее, уже не может отражаться факт соучастия.

Таким образом, универсальным обстоятельством, исключающим ответственность пособника, является декриминализация, которая может выражаться не только в исключении ответственности за преступление, но также в нормативном уменьшении объема криминализованных пособнических действий и в изменении нормативно конфигурации соучастия. Если на момент составления сговора пособника и исполнителя и на момент выполнения пособнических действий деяние было криминализовано, но в момент выполнения действий исполнителя уже утратило свойства преступности в связи с декриминализацией, то все содеянное не может квалифицироваться с учетом норм института соучастия и охватывается положениями ч. 1 ст. 30 УК РФ, образуя приготовление к преступлению в форме приискания соучастников и сговора на совершение преступления, ответственность за которое, тем не менее, исключается в связи с декриминализацией. Если декриминализация преступления состоялась после того, как исполнитель преступления при содействии пособника выполнил свои действия, то содеянное должно быть оценено с учетом норм института соучастия, тогда как ответственность соучастников исключается в связи с декриминализацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блум М. И. Вопросы действия уголовного закона во времени // Ученые записки Латвийского государственного университета. 1962. Т. 4. Вып. 4.

2. *Бойцов А. Н., Волженкин Б. В.* Уголовный закон: действие во времени и пространстве. Санкт-Петербург : ИПК прокурор.-следств. работников, 1993.
3. *Васюков В. В.* Виды соучастников в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008.
4. *Дурманов Н. Д.* Советский уголовный закон. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967.
5. *Мельников М. Г.* Действие уголовного закона во времени и пространстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999.
6. *Пудовочкин Ю. Е.* Действие уголовного закона во времени. Обратная сила уголовного закона. Москва : РАП, 2014.

ПЕТРОВСКИЙ А. В.

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
к. ю. н., доцент (г. Краснодар)*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ПРЕВЕНЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Изменения в российской системе нормативно-правового регулирования противодействия преступности в целом и предупреждения преступного поведения в частности трудно заметить, но они происходят, оказывая влияние на общественную и национальную безопасность. До идеальной модели пока далеко, что обусловлено разрывом между общественными пожеланиями, требованиями антикриминальной безопасности и существующей криминологической нормативной правовой системой, обладающей низкой способностью нейтрализовать или устранять криминогенные детерминанты, генерировать правопослушное поведение граждан. Неэффективность механизмов превенции преступного поведения можно объяснить неготовностью государственной власти реализовать принцип «приоритета мер предупреждения», который уже задекларирован в ряде профилактических законов, по причине экономической нестабильности и грядущих общественно-политических событий. Еще одной проблемой законодательных институтов предупреждения преступлений является отсутствие должного восприятия их нормативных положений гражданами и социальными группами, что в целом негативно сказывается на механизме обеспечения антикриминальной безопасности.

Под законодательным институтом понимается совокупность правовых норм, регулирующих одно или несколько связанных между собой общественных отношений, объединенных единством содержания и внутренней связью по определенному предмету [1, с. 215; 2, с. 53]. Несколько иное определение, предлагает Д. Ю. Гончаров, полагая, что это зафиксированный в рамках отдельной статьи, группы статей, главы или раздела закона структурный элемент законодательства, представляющий собой совокупность нормативных предписаний, предназначенных для регулирования обособленных отношений, возникающих по поводу или в результате установления их наиболее общих условий (признаков) [3, с. 29]. Рассматривая упомянутые выше дефиниции, можно сделать вывод, что законодательный институт предупреждения преступного поведения представляет собой созданную на нормативной основе, социально-правовую структуру, обусловленную превентивной спецификой, способную существовать на макро- и микросоциальном уровне, объединяя своим действием общественные отношения в сфере регулирования познания и предупреждения преступного поведения [4, с. 101]. Указанная общность норм имеет следующие особенности: 1) наличие специфической группы понятий, терминов, общих положения; 2) присутствие в законодательных положениях идей криминологической целесообразности; 3) отражение текущих социальных антикриминальных потребностей; 4) наличие особой совокупности однородных отношений, определяющих специфику норм; 5) присутствие системности отраженной во взаимозависимости и взаимозаменяемости норм; 6) существование юридического единства, предусматривающие особый порядок регулирования, который присущ только этому виду социальных отношений [4, с. 103; 5, с. 141; 6, с. 9]. Деятельность по предупреждению криминального поведения будет подчинена принципам и задачам, определяемыми нормативными положениями законодательства и Конституции РФ. Таким образом, цель и результат нормативного института превенции преступного поведения это устранение криминального замысла (криминальной ментальности) у индивида, либо формирование индивидуального желания добровольного отказаться довести преступление до конца.

К сожалению, в России, сложилась правовая ситуация, когда часть норм упорядочивающие общественные отношения в сфере предупреждения преступного поведения, являются частью другой законодательной отрасли, с иным предметом правоотношений. Этому способствовала позиция законодателей и власти, которая признает за собой исключительные полномочия определять содержание

нормативных правовых актов без учета основных принципов законодательства, основываясь на классическом этатическом позитивизме и парадигме «уголовный закон — единственное средство предупреждения преступления» [7, с. 42].

Законодательные институты превенции преступного поведения связаны между собой общей целью, признаками и отраслевым предметом регулирования, являясь одновременно единым целым и частью общей системы права противодействия преступности. Институциональная системность заключается в том, что нормативный законодательный институт есть совокупность норм координирующих одно или группу отношений в рамках той или иной законодательной отрасли, которая в свою очередь является частью правовой. Так, институт профилактических воспитательных мер применяемых к несовершеннолетнему, является структурным элементом института профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних. А тот в свою очередь является частью уголовно-правовых институтов принудительных мер воспитательного воздействия и освобождения от наказания несовершеннолетних. Можно отметить что, отсутствие объединения норм в рамках одного нормативного правового документа, а еще лучше кодекса (о профилактике преступлений) затрудняет определить границы и пределы регулирования [8, с. 57–60]. Но с другой стороны, российская нормативная криминологическая система создавалась хаотично, при несоблюдении принципов единства подходов, непрерывности, последовательности, научной обоснованности, затрудняющей свести в одном документе, положения одного института входящего в разные отрасли. Например, социальная адаптация, осужденных в соответствии ч. 3 ст. 121 УИК РФ и ресоциализация согласно ст. 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в РФ». Решение данной проблемы видится в процессе институциональной кодификации позволяющей объединить нормы в единую законодательную систему на основе предметности [9, с. 227].

Рассмотрим законодательные институты превенции преступного поведения, которые формировались в Российской Федерации с момента ее появления, как субъекта международного права. К настоящему времени существуют следующие федеральные нормативные институты: 1) предупреждения гражданами общественно опасных нарушений требований пожарной безопасности; 2) индивидуализации уголовного наказания; 3) предупреждения преступлений и правонарушений осужденными в период отбывания уголовного наказания; 4) предупреждения преступного поведения несовершеннолет-

них; 5) предупреждения легализации индивидуумом доходов добытых преступным путем; 6) предупреждения экстремистской деятельности индивидуумами; 7) предупреждения террористической деятельности индивидуумами; 8) предупреждения преступлений совершаемых военнослужащими; 9) предупреждения коррупционного поведения служащих и граждан; 10) предупреждения преступлений на территории судебных учреждений РФ; 11) предупреждения совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, преступлений; 12) участия граждан в профилактике преступлений; 13) участия некоммерческих организаций охранной направленности в предупреждение преступлений; 14) индивидуальных форм профилактического воздействия на гражданина. Указанные институты образованы из федерального законодательства, послужившим основой для их появления и основной целью является удержание личности в рамках правопослушного поведения посредством принуждения, установления запретов и ограничений. Остается еще большой объем регионального законодательства предопределяющего превенции отдельных видов преступного поведения, но об этом в рамках настоящей статьи речь вести не будет по причине того, что они, являясь подинститутами, в целом дублируют федеральные.

Трудности в реализации на практике нормативных положений указанных институтов обусловлена: 1) недооценкой практических возможностей; 2) дефектом криминологического мышления у законодателей и правоприменителей; 3) недостатком разумной обоснованности и рациональной ориентации нормативных положений институтов предупреждения преступного поведения; 4) отсутствием единой профилактической информационно-коммуникационной системы, которая должна создать ориентиры поведения и побуждать соблюдать правовой порядок. Это предполагает изменение подхода к законодательному конструированию норм нацеленных на превенцию антиобщественного и криминального поведения.

Для обеспечения антикриминальной безопасности необходимо дифференциация институтов предупреждения преступного поведения, а также появление новых, которые будут регулировать обособленные отношения возникающие по поводу или в результате устранения (нейтрализации) криминогенных детерминантов отдельных видов преступного поведения. Негативные количественные и качественные показатели убийств и умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, в России, предопределяют принятие законов: «О противодействии насильственным преступлениям» и «О предупреждении до-

машнего насилия». Рост преступлений в сети Интернет и в информационно-телекоммуникационных сетях, подразумевает появление отдельного нормативно-правового акта ориентированного на предупреждение преступлений в сфере информационных технологий.

Предлагается дифференциация законодательных институтов превенции преступного поведения, которая позволит более четко выделять следующие совокупности норм:

1) регулирующие, запрещающие отдельные виды поведения, которые порождают криминогенные факторы или ситуации, а также поощряющие деяния, направленные на устранение криминальных проявлений и поддержание правопорядка;

2) процедурные, позволяющие вести речь о «превентивной юстиции», которые должны регулировать процесс превентивной деятельности в отношении индивида, определять права, обязанности, порядок производства, документальное отражение доказательств и оснований применения мер индивидуальной профилактики;

3) организационные, которые обеспечат сбор, хранение, анализ криминологической информации, оценку эффективности предупредительных мер [10, с. 177–178].

Формами реализации механизмов обеспечения антикриминальной безопасности является законодательная и правоприменительная деятельность. Законодательная деятельность в области предупреждения преступного поведения должна учитывать реальные негативные тенденции преступности, региональные особенности и желание населения участвовать в правоохранительной деятельности. Законодательные институты превенции преступного поведения должны формироваться с учетом предмета регулирования, практических возможностей субъектов профилактики, социальной обусловленности, разумной обоснованности и рациональной ориентации на соответствующие общественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Философский энциклопедический словарь* / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев. 2-изд. Москва, 1989. 815 с.

2. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. Москва, 1995. 556 с.

3. *Гончаров Д. Ю.* Институты законодательства о противодействии преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 28–34.

4. *Беляева Г. С., Кузьменко В. И., Умарова А. А.* К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 101–104.

5. *Алексеев С. С.* Структура советского права. Москва, 1975. 264 с.
6. *Мальцев Г. В.* О социальной природе юридических институтов // Институционализация в праве : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. Ю. Догадайло. М., 2010. С. 5–23.
7. *Маркова-Мурашова С. А.* Эволюция типов правопонимания в контексте генезиса национальной правовой системы России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 40–46.
8. *Шестаков Д. А.* Введение в криминологию закона. Санкт-Петербург, 2011. 75 с.
9. *Чухвичев Д. В.* Законодательная техника : учеб. пособ. Москва, 2006. 239 с.
10. *Бородин С. В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. Москва, 1990. 272 с.

ПУДОВОЧКИН Ю. Е.

*д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник —
руководитель направления уголовно-правовых исследований
Центра исследований проблем правосудия*

БАБАЕВ М. М.

*д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник
Центра исследований проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия (г. Москва)*

**ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ВЫСШИМИ СУДАМИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА**

Отечественная судебная система, будучи сложно структурированным образованием, находится в постоянном движении и реформировании, развивающемся в направлении наилучшего обеспечения прав человека и верховенства права. Ключевыми моментами в динамике структуры судебной системы, значимыми для целей нашего исследования, надо признать учреждение в 1991 году Конституционного Суда РФ и упразднение в 2014 году Высшего Арбитражного Суда РФ.

Наличие нескольких высших судов, даже при условии нормативного разграничения сфер их компетенции, не может не создавать условий для различающихся подходов к решению тех или иных правоприменительных ситуаций. Не случайно, как отмечали инициаторы в обоснование необходимости принятия поправки к Конституции РФ о Верховном Суде РФ, решение об упразднении Высшего Арбитражного Суда РФ, исходя из официальных намерений зако-

нодателя, было продиктовано необходимостью «обеспечить единство подходов при отправлении правосудия как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц, исключить возможность отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела, установить общие правила организации судопроизводства, добиться единообразия в судебной практике».

В сфере реализации уголовной политики взаимоотношения высших судов должны анализироваться дифференцированно: отношений Верховного и Высшего Арбитражного судов, с одной стороны, и отношение Верховного и Конституционного судов, — с другой.

Сразу надо оговорить, что упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ и передача его функций Верховному Суду РФ на институциональном уровне ликвидировали основу для противостояния самих этих судов и перевели возможные противоречия, вытекающие из арбитражного и уголовного судопроизводства, в разряд внутренних противоречий судебной практики единого органа. Кроме того, надо четко сознавать, что в сфере регулирования собственно уголовно-правовых отношений противостояния как такового между арбитражной и «общей» практикой не было и не могло быть в виду принципиальных различий в функциональном предназначении соответствующих судов. Тем не менее, сложности в функционировании арбитражных судов и судов, рассматривающих уголовные дела, и были, и сохраняются в той области правового регулирования, которая связана с оценкой неправомерного поведения субъектов в экономической сфере, потенциальной возможностью юридической квалификации одних и тех же обстоятельств дела в качестве экономического спора и в качестве экономического преступления, установлением преюдициального значения решения по арбитражному спору для рассмотрения уголовного дела, и напротив, решения по уголовному делу для разрешения арбитражного спора.

Не углубляясь в эту весьма специфическую и крайне сложную область, сознавая, что ей посвящен целый ряд специальных исследований [1; 2; 3; 4] можем только констатировать в контексте нашей темы, что существующие противоречия были подняты на уровень конституционного осмысления, а механизм их преодоления конкретизирован Конституционным Судом РФ. В частности, в одном из последних определений, посвященных данной проблеме, он указал, что предмет исследования в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности, а потому как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными. Пределы действия преюдициальности объективно обус-

ловлены тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства. В уголовном судопроизводстве решается вопрос о виновности лица в совершении преступления и о его уголовном наказании. Имеющими значение для соответствующего суда будут такие обстоятельства, подтверждающие признаки состава преступления, без закрепления которых в законе деяние не может быть признано преступным. В силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, не могут являться обязательными обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, фигурировавших в гражданском судопроизводстве, которые не были предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом. Фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства, имеют преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя и дознавателя по находящемуся в их производстве уголовному делу, когда в уголовном судопроизводстве рассматривается вопрос о правах и обязанностях того лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом. Принятые в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по арбитражным и гражданским делам не могут расцениваться как предрешающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого, которые должны основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу. Признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела не может препятствовать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам исходя из требований Конституции РФ (см.: Определение Конституционного Суда РФ № 1898-О от 23.07.2020 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение

ние его конституционных прав статьями 90 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Не менее сложной в теоретическом и прикладном отношении и предметно более приближенной к проблематике уголовной политики является проблема взаимоотношений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. С учетом специфики компетенции этих органов, противоречие между ними может мыслиться лишь в вопросе толкования положений уголовного законодательства.

Толкование закона — важнейший компонент судебной практики. При этом с точки зрения систематизации видов толкования целесообразно различать:

— во-первых, толкование, которое дает Верховный Суд РФ. Согласно ст. 126 Конституции РФ и п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» от 5 февраля 2014 г., он дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения. Эти разъяснения — суть ни что иное, как толкование;

— во-вторых, толкование, которое дает Конституционный Суд РФ. Разрешая дела о соответствии Конституции РФ законов и иных нормативных актов, он выявляет «конституционно-правовой смысл» соответствующих правовых предписаний. И этот «смысл» также есть толкование. Причем, что важно: проверке на конституционность подлежит не только сам текст уголовного закона, но также текст, «по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой», что позволяет утверждать о том, что под конституционный контроль поставлено и толкование законов, которое дает Верховный Суд РФ.

Очевидно, что применяя то или иное предписание уголовного закона, суд общей юрисдикции должен руководствоваться каждым из указанных видов толкования, принимая свои решения в соответствии с общеобязательным конституционно-правовым смыслом (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации») и теми разъяснениями, которые дает Верховный Суд РФ (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука»). Однако ситуация осложняется тем обстоятельством, что применяя уголовный закон, суды общей юрисдикции далеко не всегда имеют в распоряжении документ, официально отра-

жающий его истинный конституционно-правовой смысл, но при этом не вправе применять закон, который, по их мнению, является неконституционным.

Действующее законодательство предусматривает в целом надежный механизм разрешения проблемы. Усомнившись в конституционности того или иного положения уголовного закона, в том числе по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, суд общей юрисдикции обязан приостановить производство по делу и направить соответствующий запрос в Конституционный Суд РФ для разрешения своих сомнений.

Если же таких сомнений у суда не возникает, он руководствуется презумпцией конституционности Уголовного кодекса и теми разъяснениями, которые дает Верховный Суд РФ. Результаты такого правоприменения, тем не менее, могут быть оспорены в Конституционный Суд РФ заинтересованными гражданами.

Современная практика знает множество примеров, когда выявленный Конституционным Судом РФ конституционный смысл предписаний уголовного закона существенно расходился с тем толкованием закона, которое было распространено в судах общей юрисдикции и на основании которого суды выносили свои правоприменительные решения. Вспомним дела М. А. Асламазян, В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова о порядке определения стоимости предмета контрабанды для целей применения ст. 188 УК РФ, дело О. Е. Недашковского об определении предмета преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, дело И. И. Дадина о толковании признаков преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, дело Д.Н. Алганова о порядке применения ст. 199 УК РФ, дело Н. М. Меньшиковой об оценке опасности преступления, предусмотренного ст. 324 УК РФ, дело М. А. Литвинова о толковании признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ и др. Все они демонстрируют принципиальные различия в подходах Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, к решению вопроса о конституционности положений уголовного закона. Эта проблема практически не обсуждается в науке с использованием категории «противоречие». Объяснением может служить то обстоятельство, что как таковой позиции Верховного Суда РФ о конституционности уголовного закона, подлежащего применению, быть по определению не может. Верховный Суд РФ, как и любой иной суд общей юрисдикции, не наделен правом выявлять конституционный смысл законов. Как было указано, это исключительная прерогатива Кон-

ституционного Суда РФ. Однако, надо признать, что сам по себе факт применения уголовного закона в суде «по умолчанию» отражает отсутствие сомнений в его конституционности или, иными словами, уверенность в конституционности.

Противоречия в конституционно-правовой оценке положений уголовного закона между Конституционным Судом РФ и судами общей юрисдикции (включая Верховный Суд РФ), таким образом, могут мыслиться в качестве латентных до того момента, пока они не будут выявлены в конституционном судопроизводстве. Выявление и разрешение этих противоречий составляет важнейшее направление правовой политики в стране, отражает последовательное решение глобальной задачи конституционализации отрасли уголовного права.

Оценивая ситуацию в целом, надо сказать, что сам факт наличия противоречий между Конституционным и Верховным Судом РФ в вопросах оценки конституционности положений уголовного закона является, в принципе, неизбежным и объективным явлением. К ним следует относиться, если можно так выразиться, «абсолютно спокойно», принимая во внимание наличие эффективного механизма разрешения самих противоречий и подчеркнутый в законе общеобязательный характер решений Конституционного Суда РФ.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания, что в некоторых ситуациях решения Конституционного Суда РФ вторгаются в область, далекую от выявления конституционно-правового смысла уголовного законодательства. При этом соответствующие пассажи, будучи включенными в текст решения Конституционного Суда РФ, могут поставить судебную практику в тупик.

Так, например, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» указывает, что ст. 212.1 УК РФ «подразумевает возможность назначения лицу наказания в виде лишения свободы лишь при том условии, что нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой утрату публичным мероприятием мирного характера (...) или причинение либо реальную угрозу причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям». При всей, казалось бы, логичности и разумности этого утверждения, нельзя не признать, что оно непосредственно не вытекает из текста уголовного

закона, но существенным образом «связывает» суд в выборе меры уголовного наказания, предусматривая ограничения, не установленные ни самой ст. 212.1 УК РФ, ни нормами уголовного закона, устанавливающими правила назначения уголовного наказания.

В двух решениях Конституционного Суда РФ — в упомянутом постановлении по делу Дадина, а также в Постановлении от 31 марта 2011 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других» косвенно, но вполне отчетливо дается оценка предписаниям ч. 2 ст. 24 УК РФ, устанавливающим порядок определения формы вины в преступлении. Конституционный Суд РФ признает, что поскольку в диспозиции соответствующих статей закона нет указания на совершение деяния по неосторожности, следовательно, предполагается, что оно может быть совершено только с умыслом. В тоже время Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» придерживается иного толкования: «Исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи ... форма вины не конкретизирована, то соответствующее ... преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления».

Такие расхождения в толковании предписаний уголовного закона не могут благотворно отражаться на судебной практике и должны быть с необходимостью преодолены. Думается, что основной источник их возникновения — выход Конституционного Суда РФ за пределы компетенции и вторжение в область толкования, не связанного с выявлением конституционно-правового смысла УК РФ. Особенно сомнительны ситуации, когда мнение Конституционного Суда РФ формулируется как бы «мимоходом», без погружения в тему и не является итогом специального разбирательства (как это имеет место в ситуации с пониманием ч. 2 ст. 24 УК РФ). А потому остается только напомнить о необходимости проявлять и соблюдать ту самую «сдержанность», о которой Конституционный Суд РФ постоянно упоминает в связи с обсуждением экспансионистских устремлений Европейского суда по правам человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джагарян А.* Уголовно-правовая экспансия и проблемы преюдиции в арбитражном процессе [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/5/30/ugolovno-pravovaya_ekspansiya_i_problemy_preyudicii_v_arbitrazhnom_processe (дата обращения: 10.10.2020).

2. *Колоколов Н. А.* Преюдиция преступления в сфере экономики: факты одни, а их оценки у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные // Юрист. 2009. № 6. С. 52–66.

3. *Скобликов П. А.* Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 69–82.

4. *Чащина И.* Преюдициональное значение для уголовного дела обстоятельств, установленных решением арбитражного суда // Уголовное право. 2011. № 2. С. 103–106.

РОГОВА Е. В.

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России, д. ю. н., доцент*

ПЕРЕТОЛЧИН А. П.

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕННОЙ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

29 октября 2020 г. Верховный Суд РФ вынес Определение по делу № 12-УДП20-5-К6, которое в значительной степени меняет сложившийся подход к квалификации хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа.

Ранее Верховный Суд РФ отразил свою позицию относительно указанных преступлений в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», однако она касалась хищений, совершаемых с использованием платежных карт, а не электронных средств платежа.

Так, согласно п. 17 данного ППВС, действия лица следовало квалифицировать как мошенничество с использованием платежных карт в случае, когда хищение осуществлялось как путем сообщения

работнику торговой организации ложных сведений о принадлежности злоумышленнику платежного средства, так и путем умолчания о незаконности владения картой.

Вместе с тем не образовывало состава мошенничества хищение чужого имущества, если выдача наличных денежных средств, электронным ключом к которым являлась платежная карта, осуществлялось посредством банкомата без участия сотрудника соответствующей кредитной организации. Такие деяния квалифицировались как кража.

В 2018 году Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ст. 159.3 УК были внесены изменения, направленные на актуализацию нормы. Из диспозиции убрали указание на особый способ совершения хищения чужого имущества с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Кроме того, была скорректирована объективная сторона состава преступления, что привело к изменению наименования статьи на «Мошенничество с использованием электронных средств платежа».

После внесения изменений в статью правоприменители последовательно продолжили придерживаться сформированной ранее и обозначенной Верховным Судом РФ позиции, так как в глобальном смысле изменений не произошло. Расширилось количество инструментов, используемых для совершения хищений путем обмана. Состав преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, стали образовывать мошеннические действия, совершаемые с использованием не только банковских карт, но и электронных кошельков, программного обеспечения для осуществления бесконтактной оплаты, мобильных банковских приложений и иных электронных средств платежа. При этом, по данным ФинЦЕРТ Банка России, основная масса таких преступлений по-прежнему приходилась на мошеннические действия, совершаемые с применением именно платежных карт.

Так, 29 апреля 2020 г. Вологодским городским судом было рассмотрено дело № 1-316/2020 в отношении гражданина Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. По материалам дела, 20 октября 2019 г. обвиняемый возле одного из магазинов города Вологда нашел банковскую карту, принадлежащую другому лицу. После чего у него возник преступный умысел на совершение тайного хищения денежных средств с данной карты путем оплаты покупок в торговых организациях. Реализуя свой преступный умысел, обвиняемый посредством бескон-

тактной системы «PayPass» оплатил принадлежащим другому лицу электронным средством платежа приобретенные в нескольких торговых точках товары. Тем самым совершил хищение чужого имущества на общую сумму 2882 руб. 53 коп.

Оценивая добытые в судебном заседании доказательства в их совокупности, суд принял решение переqualифицировать действия гражданина Т. с вмененного в ходе предварительного следствия п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, на ч. 1 ст. 159.3 УК РФ — мошенничество с использованием электронных средств платежа. Свою позицию суд обосновывал, ссылаясь на указанный выше п. 17 ППВС. Обвиняемый совершил хищение денежных средств другого лица, оплатив товары банковской картой бесконтактным способом в магазинах, путем умолчания и введя в заблуждение работников торговой организации о правомерности использования средства платежа, являющегося предметом расчетов.

Это, в свою очередь, позволило удовлетворить ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Т. и освобождении его от уголовной ответственности за примирением сторон, так как действия лица были переqualифицированы на состав преступления, относящийся к категории небольшой тяжести. При этом гражданин Т. ранее не был судим, возместил ущерб, причиненный преступлением, в полном объеме и принес извинения потерпевшему лицу.

Возвращаясь к определению Верховного Суда РФ от 29 октября 2020 г. по делу № 12-УДП20-5-К6, стоит отметить, что по материалам дела 13 мая 2019 г. гражданин К. во дворе жилого дома на пешеходной дорожке нашел банковскую карту, принадлежащую другому лицу, оснащенную функцией бесконтактной оплаты. У гражданина К. возник преступный умысел на хищение денежных средств путем оплаты покупок в торговых организациях. Реализуя свой преступный умысел, обвиняемый 13 и 14 мая 2019 г., посредством бесконтактной системы «PayPass», произвел оплату товаров в различных магазинах и кафе электронным средством платежа, принадлежащим другому лицу. Тем самым похитил чужое имущество на общую сумму 3 026 руб. 54 коп.

При этом действия по хищению денежных средств не были доведены обвиняемым до конца по независящим от него обстоятельствам, так как платежная карта с остатком на счете в размере 3 984 руб. 04 коп. была заблокирована потерпевшим.

Как видим, действия гражданина К. аналогичны действиям гражданина Т., описанным ранее, с той лишь разницей, что гражданин К.

имел умысел на продолжение хищения денежных средств. Изначально гражданину К. также вменяли совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 30 УК РФ. Шестой кассационный суд общей юрисдикции переквалифицировал действия осужденного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, как хищение чужого имущества путем мошенничества, ссылаясь, так же, как и в деле Т., на п. 17 ППВС.

Однако в ходе заседания 29 сентября 2020 г. по делу № 12-УДП20-5-К6 Верховный суд Российской Федерации отметил, что ссылка суда кассационной инстанции на разъяснения, содержащиеся в п. 17 ППВС от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», является необоснованной. Суд аргументировал свою позицию тем, что разъяснения были даны применительно к ранее действовавшей редакции ст. 159.3 УК РФ. Однако Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ в ст. 159.3 УК РФ были внесены изменения. Кроме того, данным законом была введена уголовная ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, квалифицируемую по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

С учетом изложенного Верховный Суд РФ поставил под сомнение обоснованность переквалификации судом кассационной инстанции действий обвиняемого с ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ.

В итоге кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции было отменено. Дело было передано на новое кассационное рассмотрение.

В этом видится непоследовательность подхода. В отношении одних и тех же, по сути, действий в разные временные периоды складываются различные правовые позиции. Хищение денежных средств другого лица посредством оплаты товаров принадлежащей этому лицу платежной картой бесконтактным способом в 2018 году признается мошенничеством, точно такое же деяние в 2020 году – квалифицированной кражей.

Основываясь на обновленной позиции Верховного Суда РФ, можно сделать вывод о том, что гражданин Т. должен был быть признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, за кражу 2882 руб. 53 коп. с банковского счета другого лица и подвергнут реальному привлечению к уголовной ответственности. Состав преступления, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является квалифицированным, и уголовное

дело не может быть прекращено в связи с примирением сторон или малозначительностью. Конечно, такая переквалификация в сложившейся ситуации невозможна с учетом положений уголовного закона о его обратной силе. Однако в будущем такой подход при квалификации должен использоваться и в отношении других аналогичных дел, что, в свою очередь, неизбежно приведет к росту числа осужденных и привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Это, на наш взгляд, не будет способствовать исправлению лиц, оступившихся в первый раз, так как невозможность прекращения подобных уголовных дел по нереабилитирующим основаниям может привести к реальному сроку лишения свободы в исправительном учреждении и погружению лица, впервые совершившего преступление, в криминальную среду со всеми вытекающими последствиями.

ТИТОВЕЦ А. Э.

соискатель кафедры прокурорского надзора и криминологии

ЕФРЕМОВА И. А.

д. ю. н., профессор,

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов)

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРестУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПО МОТИВУ РЕВНОСТИ

Ревность, является неотъемлемым феноменом социального бытия человека, издавна привлекавшее к себе внимание со стороны научного сообщества, что непосредственно обусловлено его негативными последствиями, отражающихся на человеке, его правах и свободах. Одним из негативных последствий ревности является совершение преступлений по мотиву ревности, требующие соответствующего реагирования со стороны государства, в частности, противодействия им.

Противодействие есть не что иное, как действие, препятствующее другому действию [1, с. 521]. Противодействие преступлениям по своей сущности выступает реакцией государства на совершения преступлений посредством различных мер противодействия, одни из которых являются меры противодействия, основанные на уголовном законе и предусматривающие активное сопротивление преступному поведению виновного [2, с. 10–11]. Уголовно-правовое

противодействие рассматриваемых преступлений, осуществляется посредством привлечения виновных в совершении данных преступлений к уголовной ответственности. В тоже время уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемые по мотиву ревности позволяет остановить под угрозой наказания лиц, которые могут совершить преступления по мотиву ревности, что в свою очередь реализует цели стоящие перед российским законодательством, посредством удержания лиц от совершения рассматриваемых преступлений под угрозой наказания.

В УК РФ преступления, совершаемые по мотиву ревности связывается с различными составами преступления: простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ), убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), причинение вреда здоровью различной тяжести (ст. 111 УК РФ, ст. 112 УК РФ, ст. 115 УК РФ), причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ), побои (ст. 116.1 УК РФ), истязание (ст. 117 УК), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Исходя из чего, следует констатировать, что, исследуемые преступления составляют насильственную преступность. Это во многом обуславливается тем, что зачастую ревность, как феномен социального бытия человека, порождающий совершение преступления, наличествует у вспыльчивых и неуравновешенных людей, обладающей агрессивией, что чаще всего ведет к совершению преступлений [3, с. 20].

На сегодняшний день наличествует несовершенство уголовно-правового противодействия рассматриваемым преступлениям, которое во многом обусловлено несовершенством уголовно-правовой регламентации вышеуказанных составов преступлений, что порождает проблемы в правоприменительной практике при их квалификации и назначения справедливого уголовного наказания, способствующего снижению степени общественной опасности личности виновного. В частности, неоднозначно в правоприменительной деятельности решается вопрос о квалификации преступлений, которые совершены по мотиву ревности в состоянии аффекта, ибо нередко ученые и правоприменители рассматривают измену, на основе которой порождается ревность, как аморальный поступок либо длительная психотравмирующая ситуация, которая была вызвана систематическим аморальным поведением [4, с. 52], что непосредственно относится к поводам возникновения состояния аффекта. Однако неоднозначно решается в уголовно-правовой доктрине вопрос о том, можно ли считать измену тяжким оскорблением. Если лицо, совершая измену

умея умысел на причинение виновному тяжкого оскорбления, то измена — тяжкое оскорбление.

Уголовно-правовое противодействие анализируемых преступлениям характеризуется широким кругом адресатов воздействия уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность анализируемые за преступления. В настоящее время круг адресатов воздействия не является ограниченным, однако, анализ материалов правоприменительной практики позволяет констатировать, что зачастую, анализируемые преступления, совершаются лицами мужского пола, что непосредственно коррелирует в целом с преступлениями, которые совершаются на территории РФ. Особенностью рассматриваемых преступлений, является то, что мужчина, совершающий преступления по мотиву ревности, ревность вытекает из любовных отношений. В данном случае женщина — объект ревности, а мужчина субъект [5, с. 134]. Однако ревность может вытекать не только из любовных отношений, наличествующих между мужчиной и женщиной, но и из зависти к чужому успеху, нежелание делить что-либо с кем-либо [6, с. 215]. Исходя из чего, объектами ревности могут быть друзья, знакомые, брат, сестра, коллеги по работе, а также иные лица.

Уголовно-правовое противодействие рассматриваемых преступлений, предполагает, что адресаты воздействия уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за такие преступления, совершая данные преступления, имеют конкретную направленность, что позволяет отграничить рассматриваемые преступления от преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений. Мотив ревности находится на поверхности и связан с душевной болью, причиненной виновному лицу, а также со стремлением лица заполучить любовь и преданность.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует констатировать, что уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым по мотиву ревности, имеет важное значение, поскольку представляет собой реакцию государства, основанную на уголовном законе посредством активного сопротивления преступному поведению лица, виновного в совершении преступлений, совершаемых по мотиву ревности, которое характеризуется принудительной нейтрализацией его степени общественной опасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. Москва, 1991. 915 с.

2. Герасимова Е. А. Уголовно-правовое противодействие розничной продаже несовершеннолетними алкогольной продукции : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 193 с.

3. Степанова И. Б. Ревность: уголовно-правовой и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 1998. 224 с.

4. Круглова Т. В. Ревность как мотив совершения преступления и ее уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 170 с.

5. Севостьянов Р. А. Ревность как мотив совершения преступления // Вопросы Российского и международного права. 2018. № 7А. С. 128-134.

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. Москва : Рус. язык, 2000. 1084 с.

ТОПИЛЬСКАЯ Е. В.

*доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
к. ю. н. (г. Санкт Петербург)*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ СПОРТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, одной из угроз национальной безопасности называет деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, а также коррупцию.

Но, несмотря на то, что последние годы характеризуются законодательным и организационным усилением борьбы с коррупцией, и, по официальным статистическим данным, например Управления правовой статистики Генпрокуратуры РФ, преступления коррупционной направленности в последние 5 лет в целом имеют тенденцию к снижению, есть сферы общественной жизни, в которых коррупция нарастает, и это не только национальная, но и общемировая проблема. Такой сферой является спорт: наиболее массовый вид активности населения, обладающий также зрелищной привлекательностью, имеющий социально-положительную коннотацию, одобряемый и поддерживаемый на государственном и общественном уровне. Но наряду с общественно-полезными сторонами спорта — его доступностью для широкого круга людей, демократичностью, значением для

пропаганды физической культуры и здорового образа жизни, - стоит учитывать, что спорт еще и существенная часть экономики, чрезвычайно высокодоходная сфера деятельности, финансируемая из государственных, общественных и частных источников, а значит, и весьма привлекательная для организованной преступности, целью которой, как известно, всегда является извлечение незаконной материальной выгоды. Значительные финансовые потоки создают условия для хищений и злоупотреблений, что не может не сопровождаться коррупцией. Кроме того, коррупция в спорте выражается в подкупе участников и организаторов спортивных соревнований и оказании таким образом незаконного влияния на результаты состязаний. Организованной преступностью широко используется спортивный тотализатор как инструмент получения незаконных доходов посредством букмекерских махинаций и подкупа спортсменов и спортивных судей. Организованные преступные группы занимаются также трафиком наркотиков и склонением спортсменов к применению запрещенных препаратов и методов.

Уровень организованной преступности в России все еще остается высоким, в 2017 г. он оценивался по методике Всемирного экономического форума (WEF) в 4,5 балла — выше, чем в Бразилии, Индии и ЮАР, странах, традиционно считающихся глубоко пораженными организованной преступностью. В России, по данным Управления правовой статистики Генпрокуратуры РФ, с 2016 г. растет объем тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами. При этом коррупция и организованная преступность в спорте практически незаметны в массиве коррупционных преступлений и криминальных деяний, совершенных организованными группами, которые отражаются в уголовной статистике. Отчасти это объясняется максимальной закрытостью событий, происходящих внутри спорта, для людей, не связанных с участием в спортивных мероприятиях или с их организацией, а также транснациональным характером спорта, что облегчает деятельность преступников и затрудняет борьбу с ними, так как требует координации усилий правоохранительных органов разных стран, оперативного межгосударственного обмена информацией.

Международное сообщество регулярно отмечает чрезвычайную важность законодательных инструментов для борьбы с коррупцией и организованной преступностью в спорте как на национальном уровне, так и внутри стран (напр., 7-я сессия Конференции государств-участников Конвенции ООН против коррупции, Вена, 6-10 ноября 2017 г. Резолюция 7/8: Коррупция в спорте).

В целях противодействия нарушению правил честного соревнования в Национальном олимпийском комитете создан отдел внутреннего аудита и предотвращения коррупции, подписаны международные договоры против коррупции в спорте, в частности, Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями от 18 сентября 2014 г. СЕТС № 215. В России криминализовано оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования (ст. 184 УК РФ), а также использование спортсменом или в отношении него запрещенных в спорте субстанций и методов (ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ), и незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171² УК РФ).

Но в то же время можно констатировать, что уголовно-правовые меры по противодействию организованной преступности и коррупции в сфере спорта недостаточно эффективны для установления адекватного социального контроля над этой сферой. Как справедливо заметили Р. В. Закомолдин и В. К. Дуюнов, национальная безопасность в целом обеспечивается уголовно-правовым регулированием социальных отношений, обеспечивающих государственную и общественную безопасность и безопасность личности [2, с. 28]. Достигается ли цель обеспечения национальной безопасности средствами уголовно-правового реагирования на общественно-опасные посягательства в сфере спорта? При том, что руководство учреждений, ответственных за профессиональный спорт в России, наряду с представителями общественных организаций, защищающих права спортсменов и правила “fair play”, «честной игры», признают наличие взяточничества, подкупа судей и игроков, фальсифицированных результатов состязаний, а Европол и Интерпол рапортуют о сотнях договорных матчей, выявленных по всему миру, и утверждают, что за ними стоит организованная преступность, — в отчетах Верховного Суда РФ о состоянии судимости нет сведений ни об одном лице, осужденном по ст. 184 УК РФ, за все время существования этой нормы в нашем уголовном законе. Равно как нет судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ, — о склонении спортсменов к использованию субстанций или методов, запрещенных в спорте, и об использовании таких субстанций и методов в отношении спортсмена. Очевидно, что не выполняется основное условие обеспечения национальной безопасности, заключающееся в том, что «каждый акт совершения преступления должен с неизбежностью влечь соответствующую реакцию государства — его ответ на факт нарушения установленного им уголовно-правового запрета» [1, с. 89]. И проблема не сводится только лишь к закрытости

сферы спорта для социального контроля или к дефектам юридической техники при криминализации таких деяний.

Представляется, что проблема коренится в специфике организации государственного контроля за сферой спорта. К примеру, в большинстве случаев такой вид манипулирования результатами спортивных состязаний как договорные матчи, реализуется в виде подкупа судей или участников состязаний, то есть носит коррупционный характер (а преступление, предусмотренное ст. 184 УК РФ, при формировании статистической отчетности в органах прокуратуры и МВД учитывается как коррупционное), и ст. 15 Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями 2014 г. требует от государств-участников обеспечить возможность уголовного преследования за такие действия. В России обязанность расследования случаев манипулирования результатами спортивных соревнований фактически передана общественным органам в системе спорта: в футболе этим занималась экспертная комиссия по договорным матчам и судейским нарушениям при комитете Российского футбольного союза по этике, которую в 2011 г. сменил экспертный совет РФС, а в настоящее время эти полномочия выполняет комитет РФС по этике, позиционирующий себя как юрисдикционный орган РФС, «деятельность которого направлена на сохранение деловой репутации ФИФА, УЕФА, РФС, лиг и иных субъектов футбола, осуществляющим применение дисциплинарных санкций за нарушение этических норм, установленных Регламентом РФС по этике». Аналогичные функции имеет независимая Национальная антидопинговая организация РУСАДА, созданная в 2008 г., призванная выявлять и расследовать факты употребления запрещенных в спорте субстанций и методов. При этом сведения о коррупционных деяниях и об использовании запрещенных субстанций, которые относятся к наркотическим веществам, то есть о том, что образует состав преступления, не передаются для уголовно-правового реагирования правоохранительным органам, а к нарушителям применяются иные, в основном дисциплинарные меры воздействия. Налицо ситуация, при которой государство делегирует свои властные полномочия публичным негосударственным органам, отказываясь тем самым от функции регулятора определенного сегмента общественных отношений, и этот сегмент переходит на саморегулирование, то есть фактически встраивается косвенным путем в систему государственного управления. Специалисты указывают, что подобная практика допустима лишь в тех случаях, когда имеет место избыточное государственное регулирование [3, с. 147]. Но результаты криминоло-

гических исследований — а именно: сопоставление циркулирующей в социальном пространстве информации о криминальных проявлениях организованной преступности и коррупции в спорте, о наркотрафике в спортивной среде, за которым стоит организованная преступность, с данными судебной статистики об отсутствии уголовных дел по ст.ст. 184, 230¹ и 230² УК РФ указывают на то, что государственного регулирования общественных отношений в сфере спорта, весьма криминогенных, явно недостаточно, и передача части властных полномочий общественным организациям далеко не всегда оправданна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие как категория уголовного права и как реакция на преступление и преступность // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1(20). С. 86–96.

2. Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3(42). С. 26–31.

3. Романовская О. В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 143–154.

ТРАПАИДZE К. З.

*доцент кафедры государственного управления
Московского государственного института
международных отношений (МГИМО МИД России),
к. ю. н. (г. Москва)*

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Если первоначально Модельный УК государств-участников СНГ 1996 г. рекомендовал привлекать к ответственности с 14 лет за четырнадцать составов преступлений, то УК РФ 1996 г. — за двадцать. В последующем количество таких преступлений только возрастало: в Модельном УК — до шестнадцати (2006 г.), в УК РФ — до тридцати трех (2020 г.). Если сравнивать эти показатели в законодательстве разных государств, то можно обнаружить, что в УК Республики Азербайджан (ст. 20) таких преступлений 17, УК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 27) — 24, УК Республики Казахстан (ч. 2 ст. 15) — 30, УК Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 30) — 20, УК Республики Молдо-

ва (ч. 2 ст. 21) — 40, УК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 23) — 23, УК Республики Туркменистан (ч. 2 ст. 21) — 13, УК Республики Узбекистан (ст. 17) — 21, УК Украины (ч. 2 ст. 22) — 48. Таким образом, наименьшее количество преступлений, за совершение которых можно привлекать к уголовной ответственности с 14 лет, перечислено в УК Республики Туркменистан — 13, а наибольшее — в УК Украины — 48. При этом из всех указанных государств только УК Республики Беларусь в перечне таких преступлений содержит неосторожное преступление — причинение смерти по неосторожности (ст. 144).

Перманентные решения российского законодателя о дополнении перечня преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет, нельзя считать во всех без исключения случаях глубоко проработанными и научно обоснованными. Некоторые из таких решений вызывают сомнения и с точки зрения их практической обоснованности. Примером тому может служить Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», которым возраст наступления уголовной ответственности был снижен с 16 до 14 лет сразу за одиннадцать преступлений (в основном террористических).

В пояснительной записке к проекту данного закона обосновывалось его внесение в Госдуму РФ тем, что «с учетом специфики ряда преступлений» в УК РФ предусмотрена ответственность в отношении лиц, достигших ко времени совершения преступления 14 лет: убийство, похищение человека, кража, террористический акт, захват заложника и др. Законопроект, по мнению его авторов, должен «восполнить законодательный пробел, установив аналогичный возрастной порог за преступления террористической направленности, которые совершаются умышленно и несут особую опасность для общества, очевидную для субъекта совершения преступления».

Таким образом, упор при обосновании снижения возраста уголовной ответственности был сделан на «законодательный пробел», сложившийся из-за того, что, например, за кражу установлена ответственность с 14 лет, а за организацию террористического сообщества — нет. Правда, в заключении на данный законопроект Комитета по безопасности и противодействию коррупции Госдумы РФ от 10 мая 2016 г. № 174/6, возглавляемого одним из его авторов, обращалось внимание также на то, что «дополнение закрепленного в УК РФ перечня

преступлений, при совершении которых ответственность наступает при достижении четырнадцатилетнего возраста, лишь некоторыми исключительно опасными и характеризующимися особой степенью организованности преступлениями, сопряженными с осуществлением террористической деятельности», предлагается «с учетом правоприменительной и уголовно-правовой оценки». Однако, на каких именно данных основаны упомянутые «оценки» понять из данного документа, к сожалению, нельзя.

Очевидно, установление уголовной ответственности за совершение преступления с 14 лет, или снижение уже установленного возраста с 16 до 14 лет по мотивам одной лишь опасности такого преступления нельзя считать правильным. Ведь общеизвестно, что уголовная ответственность с 14 лет законодателем предусматривается за преступления, общественная опасность которых не является обязательно наиболее опасной, но является очевидной и понятной для лица, достигшего указанного возраста [1, с. 136; 2, с. 218; 3, с. 96–109]. Если бы было не так, то уголовная ответственность, например, за самое опасное преступление в международном праве и национальном законодательстве многих государств, «преступление преступлений» — геноцид — следовало бы установить с 14 лет.

Поэтому в целом вынуждены констатировать, что тенденция ужесточения уголовной ответственности путем снижения возраста наступления уголовной ответственности до 14 лет не имеет под собой достаточных оснований — как научных, так и практических.

С другой стороны, вряд ли у законодателя имелись веские основания для снижения (в 2016 г.) возраста уголовной ответственности до 14 лет за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), фактическое совершение которого в этом возрасте и ранее было наказуемо — как за убийство (ст. 105 УК РФ). Причем, предприняв данный шаг, законодатель оставил без внимания другие составы, объективную сторону которых также составляет убийство — посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), за совершение которых возраст привлечения к уголовной ответственности остается прежним — 16 лет.

Столь же критически мы расцениваем Проект Федерального закона № 293093-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», суть которого заключалась в предложении о снижении «возраста уголовной ответственности в России до 12 лет за

некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления». Следует признать, что не только среди законодателей, но и специалистов в сфере уголовно-правовой науки имеются сторонники данной позиции [4, с. 24; 5, с. 126–130], как собственно и других радикальных предложений, в частности, о снижении возраста уголовной ответственности до 13 [6, с. 46] и даже 11 лет [7, с. 224–226].

По нашему мнению, паузу, которую сделал законодатель в вопросе о снижении возраста наступления уголовной ответственности, или позицию, которую соблюдает законодатель по данному вопросу (отказ от дальнейшего снижения возраста наступления уголовной ответственности), следует считать разумной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. Москва : Проспект, 2019.
2. Уголовное право России. Общая часть: курс лекций / под ред. А. П. Куз-нецова, Е. Е. Черных. Москва : Юрлитинформ, 2018.
3. *Хромова Н. М.* Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 96–109.
4. *Давыденко В. М.* Уголовно-правовое значение возраста для дифференциации ответственности несовершеннолетних // Адвокат. 2011. № 3. С. 35–38.
5. *Герасимова О. И.* Отдельные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 126–130.
6. *Побегайло Э. Ф.* Право человека на жизнь и его уголовно-правовая охрана в России // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры / отв. ред. Б. В. Волженкин. Санкт-Петербург, 1998. С. 46.
7. *Байбарин А. А.* К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 2. С. 224–226.

**ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ
В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВОСУДИЕ
ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ**

Противодействие насильственной преступности на сегодняшний день выступает одним из приоритетных направлений уголовно - правовой политики, не исключением является и противодействие насильственным преступлениям, которые совершаются в отношении лиц, осуществляющих правосудие либо предварительное расследования, и являются составной частью насильственной преступности. Насильственные преступления, совершаемые в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, обладают повышенной степень общественной опасности, их противодействие является крайне важным, ибо никто не вправе вмешиваться в законную деятельность вышеуказанных лиц, а тем более посягать на их жизнь и здоровье, подрывая тем самым не только основы правосудия, но и основы государственной власти в целом. Исходя из чего, в настоящее время наличествует необходимость разработки целого комплекса мер, направленных на противодействие вышеуказанным преступным посягательствам. В настоящее время нормотворческая, правоприменительная деятельность и доктрина уголовного права, располагают целым комплексом категорий, отражающих функциональные возможности российского уголовного закона по противодействию рассматриваемых преступных посягательств посредством установления за их совершения уголовной ответственности.

Криминализация насильственных преступлений, совершаемых в отношении вышеуказанных лиц, не является случайностью, основанием криминализации явилось совокупность различных предпосылок, одной из которых является наличие угрозы для урегулированных нормами позитивного законодательства общественных отношений в сфере правосудия, устранение которых порождает установление уголовно-правовых запретов [1, с. 10]. В связи с чем в российском уголовном законе наличествуют уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за рассматриваемые преступные посягательства, к которым относятся ст.ст. 295 и 296 УК РФ. Тем самым российский законодатель устанавливает меры, направ-

ленные на противодействие рассматриваемых преступлений, основанные на российском уголовном законе.

Правовое регулирование уголовно-правового противодействия насильственных преступлений, совершаемых в отношении вышеуказанных лиц, носит коллизийный характер, обусловленный несовершенством законодательной регламентацией ст.ст. 295 и 296 УК РФ, что непосредственно порождает проблемы квалификации. В частности, наличествуют проблемы при определении круга потерпевших от рассматриваемых преступных посягательств, вытекающие из неоднозначности законодательной конструкции и формулировок, а именно из законодательной формулировки «иное лицо, участвующее в отравлении правосудия» и «близкие лица». Ни в правоприменительной практике, ни в уголовно-правовой доктрине [2; 3; 4] нет единой позиции относительно данного вопроса. Основной закон страны закрепляет право на участие в отправлении правосудия, которым наделяет всех без исключения граждан Российской Федерации. Сущность данного конституционного права, которым наделены все граждане Российской Федерации, заключается в установлении баланса между государственными и общественными интересами при реализации государственной власти при отправлении правосудия на территории Российской Федерации [5, с. 174] посредством функционирования на территории Российской Федерации в сфере правосудия института присяжных и арбитражных заседателей. В связи с чем к иным лицам, участвующим в отправлении правосудия следует относить исключительно арбитражных заседателей, иное бы противоречило бы не только основам российского законодательства, но и искажало бы сущность осуществления правосудия как формы реализации государственной власти на территории Российской Федерации, осуществляемой исключительно судом.

Оценочным понятием, который наличествует в диспозиции ст.ст. 295 и 296 УК РФ, являются близкие лица, ибо данный термин не раскрывается в действующем российском уголовном законе и допускает различное толкование в уголовно-правовой доктрине. Как правило, к ним относятся не только родственники вышеуказанных лиц, и лица, состоящие в свойстве, но и лица, которые дороги им в силу сложившихся отношений (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»). Иная позиция по данному вопросу наличествует в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, исключая из данного перечня лиц близких родственников и родственников, что является неприемлемым в принципе, ибо дефиниция в

рамках одного правового пространства должна быть единой, а не разниться в зависимости от той или иной отрасли российского права. Исходя из чего, является необходимым выработать единые критерии определения близких лиц.

В правоприменительной деятельности определенные трудности при квалификации вызывает вопрос о привлечении к уголовной ответственности виновных лиц, за совершение в отношении лиц, осуществляющих правосудие либо предварительное расследование, насилия опасного либо не опасного для жизни или здоровья, что непосредственно вытекает из неоднозначности законодательной формулировки наличествующей в ч.ч. 3,4 ст. 296 УК РФ, что непосредственно требует более детальной законодательной регламентации в целях купирования проблем наличествующих в правоприменительной деятельности.

Таким образом, наличие проблем законодательной регламентации преступлений, предусмотренных ст.ст. 295 и 296 УК РФ не позволяет в полной мере осуществлять эффективное противодействие насильственным преступлениям, совершаемым в отношении лиц, осуществляющих правосудие либо предварительное расследование, в том числе и уголовно-правовыми средствами, в связи с чем назрела необходимость решения обозначенных проблем посредством совершенствования российского уголовного закона и устранения правовых коллизий в части установленной уголовной ответственности за вышеуказанные преступные посягательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондаренко В. Е.* Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 265 с.
2. *Дворянсков И. В.* Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти : дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2013. 569 с.
3. *Мусаев М. М.* Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 219 с.
4. *Карманов О. А.* Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 199 с.
5. *Лебедев В. М.* Судебная власть в современной России. Санкт-Петербург : Лань, 2001. 383 с.

МАЛИНИНА Я. В.

аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии

ЕФРЕМОВА И. А.

*д. ю. н., профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов)*

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПО МОТИВАМ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ

Лицо, осуществляя любые действия, руководствуется, прежде всего, внутренними побуждениями, мотивами. Мотив всегда присущ преступлению, он выступает ключевым элементом мотивации, нередко, привлекавший внимание со стороны научного сообщества.

В правовой доктрине наличествуют различные классификации мотивов преступного поведения человека. По степени осознанности они подразделяются на бессознательные и осознаваемые.

Бессознательные мотивы преступления образуют смысловой уровень мотивации. Они представляют собой психологическое образование, которое основано на потребностях личности, в частности, виновного, и являются неосознаваемыми, и наличествуют у такого лица на бессознательном уровне. Содержанием бессознательных мотивов преступления выступает непрерывное утверждение своего «я».

Осознаваемые мотивы преступления образуют рациональный уровень мотивации. Осознаваемые мотивы преступления представляют собой психологическое образование, которое основано на потребностях виновного, которые являются осознаваемыми. Содержанием таких мотивов преступлений является удовлетворение виновным своих потребностей, которые лежат на поверхности.

Одними из осознаваемых мотивов являются ненависть или вражда. Ненависть или вражда выступают мотивами совершения именно умышленных преступлений, ибо они являются осознаваемыми мотивами.

Ненависть как мотив преступления представляет собой осознанное чувство сильной вражды, злобы, а вражда — отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью [1, с. 232–638]. Нередко ненависть отождествляют с враждой [2, с. 21]. Данные термины являются взаимосвязанными, но не идентичными, ибо вражда — это всегда какое-либо определенное действие, а ненависть — лишь чувство, не имеющее выражение во вне. Исходя из чего, в уголовно-

правовой доктрине наличествует позиция об исключении из определения мотива понятия «вражды» [3, с. 37].

Вражда как отношение и действие, которые проникнуты неприязнью, и могут порождать желание совершить преступление, исходя из чего, ее исключение из определения мотива не является целесообразным.

Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды, обусловлены различными детерминантами, в частности, завистью, ревностью, оскорблением, обидой, унижением, неудачей. Они причиняют вред или создают угрозу причинения вреда охраняемым российским уголовным законом общественным отношениям. В связи с чем наличествует необходимость в действенном механизме их противодействия, в том числе посредством установления уголовно-правового запрета, что, несомненно, реализует как превентивную, так и охранительную функцию российского уголовного законодательства.

Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды, рассредоточены по российскому уголовному закону, ибо в настоящее время, действующее российское уголовное законодательство не содержит отдельную главу устанавливающую уголовную ответственность за рассматриваемые преступления.

В уголовно-правовой доктрине преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды, как правило, связывают с экстремистскими преступлениями. Под экстремистскими преступлениями, как правило, понимается общественно опасные, противоправные деяния, посягающие на основы конституционного строя, безопасность государства и общества, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Указанные мотивы подразумевают неприязнь к конкретному человеку, группе лиц либо социальной группе, к которым они принадлежат, вследствие расхождения в политических, мировоззренческих и иных взглядах либо вследствие их принадлежности к другой расе, национальности, конфессии, религиозному объединению и т. д. Однако мотивы ненависти или вражды нельзя сводить лишь только к ним, ибо они намного шире. В частности, человек, может совершить преступление по мотивам ненависти или вражды, наличествующей в семейно-бытовой сфере и вытекающей из нее. Также, исходя из мотивов ненависти или вражды, могут быть совершены преступления против собственности, против конституционных прав

и свобод, а также против иных охраняемых российским уголовным законом общественных отношений, то есть лица их, совершающие, в основе своего преступного поведения имеют некие негативные установки, проникнутые ненавистью, злобой к потерпевшим, необязательно вытекающих из политических, мировоззренческих и иных взглядах либо вследствие их принадлежности к другой расе, национальности, конфессии, религиозному объединению. В ином случае следует констатировать недостаточность уголовно-правового противодействия рассматриваемым преступным посягательствам, что является неприемлемым в принципе.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует констатировать, что ненависть или вражда выступают мотивами совершения именно умышленных преступлений, поскольку являются осознаваемыми мотивами преступного поведения. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым по мотивам ненависти или вражды нельзя сводить лишь к установлению уголовной ответственности только за преступления, которые относятся к экстремистским, это широкий круг преступных деяний, посягающих на различные общественные отношения, охраняемые российским уголовным законом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. Москва, 1991. 915 с.
2. *Кунашев А. А.* Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 27 с.
3. *Соловьева С. В.* Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 195 с.

МЕРКУРЬЕВ В. В.

*д. ю. н., профессор, старший советник юстиции,
руководитель Отдела научного обеспечения прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере федеральной безопасности,
межнациональных отношений и противодействия экстремизму*

АГАПОВ П. В.

*д. ю. н., профессор,
главный научный сотрудник Отдела научного обеспечения
прокурорского надзора и укрепления законности в сфере
федеральной безопасности, межнациональных отношений
и противодействия экстремизму*

УЛЬЯНОВ М. В.

*к. ю. н., ведущий научный сотрудник Отдела научного обеспечения
прокурорского надзора и укрепления законности в сфере
федеральной безопасности, межнациональных отношений
и противодействия экстремизму
НИИ Университета прокуратуры РФ (г. Москва)*

**20 ЛЕТ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Осуществляя свои обязательства согласно ратифицированной Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, российское государство руководствуется принципом суверенного равенства и территориальной целостности и принципом невмешательства во внутренние дела других государств.

За двадцать лет с момента принятия указанного международно-правового акта основные его положения были имплементированы в отечественную правовую систему. Не лишним будет напомнить, что именно Конвенцией впервые были сформулированы основополагающие критерии, позволившие:

- идентифицировать организованную преступную группу по признаку получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды как цели любой организованной преступности деятельности;
- криминализировать основные формы коррупции;
- установить меры по борьбе с отмытием денежных средств [1].

Трактовка понятия «организованная преступность» является дискуссионной. На наш взгляд, в современных реалиях организованная преступность определяется как сложная система организованных пре-

ступных формирований, их отношений и деятельности по поводу и в связи с организацией и функционированием криминальных рынков, которые являются устойчивой средой и основным условием достижения целей преступных сообществ и организованных групп. Последние распространяют свое влияние за пределами российской территории, устанавливая контакты не только с криминальными структурами, но и с законно действующими субъектами экономики. В этой связи изменились и стали более сложными состав и структура организованных преступных формирований, усиливается их профессионализация.

Значительную роль в организованной преступной среде по-прежнему играют «воры в законе», выполняющие организационные, идеологические и контрольные функции. С учетом крайне редкого привлечения к уголовной ответственности криминальных лидеров необходимо принять меры по повышению эффективности использования существующих уголовно-правовых механизмов борьбы с организованной преступностью.

Данная проблема имеет потенциал успешного решения, поскольку год тому назад был принят Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», ужесточивший наказание за совершение преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, а также дополнивший УК РФ ст. 2101 «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Количество расследованных преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, за последние пять лет увеличилось с 13 770 в 2015 г. до 16 313 в 2019 г. Практически все такие преступления являлись тяжкими и особо тяжкими и составляли более 95% ежегодно.

Проведенные научными сотрудниками НИИ Университета прокуратуры РФ исследования позволяют выделить ряд тенденций в развитии организованной преступной деятельности. При этом особого внимания заслуживает специфика международного сотрудничества в рамках названной Конвенции в сфере противодействия возникновению и функционированию криминальных рынков.

Прежде всего, следует говорить о расширении организованной преступной деятельности в экономической сфере, что в целом оказывает деструктивное влияние на политическую, экономическую и социальную стабильность. Устойчивое положение в стране занимает теневой сектор, отношения между людьми по поводу спроса, пред-

ложения и приобретения товаров и услуг, оборот и предоставление которых запрещены законом. При этом недопустимость попадания на рынок охраняемых уголовным законом прав личности и интересов государства и общества должна сопровождаться целенаправленным воздействием на спрос и предложение таких товаров (услуг), а также организаторов таких рынков, что и является ключевой задачей правоохранительных органов.

Тема борьбы с криминальными рынками получила особое звучание в свете беспрецедентного размера теневой экономики России, который, судя по ежегодной оценке Росфинмониторинга, составляет порядка 20% ВВП страны. Непрозрачность финансовых операций и движение огромного массива «серых» денежных средств как внутри страны, так и за ее пределы, явно не идет на пользу укреплению законности в сфере экономики и финансов. Отсюда повышается актуальность и крайняя значимость такого направления прокурорской деятельности, как противодействие коррупции. Особенно это касается защиты бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов, государственных и муниципальных программ, гособоронзаказа.

По свидетельству иностранных экспертов, способы получения прибыли, которые используются членами организованных преступных группировок, постоянно изменяются и по этой причине за ними практически невозможно проследить. При этом размеры сумм, которые отмываются мафией по всему миру посредством инвестиций в легальные проекты и предприятия, просто поражают. Ежегодно это десятки миллиардов евро.

По-прежнему один из наиболее масштабных по распространению сегментов криминального рынка в России представляет незаконный оборот наркотиков. Несмотря на принимаемые усилия, не удается добиться сокращения спроса на наркотики, а также их предложения в незаконном обороте.

Вопреки данным медицинской статистики, фиксирующим снижение заболеваемости наркоманией, результаты социологических исследований показывают рост числа наркозависимых лиц в стране, увеличение обеспокоенности населения данными проблемами. В структуре регистрируемой наркопреступности растет доля преступлений, совершаемых такими лицами. В состоянии наркотического опьянения совершается все больше особо тяжких деяний. При этом общее снижение количественных показателей преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, наблюдаемое в последние годы, является результатом изменения организации борьбы с ней (ликви-

дации ФСКН России), ослабления активности деятельности правоохранительных органов по выявлению и пресечению наркопреступлений, нарушениями при их учете и регистрации, ухудшением качества их предварительного расследования.

Одновременно происходит дальнейшее ухудшение качественных характеристик преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Усиливается организованность данного вида преступности, растет активность преступных групп, сформированных на этнической основе, усиливаются диспропорции в структуре преступности данного вида (правоохранительные органы уделяют недостаточно внимания выявлению таких преступлений, как контрабанда наркотиков, их хищение и вымогательство и др.).

Помимо традиционных криминальных рынков (производство и контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, незаконное производство и оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и др.), в последние годы получила распространение преступная деятельность в топливно-энергетическом и строительном комплексах, в бюджетной сфере, жилищно-коммунальном хозяйстве и в реализации целевых государственных программ, отмывание (легализация) преступных доходов в банковской системе России и за рубежом.

В марте-апреле 2020 г. в связи с глобальной пандемией COVID-19 стало понятно, что это не только серьезная проблема для здоровья, но и риск кибербезопасности. Преступники быстро воспользовались распространением вируса и возросшим спросом людей на информацию и товары. Кризис, связанный с распространением коронавирусной инфекции, активно используется для применения технологий социальной инженерии, а именно фишинга электронной почты, содержащей вредоносное программное обеспечение, перехвата деловой переписки, кибератак на организации и отдельных лиц.

Кроме того, отмечается увеличение активности в Интернете злоумышленников, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, которые могут использовать возможность взаимодействия с детьми, ставшими более уязвимыми из-за изоляции, снижения надзора за ними со стороны взрослых и увеличения их активности в Интернете.

В Российской Федерации наблюдается непрерывный отток капитала за рубеж. Согласно данным проведенного ООН исследования сумма отмываемых в мире и выводимых в другие страны за один год денежных средств, полученных в результате совершения различного рода преступлений, составляет от 2 до 5% мирового ВВП, или в

денежном выражении — от 800 млрд. до 2 трлн. долл. США. По оценкам независимых экспертов, отток капитала в России составляет в среднем 100 млрд. долл. ежегодно, выступая одним из важнейших аспектов экономической безопасности Российской Федерации.

Нелегальное «бегство» капитала складывается преимущественно из не переведенной из-за рубежа экспортной выручки и предварительных оплат не поступившего импортного товара, контрабандного экспорта, денежных средств, полученных в результате совершения коррупционных преступлений и хищений в сфере государственных закупок, а также формально упущенной выгоды по бартерным сделкам. Кроме того, повсеместно осуществляется перевод прав собственности на предприятия в офшоры, передача зарегистрированным там компаниям активов, находящихся в Российской Федерации (в том числе в управление зарубежным трастовым фондам), а также покупка недвижимости за рубежом.

Особую роль в системе организации нелегального «бегства» капитала занимают транснациональные преступные группы, специализирующиеся в этой сфере.

Одной из существенных угроз благополучию граждан в современных кризисных условиях является торговля людьми. Особую опасность при этом могут представлять криминальные рынки, связанные с трудовой и сексуальной эксплуатацией жертв торговли людьми, торговлей детьми, а также органами, тканями и клетками человека. Серьезную лепту в осложнение криминогенной обстановки в данной сфере может внести незаконная миграция. Миллионы мигрантов (в том числе незаконных) могут оказаться без работы и средств к существованию, что может повлечь за собой рост организованной этнической преступности.

Наблюдается стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Отдельного внимания заслуживает тенденция на политизацию киберпреступности — так называемый кибертерроризм, т. е. использование ИКТ для воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями в преступных целях. Он может быть направлен на энергетическую, телекоммуникационную, авиационную отрасли, финансовые учреждения, оборонные предприятия и т. п. Такие действия, создают угрозу государственной безопасности, личности и обществу, наносят ущерб не только информационной безопасности, но и реальным объектам национальной и корпоративной инфраструктуры, например, путем

внедрения вредоносного программного обеспечения в автоматизированные системы управления технологическими процессами.

Необходимость системного правового регулирования борьбы с организованной преступностью обусловлена тем обстоятельством, что сама борьба с преступностью представляет собой сложную систему, включающую общую организацию этой борьбы, предупреждение преступности и правоохранительную деятельность.

В год 20-летия принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности Университетом прокуратуры РФ была организована межведомственная научно-практическая конференция «Борьба с криминальными рынками в России: законодательные и правоприменительные проблемы: реализация положений Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности», которая состоялась 28 апреля 2020 г., и по итогам которой был издан одноименный сборник материалов [2].

Участниками научного форума, среди которых были представители ведущих научных, образовательных и общественных организаций отметили, в частности, что:

– правовое регулирование борьбы с организованной преступностью следует осуществлять посредством реагирования одновременно на все ее компоненты, в том числе преступную деятельность, причинные комплексы, путем воздействия на них нормами и институтами различных отраслей права, использования нормативных правовых актов разного уровня, в том числе комплексных, межотраслевых федеральных законов;

– органам, осуществляющим противодействие незаконному обороту наркотиков, необходимо учитывать выявленные особенности современного состояния российского криминального рынка наркотиков. Представляется целесообразным обсуждение указанных вопросов на заседаниях координационных совещаний руководителей правоохранительных органов и разработка комплексных мер по совершенствованию борьбы с данным видом преступности и его профилактики;

– имущественный критерий принадлежности к высшей преступной иерархии, следует связывать с распоряжением средствами преступного «общака». Распоряжение средствами «общака» всегда можно представить как неосновательное обогащение, в связи с этим целесообразно расширить предусмотренный п. 2 ст. 235 ГК РФ перечень оснований для принудительного изъятия имущества у собственников путём включения в указанную статью нормы об обращении по решению суда в доход Российской Федерации денег, ценностей,

инного имущества и доходов от них, в отношении которых лицом, признанным на основании вступившего в законную силу приговора виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 208-2101 УК РФ, не представлены сведения и доказательства, подтверждающие законность их приобретения;

— рассмотрение рынка коррупционных услуг как совокупности сделок в разрезе данных правоприменительной практики позволяет констатировать не только фактическое функционирование такого сектора, но и признание наиболее распространенных «сделок» такого рынка — взяточничества преступлениями по законодательству Российской Федерации. Ключевой задачей органов государственной власти, в том числе правоохранительных органов, должна стать работа по противодействию фактическому искоренению проявлений взяточничества. Речь идет как о совершенствовании механизмов предупредительного воздействия на возникновение возможностей принимать и передавать незаконное денежное вознаграждение (повышение уровня социальной защищенности лиц, выполняющих государственные функции, реальное функционирование механизмов предупреждения конфликта интересов, сообщения о фактах склонения к коррупционным сделкам и т. д.), так и совершенствованию мер по изобличению участников подобной «криминально-хозяйственной» деятельности уголовно-правовыми и оперативно-розыскными средствами.

— в целях минимизации негативного воздействия криминогенных факторов и процессов в сфере противодействия торговле людьми целесообразно продолжить законодательную проработку возможности криминализации общественно опасных деяний, связанных с торговлей людьми, в том числе новыми, нетрадиционными формами эксплуатации человека («суррогатное материнство», использование человека в незаконных биомедицинских экспериментах, опытах и т. п.), а также незаконным изъятием и оборотом органов, тканей или клеток человека;

— в целях повышения результативности борьбы с организованной преступностью необходимо:

— принять меры к повышению системности работы федеральных органов исполнительной власти в борьбе с различными проявлениями организованной преступности за счет комплексного применения не только правовых, организационных и оперативно-розыскных, но и разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических и кадровых мер;

– сконцентрировать усилия отдельных подразделений правоохранительных органов на борьбе с криминальными рынками, предусмотрев при этом соответствующие изменения в их организационно-штатной структуре;

– выработать действенный механизм взаимодействия ФСБ России, МВД России, ФТС России и Росфинмониторинга в процессе реализации мероприятий, направленных на пресечение источников и каналов финансирования организованных преступных сообществ (организаций), террористических и экстремистских организаций, в том числе посредством использования коммерческих и некоммерческих организаций, благотворительных фондов, кредитно-финансовых структур и нелегальных финансовых организаций;

– рассмотреть вопрос об установлении в соответствии с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, ратифицированной нашей страной, уголовной ответственности юридических лиц за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате организованной преступной деятельности, финансирование террористической и экстремистской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркурьев В. В., Горшечникова Е. П. Генетическая связь организованной преступности и коррупции в свете конвенции ООН против транснациональной организованной преступности // Положения Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и проблемы их применения в России. 2011. С. 36-48.

2. Борьба с криминальными рынками в России: законодательные и правоприменительные проблемы: реализация положений Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности : сб. матер. Межвед. науч.-практ. конф. (Москва, 28 апреля 2020 г.) / под общ. ред. О. С. Капинос ; Ун-т. прокуратуры РФ. Москва, 2020.

Р А З Д Е Л 3
КАТЕГОРИИ «РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ»,
«УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ»
И «УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»,
ИХ СООТНОШЕНИЕ

ГЛАДКИХ В. И.

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института права и управления
Московского городского университета МГПУ,
д. ю. н., профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва)*

**К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УСТАНОВЛЕНИИ
ФОРМЫ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В отечественном уголовном законодательстве существует достаточно детально разработанная теория виновного совершения преступления, нашедшая свое выражение в принципе вины (ст. 5 УК), виновности как признаке преступления (ч. 1 ст. 14 УК), формах вины (статьи 24-28 УК), а также в совокупности признаков субъективной стороны состава преступления, обязательным из которых является наличие вины в форме умысла и (или) неосторожности [1].

Обязательное установление виновности в совершении преступления гарантировано Конституцией РФ (ст. 49), а также действующим УПК РФ, закрепившим презумпцию невиновности (ст. 14).

Содержащийся в УК РФ принцип вины, в отличие от ранее действующего законодательства, прямо называет вину в качестве одного из основополагающих начал, отсутствие которого исключает уголовную ответственность.

К сожалению, действующий, равно как и предыдущий, уголовный кодекс, не дает законодательного определения понятия вины, которое приходится раскрывать только с помощью толкования данного понятия и его доктринального обоснования.

В ряде составов преступлений содержится прямое указание на форму вины содеянного: убийство как умышленное причинение смерти другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК), умышленное причинение тяжко-

го вреда здоровью (ст. 111 УК), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК) и др. Однако в подавляющем большинстве составов преступлений с очевидной умышленной формой вины указания на нее делается, к примеру, в похищении человека (ст. 126 УК), развратных действиях (ст. 135 УК), хулиганстве (ст. 213 УК).

Объяснить это можно лишь тем, что, по логике законодателя, совершение подобных преступлений возможно лишь в форме прямого либо косвенного умысла, поэтому указание в каждом таком составе на умышленную форму вины было бы излишним. Следуя данной логике, и убийство, например, нельзя совершить по неосторожности и, видимо, по этой причине ранее действующее словосочетание «умышленное убийство» было заменено на слово «убийство», правда, с указанием в законе на умышленную форму его совершения.

Казалось бы, установление умысла в совершении большинства преступлений не представляет большой сложности. Однако законодатель разделил формы умысла на два вида - прямой и косвенный (ст. 25 УК), отличающиеся друг от друга так называемым волевым компонентом (в одном случае лицо желало наступления общественно опасных последствий, в другом сознательно их допускало либо относилось безразлично к их наступлению). И вот здесь-то и начались проблемы, касающиеся разграничения данных понятий.

Представляется, что ни один теоретик уголовного права не даст однозначного ответа на вопрос: в какой, например, форме вины совершается доведение до самоубийства (ст. 110 УК)? Одни видят здесь альтернативу в виде прямого либо косвенного умысла [2; 3], другие — только неосторожную форму вины [4], третьи — возможность его совершения либо по неосторожности, либо с косвенным умыслом [5; 6].

На наш взгляд, доведение до самоубийства — классический пример преступления с косвенным умыслом, а прямой умысел здесь заведомо исключается, ибо при его наличии, как говорит ряд исследователей, мы имеем место с особым способом совершения убийства [7, с. 203; 8, с. 62; 9, с. 76].

Можно сказать, что разграничение умысла на прямой и косвенный прямо не влияет на квалификацию содеянного, и, видимо, потому в судебно-следственной практике на эти законодательные нюансы мало кто обращает внимание. Тогда возникает закономерный вопрос о целесообразности законодательного разделения этих понятий. Тем более, что в уголовном законе составов преступлений исключительно с косвенным умыслом чрезвычайно мало. Рассмотрим,

например, умышленное уничтожение или повреждение имущества в части совершения его путем поджога или иным общеопасным способом, повлекшее смерть человека. В случае если лицо, например, подожгло дом, не осознавая, что в нем находится человек, который погибает, содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 167 УК (преступное легкомыслие по отношению к последствиям). Если же виновное лицо заведомо знало о наличии в доме человека (прямой умысел) или сознательно допускало указанное обстоятельство (косвенный умысел), совершенное преступление подпадает по действие двух составов — ст. 167 УК и ст. 105 УК (в том и другом случаях — пример идеальной совокупности) [10, с. 27–33].

Как видим, совершение умышленного поджога и убийства, независимо от вида умысла причинения смерти человеку, квалифицируются одинаково.

Возникает закономерный вопрос: а какой смысл вообще в законодательном разграничении умысла на прямой и косвенный, если это не имеет никакого практического значения? Можно допустить, что преступления, совершенные с прямым умыслом, должны наказываться более строго, нежели с косвенным, однако закон не дает для этого никаких формальных оснований. Предположим, что судебные следственные органы при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, опираясь на положения ст. 25 УК РФ, могут (или должны) в каждом конкретном случае устанавливать наличие либо прямого, либо косвенного умысла, что должно находить отражение в итоговом судебном решении как реализация принципа дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и назначения наказания. Однако с учетом сложности и оценочности разграничения данных понятий даже в теории уголовного права, рассчитывать на их применение в правоприменительной практике не приходится.

Единственным более или менее приемлемым выходом из данного положения могло бы стать разъяснение Пленума Верховного Суда РФ порядка определения и учета наличия различных форм умысла в правоприменительной практике, иначе законодательное их разграничение теряет всякий смысл и, в принципе, может быть отменено.

Еще более проблемным, на наш взгляд, является установление в каждом конкретном случае неосторожной формы вины.

Статья 24 УК РФ гласит, что форма вины в виде преступной неосторожности должна специально указываться в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса.

К сожалению, это сделано далеко не в каждом составе, особенно по отношению к наступившим в результате совершения преступ-

ления последствиям. Например, небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК) предполагает наступление смерти человека или иных тяжких последствий, что может быть совершено только с неосторожной формой вины, однако законодатель не указал об этом в диспозиции данной статьи, что, согласно ст. 24 УК, априори должно свидетельствовать о наличии в содеянном прямого или косвенного умысла. Нет указания на форму вины по отношению к последствиям в ст. 225 УК — ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в ст. 246 УК — нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, в ч. 1 ст. 248 УК — нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами, в ст. 250 УК — загрязнение вод, в ст. 257 УК — нарушение правил охраны водных биологических ресурсов, хотя во всех указанных составах очевидно наличие преступной неосторожности. В результате такой законодательной неопределенности мы не можем однозначно отнести подобного рода деяния либо к умышленным, либо к неосторожным.

Остается открытым вопрос о формах вины при нарушении различного рода правил в различных сферах общественной жизнедеятельности. Все подобные составы предполагают наличие специального субъекта — лица, на которого соответствующими нормативно-правовыми актами возложены обязанности либо совершать определенные действия, либо воздерживаться от их совершения. В связи с этим сложно сказать, что указанные лица в своей профессиональной деятельности допустили преступную небрежность, — возможно лишь в тех редких случаях, когда они недостаточно хорошо знали свои служебные и профессиональные обязанности. Вменить такого рода субъектам прямой умысел также достаточно сложно и не всегда правомерно, поскольку, если, например, при исполнении своих обязанностей лицо умышленно нарушило правила техники безопасности, заведомо зная, что это повлечет наступление тяжких последствий, и эти последствия наступили, правомерно ставить вопрос об умышленном уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества, различных средств жизнеобеспечения и т. п., вплоть до совершения диверсии.

Наиболее правомерно, на наш взгляд, в таких случаях квалифицировать форму вины в содеянном как преступное легкомыслие, и тогда все преступление будет считаться неосторожным, но опять-таки при указании на то, что наступившие последствия будут в законе тоже определены как неосторожные.

Отсутствие прямого указания в законе на неосторожную форму вины по отношению к последствиям позволяет утверждать о наличии в ряде составов либо исключительно умышленной формы вины, чаще всего в виде косвенного умысла, либо как неосторожной, так и умышленной форм вины, например, как уже говорилось выше, в части первой статьи 248 УК, что противоречит положениям ст. 24 УК, порождает правовую неопределенность, нарушает системность уголовного законодательства и порядок назначения наказания, поскольку преступления, совершенные умышленно, по определению должны наказываться более строго, нежели неосторожные.

Следует отметить, что законодатель уже пробил первую брешь в различном подходе к наказаниям за умышленные и неосторожные общественно опасные деяния, когда Федеральным законом от 23 апреля 2019 г. № 65-ФЗ за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК), повлекшее смерть одного или нескольких лиц, совершенное лицом, находившимся в состоянии опьянения, было установлено наказание соответственно от пяти до двенадцати лет (ч. 2.1) и от восьми до пятнадцати лет (ч. 4). Помимо того, что ст. 264 УК — единственный в уголовном кодексе состав, в котором предусмотрена повышенная ответственность за преступление, совершенное в состоянии опьянения, что противоречит требованиям ст. 23 УК, а также входит в диссонанс с ч. 1.1 ст. 63 УК, это достаточно неоднозначное законодательное решение вынудило законодателя изменить всю систему категоризации преступлений (ст. 15 УК) путем отнесения неосторожных преступлений, а, по сути, исключительно ст. 264 УК, к тяжким преступлениям.

В этом же ряду ошибочных, на наш взгляд, законодательных новелл, стоит внесение в 2014 году изменения в ст. 263.1 УК — нарушение требований транспортной безопасности, а именно — включение в данный состав квалифицирующего признака — совершение рассматриваемого преступления, неосторожного по своей сути, организованной группой (ч. 4), что вступило в противоречие со ст. 32 УК, предусматривающей соучастие только в умышленных преступлениях.

Подобные законодательные недоработки, а нередко и явные ошибки, свидетельствуют о низком качестве отечественного законодательства, нарушают системность уголовного законодательства, дезориентируют правоприменительную практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступле-

ния. Кн. 2: Субъективная сторона преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2016. 400 с.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Проспект, 2011.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. Москва : Проспект, 2010.

4. *Уколова Ю. А.* Форма вины при доведении до самоубийства // Российский следователь. 2007. № 12. С. 18–21.

5. *Шаргородский М. Д.* Преступления против жизни и здоровья. Москва, 1947.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. Москва : КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 2010.

7. *Загородников Н. И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву. Москва, 1961.

8. *Бородин С. В.* Преступления против жизни. Москва, 2001.

9. Уголовное право России. Особенная часть. Преступления против личности / под ред. В. И. Гладких ; А. К. Есаяна. Москва : Юрайт, 2020.

10. *Гладких В. И.* Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3. С. 27–33.

ЕФРЕМОВА И. А.

*профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии,
д. ю. н., профессор (г. Саратов)*

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, национальная безопасность Российской Федерации представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Ее обеспечение выступает одним из приоритетных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О

безопасности» национальная безопасность обеспечивается посредством различных мер, политического, организационного, социально-экономического, военного, информационного, социального характера, а также правового характера.

Преступность, являясь фактором, посягающим на национальную безопасность, требует соответствующих мер реагирования со стороны государства. Российское уголовное законодательство посредством различных уголовно - правовых институтов обеспечивает безопасность человека, его защищенность от преступных посягательств и лиц их совершающих, не является исключением и институт освобождения от наказания, который регламентируется главой 12 УК РФ «Освобождение от наказания». Институт освобождения от наказания предусматривает семь видов освобождения от наказания, каждый из которых закрепляет различные критерии позволяющие констатировать пониженный уровень общественной опасности личности осужденного, вследствие чего наличествует возможность применения различных видов освобождения от наказания.

Исходя из того, что нормы, составляющие институт освобождения от наказания, применяются к лицам, не утратившим степень общественной опасности, а лишь имеющих ее пониженную степень, то для того, чтобы быть уверенным, в том, что освобождаемое от наказания лицо, безопасно, и не совершит новое преступление, за ним следует установить соответствующий контроль, с возложением на него определенных обязанностей. Фактически российский законодатель устанавливает различные формы контроля за поведением осужденных, которые были освобождены от наказания, в уголовно - исполнительном законодательстве, тем самым обеспечивая безопасность, заложенную в принципе гуманизма. Устанавливая контроль за поведением осужденных, которые были освобождены от наказания, обеспечивается не только безопасность, посредством удержания их от совершения новых преступлений, но и дальнейшее формирование их правоопослушного поведения, понижение степени общественной опасности, что реализует цели стоящие как перед уголовным наказанием, так и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Наличествует необходимость установления контроля за осужденными, которые были освобождены от наказания, посредством его установления российским законодателем в тех случаях, где он им он не был установлен, в частности, в нормах, регламентирующих освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда и др. При отсрочке от

отбывания наказания устанавливается контроль за поведением таких лиц до полного их освобождения от уголовного наказания. В качестве срока, в период которого осуществляется контроль за поведением осужденного, который был освобожден от наказания, выступает и не отбывтая часть наказания при условно-досрочном освобождении, в период которого на лицо могут возлагаться обязанности, предусмотренные российским уголовным законом. Контроль, исходя из изменения степени общественной опасности лица, которое было освобождено от наказания в большую или меньшую сторону, должен усиливаться или уменьшаться.

Следует различать уголовно-правовой контроль и уголовно-исполнительный контроль за освобожденными лицами. Уголовно-исполнительный контроль, осуществляется уголовно-исполнительным органом, для наиболее эффективного осуществления, которого необходимо возложить обязанности по его осуществлению на уголовно-исполнительные инспекции, а в отношении военнослужащих, которые были освобождены от наказания, — на командование воинских частей и учреждений. Уголовно-правовой контроль в свою очередь, осуществляется посредством установления испытательного срока и уголовно-правового статуса. Испытательный срок необходим для дальнейшего формирования правоопослушного поведения освобожденных от наказания лиц, понижения степени их общественной опасности, что непосредственно выступает позитивным воздействием на поведения освобожденного лица, удерживая его тем самым от совершения новых преступлений, обеспечивая безопасность.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует отметить, что, назрела необходимость установления над всеми лицами, которые были освобождены от наказания, контроль, который, с одной стороны, обеспечит безопасность человека, а с другой стороны — дальнейшее понижение их степени общественной опасности, что реализует цели стоящие как перед уголовным наказанием, так и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

КОБЕЦ П. Н.

*главный научный сотрудник
Центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
д. ю. н., профессор (г. Москва)*

КРАСНОВА К. А.

*доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
к. ю. н., доцент (г. Санкт Петербург)*

РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ: УГОЛОВНАЯ РЕПРЕССИЯ И ПРОФИЛАКТИКА

По данным Всемирного доклада ООН о наркотиках за 2019 год, в мире из 271 млн. потребителей наркотиков порядка 188 млн. человек употребляют каннабис, 53 млн. человек составляют лица, регулярно употребляющие опиоиды, 11 млн. человек употребляют наркотики путем инъекций. При этом, по данным экспертов, серьезности проблеме злоупотребления наркотиками прибавляет рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией, гепатитом С и туберкулезом, которые неизменно сопутствуют инъекционному способу употребления запрещенных веществ [1].

Рассмотрим динамику незаконного оборота наркотиков за прошедшее десятилетие в нашей стране, основываясь на данных официальной статистики. По данным Управления правовой статистики Генпрокуратуры РФ, количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составляло: 2010 г. – 222564, 2011 г. – 215214, 2012 г. – 218974, 2013 г. – 231462, 2014 г. – 254230, 2015 г. – 236939, 2016 г. – 201165, 2017 г. – 208681, 2018 г. – 200306, 2019 г. – 190197. Данные официальной статистики также свидетельствуют о тенденции снижения числа выявленных лиц, которые совершили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков в течение последних десяти лет: 2010 г. – 112109, 2011 г. – 109152, 2012 г. – 115214, 2013 г. – 117912, 2014 г. – 123300, 2015 г. – 121557, 2016 г. – 108258, 2017 г. – 106292, 2018 г. – 95683, 2019 г. – 85425.

Итак, за десятилетие, несмотря на правовые (изменения, вносимые в УК РФ, Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ,

Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ, утв. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681) и организационные (передача МВД России функции по контролю за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту) меры, снижение количественных показателей зарегистрированных наркопреступлений составило лишь 15%.

Криминальный рынок наркотиков продолжает расширяться из года в год за счет увеличения спроса (появление все новых лиц, заболевших наркоманией) и предложения (появления новых видов психоактивных веществ). Обозначим некоторые проблемные вопросы на каждой стороне этого рынка.

Сторона спроса. В середине 1990-х годов ситуация в России характеризовалась не только ростом преступности, но и критически темпами распространения наркотиков. В этом плане наша страна столкнулась со схожими проблемами, с которыми несколькими годами ранее «познакомились» страны Организации Варшавского договора в период глубоких социально-экономических преобразований — экспонентный рост наркопотребления и наркопреступности [2].

По данным медицинской статистики, в нашей стране ежегодно снижается уровень заболеваемости наркоманией. Так, по данным за 2018 год количество пациентов с психическими расстройствами, связанными с потреблением наркотиков составило 505,6 тыс. чел. или 344,5 на 100 тыс. населения. В 2018 г. число лиц, у которых диагноз психического расстройства, связанного с потреблением наркотиков, установлен впервые в жизни, 57,3 тыс. человек или 39,0 на 100 тыс. населения. Выявлена пропорция распределения потребителей наркотиков по гендерному признаку. Так, среди выявленных больных с диагнозом наркомания и токсикомания, установленными впервые в жизни, доля женщин составляла 15% и мужчин — 85%. Вызывает обеспокоенность потребление наркотиков в молодежной среде.

В организационном аспекте произошли следующие изменения в национальной антинаркотической политике. Так, в январе 2020 г. в структуре МВД России стали функционировать подразделения по борьбе с распространением и пропагандой наркотиков в сети Интернет. Кроме того, налажен механизм ограничения Роскомнадзором доступа к Интернет-ресурсам на основании решения МВД России о признании запрещенной информации, касающейся производства и оборота наркотиков. На сайте МВД России размещена гиперссылка сайта Единого реестра запрещенной информации, где неравнодуш-

ные граждане могут подать сообщение о ресурсе, содержащем запрещенную информацию о наркотиках, путем заполнения онлайн формы приема обращений. В декабре 2019 года ГАК одобрил проект Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, который в настоящее время размещен в сети Интернет для общественного обсуждения.

Анализируя правовой аспект антинаркотической политики, следует также упомянуть новые законопроекты, предусматривающие введение уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в сети Интернет.

Проблема употребления наркотиков должна решаться не просто мерами уголовной репрессии [3]. Сокращение поставок наркотиков и привлечение к ответственности их распространителей наркотиков, несомненно, является обязанностью правоохранительных органов, но наиболее важным фактором в плане профилактики является информирование потребителей и потенциальных потребителей, а также их обучение и просвещение, в том числе с привлечением представителей гражданского общества, потенциал которых в антинаркотической профилактике не до конца используется. В этой связи примечателен опыт ряда европейских стран [4].

Так, в Венгрии большинство организаций, работающих в этой области, осуществляют общеобразовательную деятельность. Около 70% из них являются неправительственными организациями, использующими государственные средства (в основном, на основе тендеров). Оставшаяся доля антинаркотической работы в основном выполняется государственными и муниципальными организациями. Полиция Венгрии также проводит важную профилактическую работу, которая построена на основе функционирования так называемых консультантов по предупреждению преступности. Ими являются профессиональные сотрудники полиции, каждый из которых работает в области предупреждения наркопреступности в 3-4 средних школах на постоянной основе [5].

Следует остановиться на еще одном аспекте, характеризующем отечественную антинаркотическую политику. Речь идет об отказе на государственном уровне от заместительных методов лечения наркомании (пп. «г» п. 32 Указа Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года»). Вместе с тем, в ряде европейских стран такая практика нашла положительный отклик у специалистов [6].

Сторона предложения. Современная ситуация в России и в мире характеризуется постоянным появлением новых видов наркотиков, для идентификации которых необходимо принципиально новое по качеству оборудование. Данная проблема требует кардинальных подходов.

Деятельность по ограничению оборота наркотиков находится во введении Правительства РФ, которое ведет регулярно пополняемый новыми видами запрещенных веществ соответствующий Перечень.

Реализации государственной антинаркотической политики способствует созданная система мониторинга наркоситуации в сети Интернет, осуществляемая на двух уровнях: федеральном и региональном (см.: Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах).

Выводы. Незаконный оборот наркотиков сохраняет свой статус угрозы национальной безопасности. Криминальный рынок незаконного оборота наркотиков перманентно видоизменяется и расширяется. Правоохранительные органы и специалисты в рассматриваемой сфере не должны ослаблять внимание к этой проблеме, ссылаясь на снижающиеся статистические показатели наркопреступности. Напротив, кажущееся улучшение наркоситуации в России может свидетельствовать об усилении конспирации поставщиков и распространителей наркотиков, и отказе потребителей от обращения за медицинской помощью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кобец П. Н., Краснова К. А.* Противодействие незаконному обороту наркотиков и организованной преступности в Финляндской Республике: проблемы и достижения // Вестник ВСИ МВД России. 2019. № 2 (89). С. 62–69.
2. *Тиханьи М.* Социально-демографические характеристики потребителей наркотиков и наркоманов в Венгрии / М. Тиханьи, М. Сабольч, В. Вари, К. А. Краснова // Виктимология. 2020. № 3 (25). С. 53–60.
3. *Жестеров П. В.* Последствия усиления уголовной репрессии: значение криминологической экспертизы для их прогноза // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20). С. 73–79.
4. *Кобец П. Н., Краснова К. А.* Социальное партнерство и противодействие незаконному обороту наркотиков: опыт Турецкой Республики // Юридическое образование и наука. 2018. № 7. С. 37–40.
5. *Грмцнй Simon, Gabriella* (2018): Drug abuse. In: Technical English for officers. Dialyg Campus Kiady, Budapest.

6. Кобец П. Н., Краснова К. А. Развитие метода заместительной терапии опиоидозависимых лиц как мера предупреждения наркопреступности: опыт Финляндской Республики // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : матер. Межвуз. науч.-практ. конф., посв. 300-летию российской полиции / гл. ред. П. А. Капустюк; отв. ред. Р. А. Забавко. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2018. С. 131–136.

МОТИН А. В.

*адвокат Палаты адвокатов Самарской области,
к. ю. н. (г. Самара)*

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЛИЧНОСТЬ)

Обеспечение национальной безопасности не мыслится в отрыве от охраны человека, его прав и свобод, являющейся конституционной обязанностью государства. В осуществлении этой обязанности оно вольно использовать любые доступные ему легитимные средства, при этом, как известно, уголовный закон выступает, согласно принципу *ultima ratio*, в качестве «последнего довода» власти в обеспечении безопасности [1]. «Принцип *ultima ratio* в соответствии с либеральными представлениями позволяет сделать вывод о том, что уголовное право, как самая серьезная форма вмешательства государства в правовую сферу граждан, должно быть использовано только тогда, когда применение других средств представляется безнадежным» [2, с. 121]. Это обстоятельство побуждает государство к разработке не только предупредительных, но и различных по силе воздействия охранительных средств защиты личности, что находит свое содержательное воплощение, среди прочего, в межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на интересы безопасности человека.

Различение оснований применения уголовной и административной ответственности — не единственное, в чем выражается межотраслевая дифференциация ответственности за посягательства на личность. Есть и другая сторона, отражающая процессы интеграции этих отраслей и проявляющаяся в дифференциации видов ответственности: в процессе реализации обеспечения правовой охраны личности законодатель конструирует определенные механизмы, позволяющие правоприменителю изменять вид ответственности (с уголовной на административную и наоборот), не изменяя при этом правовую характеристику основания этой ответственности. На прак-

тике это проявляется в институте освобождения от уголовной ответственности [3] с привлечением к административной ответственности и в институте административной преюдиции [4].

К сожалению, проблемы, связанные с двумя поименованными институтами, не подвергаются целостному исследованию специалистами. Относительно административной преюдиции дискуссия сводится лишь к выяснению природы конкретного преступления и развивается в контексте гуманизации и усиления репрессивности законодательства, в то время как вопросы замены уголовной ответственности ответственностью административной не обсуждаются вовсе по причине отсутствия в действующем Уголовном кодексе России соответствующих оснований.

Однако подобное положение вещей не способствует выработке системного взгляда на проблему: аргументы сторонников и противников преюдиции находятся в "законсервированном" состоянии, что затрудняет выход научной дискуссии на новый уровень анализа межотраслевой дифференциации ответственности.

Полагаем, что указанные вопросы требуют исключительно совместного анализа. Именно интегративный (объединительный) подход, в рамках которого административная преюдиция и замена уголовной ответственности административной будут рассматриваться как единый двусторонний процесс дифференциации ответственности, необходим для того, чтобы составить взвешенную оценку обсуждаемого направления уголовной политики и наметить перспективы его развития, использования в отечественной правовой системе.

Если же подняться на более высокий уровень обобщения и рассмотреть этот процесс в единстве составляющих его компонентов, то *становится возможным представить вполне определенную типологию моделей взаимодействия уголовной и административной ответственности, различающихся исходным пониманием сути уголовного и административно-деликтного права*. Типология эта может выглядеть следующим образом:

1. *Модель жесткого противостояния*. В отечественном праве наблюдать ее можно было с момента активации действующего кодекса в 1997 году до начала возврата в него в 2011 - 2016 годах норм о преюдиции и судебном штрафе.

Исходный пункт состоит в том, что уголовное и административно-деликтное право являют собой самостоятельные и предметно непересекающиеся отрасли права. Отсюда следует признавать, что:

— преступление как общественно опасное поведение и административный проступок как не опасное, а вредоносное поведение, качественно различаются между собой;

— административная преюдиция недопустима, поскольку неоднократное совершение проступков не приводит к возникновению нового, преступного качества деяния, при этом неоднократность проступка может учитываться в пределах дифференциации ответственности в рамках административно-деликтного права;

— замена уголовной ответственности ответственностью административной отражают смешение предметов правового регулирования и является принципиально недопустимым явлением, к тому же нарушающим требования презумпции невиновности.

2. *Модель жесткого взаимодействия.* Хотя это прямо и не признавалось в отечественной доктрине, но по сути своей, такая модель проявляла себя в 70 — 90-е годы прошлого столетия, когда уголовный закон активно использовал нормы о преюдиции и замене уголовной ответственности за преступление иными видами ответственности.

Исходный пункт заключается в признании единой пунитивной природы уголовного и административно-деликтного права, отсутствии жестких содержательных границ между их предметами. Отсюда следует признавать, что:

— преступление и административный проступок, обладая общим качеством общественной опасности, различаются лишь в степени этой опасности;

— административная преюдиция и освобождение от уголовной ответственности с привлечением к ответственности административной принципиально допустимы как проявление, по сути, внутриотраслевой дифференциации ответственности, выступая расширенными аналогами рецидива и последствий изменения категориальной принадлежности деяния.

3. *Модель мягкого противостояния.* Ее мы можем наблюдать в текущий период истории отечественного уголовного права, она выступает модифицированным проявлением второй модели и пришла на смену первой из выделенных.

В рамках этой модели сохраняется представление о формальной самостоятельности уголовного и административно-деликтного права, хотя оно и активно торпедируется учением об «уголовной сфере». Исходя из этого, признается, что:

— преступление и административное правонарушение различаются характером и степенью общественной опасности, выбор уголовно-правовых или административно-правовых средств воздействия на него является исключительной прерогативой законодателя;

— уголовное и административно-деликтное право, будучи самостоятельными, тем не менее, должны иметь некоторый механизм

взаимодействия, который исключая замену одних правовых средств реагирования на правонарушение средствами иной отрасли права, будет отражать как потенциальную динамику опасности самого нарушения, так и степень жесткости правового реагирования на него;

– замена уголовной ответственности административной ответственностью не допускается, что не исключает конструирование в уголовном законе конструкций, позволяющих применять более мягкие чем уголовное наказание средства воздействия на нарушителя за пределами уголовной ответственности;

– административная преюдиция допускается не в качестве отражения межотраслевого взаимодействия отраслей права, а как юридико-технический прием, посредством которого описываются специальные признаки субъекта преступления.

Рассматривая эти модели и определяя свое отношение к проблеме взаимодействия уголовной и административной ответственности за посягательства на личность, надо признать в качестве необходимых теоретических предпосылок, как минимум, два принципиально значимых тезиса:

– во-первых, *взаимодействие различных видов публично-правовой ответственности является объективно необходимым и оправданным компонентом правового регулирования*. Жизнь и криминальные реалии слишком разнообразны и подвижны, чтобы «уложить» их в жесткие рамки непересекающихся отраслей права и законодательства. Динамика общественных отношений, динамика правонарушающего поведения, динамика показателей опасности личности с необходимостью требуют того, чтобы в пределах стабильной правовой системы, без постоянных корректировок законов у правоприменителя была реальная возможность учесть все многообразие различающихся ситуаций и выбрать оптимальную меру правового воздействия на нарушителя, при соблюдении, естественно, как основных, конституционных прав и свобод правонарушителя, так и публичных интересов обеспечения безопасности. С этой точки зрения первая из указанных моделей – «модель жесткого противостояния» – представляется не вполне удачной, что в полной мере подтвердила современная история развития уголовного права;

– во-вторых, *взаимодействие уголовной и административной ответственности не может быть односторонним (в сторону замены менее строгой более строгой или наоборот), оно должно учитывать как потенциал роста опасности деяния и личности виновного, так и потенциал ее сокращения*. В связи с этим проблематика административной преюдиции и замены уголовной ответственности ме-

рами, близкими к ответственности административной, должна восприниматься как многосоставная, но единая по своей природе. В связи с чем недопустимо, к примеру, выступать за сохранение института судебного штрафа и одновременно отстаивать недопустимость использования административной преюдиции. Логика требует либо последовательного отрицания этих институтов, что демонстрируют работы Н. А. Лопашенко [5; 6], либо их поддержки, о чем свидетельствуют работы Н. И. Пикурова [7; 8].

С учетом этих обстоятельств, выбор типа взаимодействия уголовной и административной ответственности может располагаться лишь в пределах, заданных второй и третьей из выделенных моделей — между «жестким взаимодействием» и «мягким противостоянием». При этом должно быть очевидным, что определяется он, прежде всего, глобальным пониманием природы уголовного и административного права. *С учетом исторического опыта взаимодействия уголовной и административной ответственности, современного состояния теории и практики их реализации, уровня развитости учения об «уголовной сфере», полагаем, что воплощаемая в российском праве на текущий момент модель «мягкого противостояния» представляется наиболее удачной, отражающей оптимальный баланс и компромисс между нормами уголовного и административного права в оценке общественной опасности правонарушений.*

В глобальном отношении важно заметить, что такая модель, при которой происходит «уголовно-правовое преобразование» административно-деликтных инструментов (в виде применения «иных мер уголовно-правового характера» вместо привлечения к административной ответственности при освобождении от уголовной ответственности и в виде трансформации преюдиции из неоднократного совершения административных проступков в признак специального субъекта преступления [9, с. 52]), воплощает в себе формальное, внешнее несовпадение институтов уголовной и административной ответственности, и тем самым выводит конструкцию освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа и административную преюдицию из сферы рассуждений о межотраслевой дифференциации ответственности в область рассуждений о внутриотраслевой, уголовно-правовой дифференциации мер правового воздействия. Межотраслевой компонент в этой модели остается лишь в качестве ее историко-правовой предпосылки. Однако именно этот исторический фон и контекст в современных условиях позволяют правильно выстроить оптимальную систему мер и механизм «стыковки» уголовного и административно-деликтного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дуонов В. К.* Реакция государства на противоправное поведение как юридическая ответственность и как правовое воздействие: к теории вопроса // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 6А. С. 96–107.
2. *Хильгендорф Э.* Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1. С. 111–141.
3. *Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А.* Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 59–76.
4. *Капинус О. С.* Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.
5. *Лопашенко Н. А.* Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
6. *Лопашенко Н. А.* Административной преюдиции в уголовном праве - нет! // Вестник Академии Генпрокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 64–71.
7. *Пикуров Н. И.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIV Международ. науч.-практ. конф. Москва : Оригинал-макет, 2017. С. 262–267.
8. *Пикуров Н. И.* Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : матер. IV международ. науч.-практ. конф. Москва : Проспект, 2007. С. 88–93.
9. *Иванчин А. В.* О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ А. И.

*специалист по информационно-аналитической работе
Центра стратегических инициатив — проектного офиса
Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти)*

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРАКТИВНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Незаконная охота, вырубка деревьев или иное правонарушение, посягающее на объекты экологической охраны в своей квалификации как административного проступка или преступления опираются

на довольно инертный показатель — размер причинённого ущерба, выраженного в рублёвом эквиваленте (см.: Таксы и методики исчисления крупного и особого крупного ущерба для целей статьи 258 УК РФ, утв. Постановлением Правительства РФ от 10 июня 2019 г. № 750).

На сегодняшний день техническая оснащённость позволяет государству проводить мониторинг состояния того или иного экологического объекта, определяя:

- изменения площадей незаконной вырубki лесов;
- критические изменения концентраций токсичных/канцерогенных веществ в конкретном участке водоёма, превышения предельно допустимых величин;
- сокращения численности живых организмов их традиционного ареала и др.

Также имеются различные методики расчёта, а также логические основания их математических характеристик — различных такс и коэффициентов, которые обладают открытостью, научной обоснованностью, высокой степенью дискретности в зависимости от количества коэффициентов (напр., Методика исчисления размера вреда, причиненного объектам животного мира, занесенным в Красную книгу РФ, а также иным объектам животного мира, не относящимся к объектам охоты и рыболовства и среде их обитания, утв. Приказом МПР РФ от 28 апреля 2008 г. № 107).

Ухудшение состояния экологического объекта, фиксируемое при мониторинге даёт сигнал к корректировке поправочных коэффициентов. Например, Рослесинфорг с 2016 года начал проводить непрерывный дистанционный мониторинг с воздуха и из космоса, который позволяет оперативно получать достоверную информацию о нарушениях законодательства и масштабах вырубki лесных насаждений в наиболее проблемных лесничествах.

В данной работе мы, безусловно, не предлагаем заниматься корректировкой методик и расчётов, поскольку нас интересует, прежде всего, правопя составляющая проблемы.

Согласно статистическим сведениям Генпрокуратуры в период с января по август 2020 г. в России было выявлено более 15126 экологических преступлений, что составило 1,2% от общего числа преступлений [2, с. 32].

Актуальным и действенным, на наш взгляд, является превентивное направление работы в данной сфере. Важно заниматься экологическим воспитанием и пропагандой. Так, например, существует определенный формат подачи превентивной информации, имеющий

высокую степень запоминаемости и эффективности. Например, формат социальной рекламы, раскрывающей экологические проблемы, последствия и меры ответственности за правонарушения в сфере экологии.

Вполне логичной была бы математическая связь между «условно нормальной» экологической обстановкой, определяемая вполне конкретными числовыми характеристиками, и отклонениями от таковой.

Как это могло бы выглядеть на практике, и как это должно быть связано с экологическим мониторингом?

Например, условно площадь, покрытая карельской сосной в системе карельских лесов, с точки отсчёта — нормали 20** года — сократилась на 15 % из чего следует, что наказание за любые правонарушения, связанные с сокращением площади покрытия карельской сосной (а это не только незаконная рубка, но и поджоги, загрязнение и др.), умножается на числовой коэффициент N, математически привязанный к сокращению в 15%.

Уже данное увеличение применяемых к правонарушителям административных и уголовных наказаний необходимо локально транслировать в социальной рекламе в местах экологических бедствий как строгое предупреждение. Притом система поправок в методики расчёта причинённого экологическим правонарушением ущерба отличаются большей степенью инертности, нежели мониторинг экологического состояния местности.

На сегодняшний день в местах повышенного внимания к экологической обстановке (что чаще связано с бедственным положением для какого-либо организма или локальной экосистемы в целом) обновление информации осуществляется высокими темпами, позволяющими практически в реальном времени констатировать ухудшение экологической обстановки.

Интерактивная составляющая потенциально также могла бы иметь мощнейший психологический эффект превентивного воздействия вследствие нескольких аспектов:

- неотвратимость наказания — каждое изменение числового коэффициента может свидетельствовать о том, что были задержаны и приговорены энное количество преступников;

- из неё же следует интерактивность — то есть соответствие реальному времени вследствие упрощения экологического мониторинга;

- эффект «коллективной ответственности», поскольку следующие группы преступников будут нести повышенную ответствен-

ность при причинении аналогичного ущерба, несущего уже добавочный эффект (например, вырубка первого гектара заповедного леса имеет меньшую общественную опасность, нежели вырубка десятого, поскольку оставляет большие шансы на восстановление — притом, что объём вырубки остаётся прежним — 1 гектар);

- непосредственная связь с экологическим благополучием (устойчивостью) объекта;

- осведомлённость потенциальных преступников, их пособников, членов семей и близких лиц о мерах государственного воздействия, применяемых за совершение экологического правонарушения. Например, в ряде штатов США обеспечена возможность полного доступного осведомления населения о потенциальном наказании за совершение преступления. Используют в ряде штатов США. Каждый гражданин буквально может на онлайн-калькуляторе посчитать, сколько ему грозит за конкретное деяние (напр., Sentencing.us. A free U.S. Federal Sentencing Guidelines calculator. URL: <https://www.sentencing.us>);

- универсальность принципа для широкого круга экологических правонарушений (например, аналогичная вышеупомянутой математическая привязка может быть к концентрации вредных веществ в водоёме — с приближением к предельно допустимым значениям растёт наказуемость деяния).

Цель данной работы — донести саму идею о способе дополнительной защиты экологической безопасности любого государства в рамках общей концепции «интерактивного правосудия» [1].

Безусловно, предложенный вариант помощи в решении сложившейся неблагоприятной экологической ситуации в России в целом требует более тщательной проработки уже в формате полноценного исследования, в частности таких аспектов как:

- точная методика расчёта наказания преступников, не позволяющая выйти за пределы санкции, предусмотренной УК РФ;

- организация трансляции социальной рекламы в ТВ и интернет-пространстве, демонстрирующей регулярный рост строгости наказания;

- юридическая форма государственного императива, адресованного судебному корпусу для изменения наказуемости тех или иных экологических правонарушений, документальное оформление и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петропавловский А. И.* Альтернативная модель назначения уголовного наказания. Компромиссная формализация уголовного судопроизводства : монография. Самара : САМАРАМА, 2018. 123 с.

2. Состояние преступности в России: статистический сборник за январь - август 2020 года / Генпрокураткра РФ. Москва : ГУПСИИТ, 2020. 52 с.

ЦИРИТ О. А.

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

к. ю. н., доцент

ТАТЬЯНИНА А. Н.

магистрант 1 года обучения

Юридического института

Балтийского Федерального университета им. И. Канта

(г. Калининград)

КАТЕГОРИЯ «ПСИХОТРАВМИРУЮЩАЯ СИТУАЦИЯ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В статье 106 УК РФ, по мнению большинства исследователей, присутствуют три самостоятельных состава убийства матерью новорожденного ребенка: 1) во время или сразу после родов; 2) в условиях психотравмирующей ситуации; 3) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Одним из дискуссионных применительно к данному составу преступления является определение понятия «психотравмирующая ситуация».

Так, А. Н. Дубовик отмечает, что «теория уголовного права, законодатель и правоприменительная практика, говоря о психотравмирующей ситуации, вкладывают в это понятие различный смысл, и в связи с этим наличествует множество позиций по данному вопросу. Отсутствие четко регламентированного понятия “психотравмирующая ситуация” приводит к правовым ошибкам, нарушению прав человека» [4, с. 43].

А. В. Наумов предлагает относить психотравмирующую ситуацию к объективной стороне преступления и рассматривать её в качестве обстановки совершения преступления [11, с. 256], однако мы полагаем, что анализ психотравмирующей ситуации при убийстве

матерью новорожденного ребенка дает возможность правоприменителю установить сразу два факультативных признака объективной стороны преступления — время и обстановку.

Ряд исследователей не видят четкого разграничения между психотравмирующей ситуацией и психическим расстройством, не исключающим вменяемости [8, с. 74], а С. В. Бородин считает, что это оценочное понятие [2, с. 215]. Р. А. Изаксон отмечает случаи, когда суд признавал наличие психотравмирующей ситуации, но не указывал, в чем конкретно она состояла [5, с. 63].

Замечание Р. А. Изаксон совершенно справедливо, ибо при анализе судебной практики мы также столкнулись с приговорами, в которых суд не конкретизировал, в чем же состояла психотравмирующая ситуация (Приговор Первомайского районного суда г. Владивосток Приморского края от 07.09.2017 г. по делу № 1-354/2017). В ряде приговоров встречается крайне расплывчатая формулировка: «продолжительное негативное и дискомфортное состояние, сопровождающееся психической напряженностью в сфере семейно-бытовых отношений» (Приговор Приволжского районного суда Ивановской области от 29.09.2016 г. по делу № 1-64/201617).

По мнению О. Погодина и А. Тайбакова, «психотравмирующая ситуация — это своеобразный срыв высшей нервной деятельности» [10, с. 188]. А. Н. Красиков считает, что «психотравмирующая ситуация — это ситуация, складывающаяся постепенно, в результате многократного негативного воздействия на психику матери-убийцы, то есть при накоплении отрицательных эмоций» [7, с. 124]. Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова и Е. Б. Кургузкина полагают, что «ни одна ситуация сама по себе не может выступать как оказывающая негативное воздействие на психику человека — ее можно расценить как психотравмирующую только после тщательного анализа взаимодействия личности и ситуации. Решающее значение приобретает психологическое значение ситуативных воздействий, которое формируется в сознании субъекта» [1, с. 104].

А. С. Лукомская приходит к выводу, что под психотравмирующей «следует понимать определенный набор обстоятельств, создающий препятствия достижению цели и способный оказать воздействие на психическое состояние женщины в виде внешнего и внутреннего конфликта, выраженное конкретным эмоциональным состоянием» [8, с. 77]. И. М. Мухачева отмечает, что психотравмирующая ситуация состоит из двух элементов: объективного, который включает в себя неблагоприятную ситуацию и субъективного, который, в свою очередь, включает в себя восприятие женщиной

неких обстоятельств как психотравмирующих [9, с. 119]. А. Н. Дубовик подчеркивает важность проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы, ибо «та или иная ситуация не может выступать как оказывающая негативное воздействие на психику человека — ее можно расценивать как психотравмирующую только проведя тщательный анализ личности обвиняемой и ситуации» [4, с. 45].

В науке также дискуссионным считается вопрос того, должна ли быть психотравмирующая ситуация связана с процессом родов. Так, например, С. Н. Бычков полагает, что закон их не связывает и считает, что в качестве психотравмирующей ситуации можно расценивать ситуацию, которая совпала по времени с родами, но никак с ними не связанную (например, потерю близких людей, уничтожение имущества и т. д.) [3, с. 92]. В. М. Лебедев и А. В. Бриллиантов, комментируя ст. 106 УК РФ, как и Попов А. Н., выделяют следующие обязательные критерии психотравмирующей ситуации:

- 1) она должна иметь непосредственную связь с беременностью (родами), судьбой матери и ребенка;
- 2) она должна иметь место на момент совершения преступления;
- 3) она признается психотравмирующей обществом, а не только воспринимается как таковая матерью;
- 4) она оказала воздействие на принятие решения об убийстве новорожденного [6, с. 48].

В свою очередь, проведенный нами анализ правоприменительной практики показал, что суды признают психотравмирующей ситуацией:

— самостоятельные роды (Апелляционное Постановление Волгоградского областного суда Волгоградской области от 11.02.2019 г. по делу № 22-347/2019);

— распознавание беременности на поздних сроках и невозможность ее легального прерывания, представление об осуждающей и отвергающей позиции близких, ощущение одиночества, изоляции, а также низкий материальный статус, сомнения в возможности воспитать ребенка без помощи посторонних (Приговор Нововоронежского городского суда Воронежской области от 25.06.2018 г. по делу № 1-66/2018);

— нежелательную беременность и преждевременные роды (Приговор Ленинского районного суда г. Грозный Чеченской Республики от 03.02.2017 г. по делу № 1-24/2017).

Особо хотелось бы отметить, что суд в одном из дел не признал психотравмирующей ситуацию в виде предшествующей болезни и смерти матери осужденной (Апелляционное Постановление

Алтайского краевого суда Алтайского края от 03.05.2018 г. по делу № 22-1714/2018).

Несмотря на то, что рассматриваемый вопрос продолжает оставаться дискуссионным, мы считаем и хотим особо подчеркнуть, что беременность и роды должны быть напрямую связаны с обстоятельствами, вызвавшими психотравмирующую ситуацию, но такая связь необязательна для обстоятельств, ставших причиной психического расстройства, не исключая вменяемости.

Исходя из всего вышеизложенного, считаем возможным предложить следующее определение понятия «психотравмирующая ситуация» применительно к ст. 106 УК РФ. Под психотравмирующей ситуацией следует понимать неблагоприятную ситуацию, которая непосредственно связана с беременностью, родами или судьбой матери и ребенка, оказавшую влияние на принятие решения об убийстве новорожденного ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б.* Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // *Lex Russica*. 2018. № 3 (136). С. 94–114.

2. *Бородин С. В.* Преступления против жизни. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.

3. *Бычков С. Н.* Дискуссионные вопросы квалификации убийства матерью новорождённого ребенка // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017. № 2 (74). С. 90–93.

4. *Дубовик А. С.* Установление психотравмирующей ситуации при убийстве матерью новорожденного ребенка // *Вестник науки и образования*. 2019. № 16 (70). С. 41–45.

5. *Изаксон Р. А.* Проблемы современной регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в России // *Сибирский юридический вестник*. 2018. № 3. С. 61–67.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др. ; отв. ред. В. М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2020. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII-VIII. 371 с.

7. *Красиков А. Н.* Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов, 1999. 219 с.

8. *Лукомская А. С.* Понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011. № 3 (122). С. 74–77.

9. *Мухачева И. М.* Понятие и виды психофизиологического состояния лица, совершившего преступление // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 7 (80). С. 115–123.

10. *Петранис Е. А.* Обстановка совершения преступного деяния в условиях психотравмирующей ситуации как обязательный признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: Междун. науч.-практ. конф. (Минск, 24 января 2018 г.) : тезисы докладов. Минск : Академия МВД, 2018. С. 188—189.

11. *Топчиева О. Д.* Значение эмоциональных состояний субъекта в его поведении // Юридические науки: проблемы и перспективы: матер. IV Междун. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 254—257.

АФАНАСОВА М. С.

*соискатель кафедры уголовного права
Российского государственного университета
правосудия (г. Москва)*

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Как показывает историко-правовой анализ, на всем протяжении развития российского уголовного права в том или ином виде возмещение вреда предусматривалось законом в качестве меры уголовного наказания вплоть до начала действия последнего уголовного закона. Соответственно, логика «виновность — приговор — уголовное наказание» была выдержана достаточно стройно. В наше время система уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ) не содержит такого вида наказания как возмещение вреда. Однако в кодексе появился институт мер уголовно-правового характера, что дает основание для построения иной логической цепочки — «виновность — приговор — меры уголовно-правового характера». В этой связи исследование вопроса о сущности таких мер и соотношении с ними принудительного возмещения вреда является достаточно интересным.

В УК РФ можно выявить три группы норм, в которых содержатся правовые основания для принудительного возмещения:

— ст.ст. 73, 74, 79 УК РФ устанавливают правила о возложении обязанности загладить причиненный вред на условно осужденных лиц и лиц, условно-досрочно освобождаемых от наказания, а также об учете предписанного решением суда возмещения вреда в качестве значимого обстоятельства, учитываемого при отмене, продлении условного осуждения и условно-досрочном освобождении от наказания;

– вторая группа норм (ст.ст. 90, 92 УК РФ) признает заглаживание вреда мерой, применяемой при освобождении несовершеннолетнего от ответственности или от наказания;

– ст. 104.3 УК РФ содержит предписание о приоритетном возмещении вреда потерпевшему в случае применения конфискации имущества, а примыкающий к ней п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ – о возвращении имущества, признанного вещественным доказательством по делу, законному владельцу.

Представляется, что в контексте сказанного возникают два взаимосвязанных вопроса, предполагающие обсуждение самой возможности (невозможности) применения мер уголовно-правового характера при наличии или в зависимости от вины лица и признание возложения обязанности заглаживать причиненный вред собственно мерой уголовно-правового характера. Надо отметить, что несмотря на относительно долгий период существования института мер уголовно-правового характера в действующем законе, теория так и не смогла выработать универсальной, общепризнанной концепции таких мер. Соответственно и мнения в науке по поводу поставленных проблем разнятся.

Так, например, Г. В. Назаренко весьма последовательно и жестко аргументирует мысль о том, что меры уголовно-правового характера могут применяться только к лицам, подлежащим уголовной ответственности в случае совершения ими преступления [1]. Противоположной точки зрения придерживается А. Г. Радаев, доказывающий, что меры уголовно-правового характера включают в себя всю совокупность средств уголовного закона, применяемых к лицам, совершившим как преступления, так и иные общественно опасные деяния [2].

Анализ текста уголовного закона и смежного законодательства (в частности, Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») дает основание полагать, что законодатель весьма широко смотрит на основания применения мер уголовно-правового характера, допуская их назначение как в случае совершения преступления (например, при конфискации имущества), так и в ситуации совершения деяний, не являющихся формально преступлениями (в частности, когда речь идет о мерах медицинского характера, применяемых к невменяемым). Признавая этот факт как данность, оставим в стороне вопросы применения мер уголовно-правового характера за деяния, не содержащие признаки состава преступления. Обратимся только к тем, что следуют в случае совершения преступления. Здесь возникает

иной вопрос: насколько эти меры связаны или predeterminedены виной лица. Если в отношении связи вины и наказания нет никаких сомнений (наказание назначается за вину и predeterminedается степенью вины), то в отношении иных мер уголовно-правового характера не все так однозначно. Ведь если та или иная мера следует в приговоре за преступление и определяется виной лиц, то она по определению не может преследовать иных целей, кроме как цели наказания, и тогда от наказания ничем не отличается.

Наука обратила внимание на это обстоятельство. Так, С. И. Курганов писал, что некоторые меры уголовно-правового характера применяются за совершение преступлений, а иные — «к лицам, совершившим преступление, но не за то, что они совершили преступление, а потому что суд установил определенные обстоятельства, на основании которых пришел к выводу о нецелесообразности реально-го отбывания наказания осужденным» [3, с. 35]. Его поддерживает В. И. Горобцов, который в своих рассуждениях о мерах уголовно-правового характера делает принципиальную оговорку о том, что применительно к некоторым из них необходимо вести речь о том, не за что, а к кому они применяются [4].

Отмечая сложность и глобальный характер задачи построения системы мер уголовно-правового характера и признавая, что ее решение выходит далеко за пределы представленной статьи, позволю себе в рамках ограниченного предмета высказать все же несколько тезисов, которые, как видится автору, могут оптимизировать теоретические представления о такой системе и вписать в нее меры, связанные с возмещением или заглаживанием вреда, причиненного преступлением:

1) меры уголовно-правового характера должны включать в себя уголовное наказание (как публичную карательную меру, социальным основанием применения которой выступает степень вины субъекта преступления) и иные меры, имеющие в своем основании потребность в решении иных, кроме кары, задач уголовного права, в том числе задачи, связанные с возмещением или заглаживанием вреда от преступления;

2) применение мер уголовно-правового характера (в том числе возмещения или заглаживания вреда) должно быть подтверждено силой и авторитетом государства, то есть иметь принудительный механизм назначения, исполнения и ответственности за неисполнение (для этих целей допустимо сконструировать в Особенной части УК РФ состав преступления, объективную сторону которого будут составлять альтернативные деяния, связанные с неисполнением на-

значенных по приговору суда мер уголовно-правового характера, либо сформулировать в Общей части УК РФ правило о замене таких мер наказанием либо иными мерами воздействия);

3) применение меры уголовно-правового характера в виде возмещения или заглаживания вреда должно позиционировать как право суда. Оно будет существенным образом дополнять имеющиеся варианты компенсации. Общая схема при этом видится следующим образом: а) при добровольном возмещении или заглаживании вреда потерпевшему со стороны лица, совершившего преступление, государство отказывается от своего права реализации уголовного наказания, не признает такое лицо виновным и освобождает его от ответственности; б) при отсутствии добровольного возмещения или заглаживания вреда, государство может применить институт условного осуждения или освобождения от отбывания наказания с возложением соответствующей обязанности, тем самым стимулируя и обязывая преступника возместить вред; в) при отсутствии оснований для освобождения от ответственности или от наказания, государство наряду с назначением и исполнением наказания, назначает такую меру уголовно-правового характера, как возмещение или заглаживание вреда, причиненного преступлением;

4) различные варианты нормативного регулирования вопросов возмещения вреда в уголовном праве будут отражать идею дифференциации уголовно-правового воздействия и коррелировать с различной оценкой характера и степени общественной опасности преступления, личностью виновного и обстоятельствам совершения преступления;

5) исполнение меры уголовно-правового характера в виде возмещения или заглаживания вреда должно мыслиться приоритетным действием по отношению к исполнению уголовных наказаний или иных мер воздействия. В этой связи правило, предусмотренное ст. 104.3 УК РФ о том, что в процессе конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда потерпевшему, должно быть сохранено;

6) мера уголовно-правового характера в виде возмещения или заглаживания вреда как мера публичной ответственности должна применяться только при доказанности вины лица, совершившего преступление, в случае же освобождения такого лица от ответственности по основаниям, не связанным с возмещением вреда, или же в случае непривлечения его к ответственности (например, в силу невыемкости или недостижения возраста уголовной ответственности) вопросы реституции не должны регулироваться в уголовном

праве, но могут быть и должны быть решены в порядке гражданского судопроизводства;

В качестве меры уголовно-правового характера возмещение или заглаживание вреда, причиненного преступлением, должно иметь четкие содержательные параметры.

Прежде всего, надо отметить, что применению этой меры должно предшествовать максимально полное установление на этапе предварительного расследования вида и размера вреда, причиненного потерпевшему.

Далее, надо признать, что соответствующая потенциально возможная мера уголовно-правового характера должна предполагать:

а) возможность возмещения не только прямого имущественного ущерба от преступления, но и иных последствий, которые могут иметь стоимостное выражение, включая упущенную выгоду, расходы на лечение, моральный вред;

б) возможность не только полного, но и частичного возмещения вреда, что должно определяться конкретными обстоятельствами дела, включая смягчающие обстоятельства, личностью виновного, поведением потерпевшего и другими факторами, традиционно учитываемыми при индивидуализации наказания и определении объема возмещения;

в) назначение только лицу, виновному в совершении преступления, но с возможностью исполнения этой меры за него иными лицами, например, родителями несовершеннолетнего, или иными лицами, либо обязанными в силу закона, либо изъявившими желание компенсировать причиненный вред, что оправдывается общей идеей «разведения» наказания «за вину» и иных мер уголовно-правового характера [5];

г) самые различные формы возмещения или заглаживания вреда (передачу предмета, аналогичного утраченному в результате преступления, иного предмета, получение которого потерпевший считает достойной компенсацией вреда, денежную компенсацию вреда в соответствии с экспертной оценкой размера вреда или по согласованию сторон, устранение повреждений имущества и т. п.);

д) установление срока, в течение которого обязанность по возмещению или заглаживанию вреда должна быть исполнена [6; 7, с. 10; 8, с. 18].

Представленная модель решения вопроса относительно принудительного возмещения вреда потерпевшему со стороны лица, виновного в совершении преступления, как представляется, будет способствовать укреплению восстановительной парадигмы российского

уголовного права и при этом не внесет в его систему положений, не совместимых с фундаментальными положениями отрасли и многовековым опытом ее социального функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Назаренко Г. В.* Меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Матер. 7-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва : Проспект, 2010. С. 264–266.
2. *Радаев А. Г.* О категории «меры уголовно-правового характера» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : Матер. 8-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва : Проспект, 2011. С. 320–321.
3. *Курганов С. И.* Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. Москва : Проспект, 2008.
4. *Горобцов В. И.* О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск : Изд. СибЮИ МВД России, 2001. С. 35–36.
5. *Антонян Е. А.* Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica. 2018. № 9. С. 115–116.
6. *Щепельков В. Ф.* Конструирование и применение норм об уголовной ответственности несовершеннолетних // Правоведение. 2003. № 4. С. 128–135.
7. *Бурлака С. А.* Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005.
8. *Носков О. С.* Принудительные меры воспитательного воздействия: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

ЧЕМЕРИНСКИЙ К. В.

*доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Северо-Кавказского Федерального университета (филиал в г. Пятигорске),
к. ю. н., доцент (г. Пятигорск)*

СИСТЕМА ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ПЕРСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Вопрос о понимании, системе и содержании мер уголовно-правового воздействия не получил окончательного разрешения ни в уголовном законодательстве России, ни в отечественной уголовно-правовой доктрине, несмотря на пристальный интерес к этой проблеме. Анализ современного уголовного законодательства позволяет заключить, что в систему мер уголовно-правового воздействия на-

ряду с наказанием включаются иные меры уголовно-правового характера.

УК РФ не раскрывает понятия, признаков, системы, юридической сущности иных мер уголовно-правового характера. Из содержания ст. 2 УК РФ, вытекает, что эти меры являются средствами уголовно-правового принуждения, применяемыми за совершение преступлений, имеющими самостоятельное, отличное от уголовного наказания, значение в системе уголовно-правового воздействия. Главное отличие иных мер уголовно-правового характера от наказания, по нашему мнению, заключается в специфическом, не карательном характере их принудительного воздействия. Некарательную сущность рассматриваемых мер подчеркивают и иные авторы [1, с. 15].

Иные меры уголовно-правового характера, по нашему мнению, можно определить как меры уголовно-правового принуждения, применяемые за совершение преступлений либо общественно опасных деяний, не являющихся преступлениями, заключающиеся в некарательном воздействии, дополняющие либо заменяющие наказание, имеющие собственные цели и основания применения, не порождающие судимости [2, с. 177].

К числу признаков иных мер уголовно-правового характера следует отнести: 1) уголовно-правовой характер этих мер, т.е. регламентация в УК РФ; 2) принудительность; 3) основанием их применения является совершение общественно опасного деяния, в том числе, преступления; 4) отличная от уголовного наказания природа, в том числе, некарательный характер; 5) специфические цели и правовые последствия.

Отмеченное, позволяет признать неверной позицию законодателя, который Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» дополнил УК РФ статьей 76.2 и главой 15.2, введя в уголовный закон ранее не известную категорию «судебный штраф».

Поместив главу 15.2 УК РФ в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» законодатель отметил различие юридической природы судебного штрафа, являющегося иной мерой уголовно-правового характера, и штрафа как вида уголовного наказания.

Анализ предписаний главы 15.2 УК РФ позволяет сделать вывод, что принципиальное отличие от судебного штрафа от схожего с ним по названию вида наказания заключается в том, что судебный штраф:

1) назначается не приговором, а постановлением или определением суда;

- 2) не порождает судимость;
- 3) не имеет регламентированного нижнего предела.

В то же время, у анализируемых мер уголовно-правового характера имеются и общие черты:

- 1) личный характер;
- 2) принудительность;
- 3) основанием их применения является совершение преступления;
- 4) схожие по характеру правоограничения (в обоих случаях представляет собой денежное взыскание);
- 5) судебный порядок назначения.

Схожий характер правоограничений указанных мер позволяет утверждать о наличии карательной сущности у судебного штрафа, что не соответствует юридической природе данной меры уголовно-правового характера.

Необходимо отметить, что закон, которым УК РФ был дополнен судебным штрафом, явился результатом законотворческой инициативы Верховного Суда РФ, предложившего 31 июля 2015 г. Постановлением Пленума № 37 внесение в Государственную Думу РФ проекта № 953369-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Указанным законопроектом предлагалось дополнить УК РФ ст. 76.2, предусматривающей новый вид освобождения от уголовной ответственности — в связи с применением иных мер уголовно-правового характера, а раздел VI УК РФ дополнить главой 15.2, регламентирующей виды и порядок применения данных мер.

Согласно проектной главе 15.2 «Меры уголовно-правового характера, применяемые при освобождении от уголовной ответственности» к видам этих мер относились: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы и исправительные работы. В пояснительной записке к законопроекту указывалось: «В качестве иных мер уголовно-правового характера предлагается применять некоторые виды наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества...». Таким образом, разработчики законопроекта даже подчеркивали, что к числу иных мер уголовно-правового характера ими предлагается отнести некоторые виды наказаний, что не просто не соответствует юридической природе рассматриваемых мер, но и способно окончательно стереть грань, разделяющую наказание и данные меры.

Очевидно, под гнетом критики законопроекта законодатель в окончательной редакции принятого закона отказался от введения наряду со штрафом иных видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в частности, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, в качестве «иных мер уголовно-правового характера» в главе 15.2 УК РФ. Однако, стремление Верховного Суда РФ дополнить главу 15.2 УК РФ иными помимо судебного штрафа мерами уголовно-правового характера не исчезло.

Так, Пленум Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г. принял Постановление № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”».

Как следует из пояснительной записки к законопроекту, его концепция обосновывается стремлением к дальнейшей гуманизации уголовного законодательства путем дифференциации уголовной ответственности за совершение деяний, характеризующихся «минимальной» общественной опасностью в пределах категории преступлений небольшой тяжести. Реализация данной концепции предполагает в отношении лиц, осужденных за совершение уголовного проступка, сокращение срока, по отбытии которого возможно условно-досрочное освобождение от наказания, а также срока давности обвинительного приговора суда (п.п. 4 и 5 ст. 1 законопроекта), сокращение продолжительности срока давности уголовного преследования (п. 3 ст. 1 законопроекта), императивное по своей правовой природе освобождение от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера для лиц совершивших проступок впервые. Одновременно разработчики законопроекта предложили расширить перечень иных мер уголовно-правового характера, предусмотренный ст. 76.2 УК РФ, за счет мер, «сходных с некоторыми видами наказаний», не связанных с изоляцией осужденного от общества, а именно: обязательные работы и исправительные работы (п.п. 2 и 8 ст. 1 законопроекта). Не затрагивая вопроса о целесообразности введения такой категории как «уголовный проступок», хотелось бы остановить внимание на анализе предлагавшихся высшей судебной инстанцией страны «новых» мерах уголовно-правового характера.

Нормативное описание обязательных и исправительных работ в проектируемых ст.ст. 104.6 и 104.7 УК РФ рассматриваемого законопроекта дает основание для вывода, что принципиальное отличие

этих мер уголовно-правового характера от одноименных видов наказаний заключается в том, что они: 1) назначаются не приговором, а постановлением или определением суда; 2) не порождают судимость.

Одновременно, следует отметить и наличие общих черт у анализируемых мер и соответствующих уголовных наказаний: 1) имеют личный характер; 2) носят принудительный характер; 3) являются следствием совершения преступления; 4) заключаются в схожих правоограничениях; 5) назначаются судом.

Представляется, что отмеченное сходство обязательных и исправительных работ как иных мер уголовно-правового характера и соответствующих уголовных наказаний, позволяет утверждать о наличии карательной сущности у предлагаемых законопроектом мер. Соответственно, введение указанных иных мер уголовно-правового характера не соответствует юридической природе института иных мер уголовно-правового характера.

Предложенный Верховным Судом РФ законопроект так и не воплотился в закон, а в октябре 2020 года был отозван субъектом законодательной инициативы. Одновременно, вместо отозванного высшая судебная инстанция предложила другой его вариант. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 был предложен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

Не вдаваясь в анализ предписаний законопроекта, регламентирующих категорию «уголовный проступок», следует отметить, что принципиальных отличий в рассматриваемом в данной статье аспекте указанный документ не содержит. Следует отметить, лишь то, что название «обязательные работы» как иной меры уголовно-правового характера заменено на «общественные работы», «исправительные работы» — на «ограниченно оплачиваемые работы» (ст.ст. 104.6 и 104.7 законопроекта), правовая сущность, содержание, основания применения и правовые последствия применения данных мер, остались, практически, теми же.

Как и в предыдущем случае, анализ положений законопроекта позволяет прийти к выводу о карательной сущности предлагающихся Верховным Судом РФ общественных и ограниченно оплачиваемых работ, что не может быть поддержано в связи с несоответствием их правовой сущности как иных мер уголовно-правового характера.

Таким образом, настойчивое стремление Верховного Суда РФ расширить перечень иных мер уголовно-правового характера за счет

введения обязательных (общественных) или исправительных (ограниченно оплачиваемых) работ, представляется нерациональным, поскольку их введение дополнительно затруднит понимание юридической природы института иных мер уголовно-правового характера и «размоет» грань, разделяющую данные меры с уголовным наказанием.

Следует констатировать, что на современном этапе развития отечественного уголовного законодательства, институт иных мер уголовно-правового характера не приобрел системного, цельного характера (что можно сказать и про иные институты уголовного права, к примеру, множественность преступлений), однако, представляется, что данный институт обладает большим потенциалом. Так, предусмотрев в ст. 72.1 УК РФ, возможность возложения на лицо, признанное больным наркоманией, обязанности пройти лечение от данного заболевания и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, законодатель оставил открытым вопрос о юридической сущности данной обязанности, поскольку современным уголовным законодательством не предусмотрены принудительные меры медицинского характера в отношении лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией.

Нуждаются, по нашему мнению, в теоретическом осмыслении и нормативном закреплении в УК РФ предписания Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» о принудительном помещении в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, совершивших общественно опасное деяние и не подлежащих уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Представляется, что указанные меры носят уголовно-правовой характер и образуют самостоятельную разновидность мер воспитательного воздействия, являющихся подструктурой иных мер уголовно-правового характера.

Указанное, свидетельствует об актуальности вопроса совершенствования института иных мер уголовно-правового характера и придания ему системного вида в рамках уголовного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.
2. Чемеринский К. В. Иные меры уголовно-правового характера: проблемы понимания, перспективы развития // Научный вестник «Магистр». 2016. № 1(20). С. 174–179.

РАЗДЕЛ 4
ФЕНОМЕН УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
КАК РЕАКЦИИ ГОСУДАРСТВА
НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ИНСТРУМЕНТА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ДЕНИСОВА А. В.

*главный научный сотрудник Отдела научного обеспечения
прокурорского надзора и укрепления законности
в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний
и иных мер уголовно-правового характера
НИИ Университета прокуратуры РФ,
юрист 3 класса, д. ю. н., доцент (г. Москва)*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
И ЦЕЛИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Российское уголовное право является специфическим инструментом управления обществом, оно регламентирует действия, поведение участников общественных отношений, определяет их права и обязанности, а также последствия несоблюдения уголовно-правовых запретов. Действие уголовно-правовой отрасли выражается в том, что поведение людей регулируется в соответствии с волей государства, что находит свое отражение в статистических данных, характеризующих показатели преступности, в т. ч. коэффициенты преступной интенсивности, преступной активности и динамика преступности, темпы ее прироста или сокращения.

Однако результаты функционирования российского уголовного права как регулятора общественных отношений выражаются не только в поведении их участников. В частности, в качестве результатов действия отрасли могут рассматриваться: правопорядок в российском государстве как состояние общественных отношений, при котором обеспечивается соблюдение правовых норм и поведение подавляющего большинства участников социального общения является правомерным; состояние правовой культуры и иных социальных ценностей и интересов. На наш взгляд, представляется возможным вклю-

чить вышеперечисленные результаты функционирования уголовно-правовой отрасли в содержание понятия «уголовно-правовое воздействие». По нашему мнению, данный термин характеризует не только действие, влияние отрасли уголовного права на общественные отношения, но и включает в себя результаты такого влияния. Отметим, что традиционно данный термин трактуется широко в специальной литературе: он включает в себя и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику и все, что с ними связано [1, с. 7]. Уголовно-правовое воздействие определяется и как специальная деятельность государства по защите наиболее важных для общества отношений от преступных посягательств [2, с. 28], при чем указывается, что соответствующая деятельность характеризуется не только применением уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, но и включает в себя уголовно-правовое воспитание, уголовно-правовую идеологию, направленные на формирование в обществе должного уровня правосознания, не допускающего общественно опасного поведения [3, с. 8, 15, 29]. Логично предположить, что и результаты соответствующей деятельности должны быть включены в содержание уголовно-правового воздействия, ибо в русском языке возможно выражение и деяний и их последствий одним и тем же термином (например, причинение тяжкого вреда здоровью, причинение имущественного ущерба и т. п.). Более и сам термин «воздействие» в ряде словарей объясняется и как действие, направленное на систему и определяющее ее переход от одного состояния к другому, изменяющее ее качество в том или ином направлении; и как результат указанного действия [4, с. 52]. То есть уголовно-правовое воздействие необходимо рассматривать не только как определенный процесс, но и как совокупность достигнутых при этом результатов. При таком подходе на первый план выходят практическое содержание уголовно-правового воздействия и те изменения, которые оно повлекло за собой в социальной действительности и правовой системе, т. е. социальные и правовые последствия функционирования отрасли уголовного права.

Под социальными последствиями принято понимать системные изменения общественных отношений в результате комплексной реализации системообразующих элементов отрасли уголовного права (уголовно-правовых норм, институтов и уголовно-правовых отношений) с учетом влияния внешней среды. К ним относятся: динамика преступности, изменение качества жизни населения, удовлетворенность/неудовлетворенность социальных ожиданий, иные социально-экономические изменения в обществе. Так, в 2016 году в систему

российского уголовного права были введены новые нормы о судебном штрафе, которые в результате их активного применения на практике повлекли за собой изменения не только в показателях состояния судимости в России, но и в структуре наполняемости федерального бюджета. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2017 году 11 926 уголовных дел было прекращено в связи с назначением судебного штрафа; через два года количество таких дел увеличилось практически в пять раз — до 52 461.

Правовые последствия функционирования российского уголовного права заключаются в изменениях ее элементов (установлении, изменении или отмене уголовно-правовых норм и институтов, возникновении, изменении или прекращении уголовно-правовых отношений); в появлении правовых оснований для генезиса иноотраслевых правовых норм и институтов, правоотношений, для совершения юридически значимых действий, а также для реального действия иноотраслевых правовых актов. Так, введение в уголовное законодательство статей о судебном штрафе повлекло за собой расширение содержания правового института иных мер уголовно-правового характера и обусловило разработку новых уголовно-правовых норм и институтов (в настоящее время Верховным Судом РФ разрабатывается проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»). Кроме того, были внесены изменения в бюджетное и уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующие основания и порядок зачисления судебных штрафов, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации, в федеральный бюджет (Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам, связанным с зачислением денежных взысканий (штрафов) в соответствующие бюджеты Российской Федерации» и новая редакция части 9 статьи 46 Бюджетного кодекса Российской Федерации). Отметим, что правовые последствия функционирования российского уголовного права это не только вызванные данной отраслью права точечные изменения в правовых явлениях, но и более обширные правовые трансформации, которые в совокупности с дополнительными качествами регулируемых объектов или обстоятельствами внешней среды приводят к появлению новых характеристик у национальной правовой системы.

Совокупность полученных в результате уголовно-правового воздействия результатов (и социальных, и правовых последствий) ука-

зывает на эффективность (или неэффективность) функционирования данной отрасли права. Под отраслевой эффективностью мы предлагаем понимать соотношение между фактическими результатами ее действия и теми целями, которые поставлены государством перед уголовным правом.

В отличие от задач цели уголовного права не закреплены нормативно, поэтому до определения эффективности уголовно-правового воздействия необходимо установить содержание отраслевых целей и их соотношение с задачами уголовного права. Так, согласно словарю русского языка, цель — «это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить», а задача — «это то, что требует исполнения, разрешения» [5, с. 206, 870]. В философском энциклопедическом словаре «цель» определяется одним из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств [6, с. 731]. В психологии термин «цель» используется, по сути, в том же понимании, лишь немного уточненном, учитывая предмет данной науки. Так, согласно определению, данным в ряде психологических словарей, как советского периода, так и современных, «цель — осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека», а «задача» — это данная в определенных условиях (например, в проблемной ситуации) цель деятельности, которая должна быть достигнута преобразованием этих условий согласно определенной процедуре» [7, с. 138, 583]. Таким образом, в отечественной психологической теории деятельности представления о соотношении понятий «цель» и «задача» заключаются в следующем: деятельность может быть описана как система сменяющих друг друга действий; при реализации деятельности ее цель «как бы разворачивается в систему частных задач, каждая из которых реализуется путем выполнения отдельного действия» [8, с. 254]. Цель при осуществлении деятельности конкретизируется в задачу, т. е. «задача — это и есть цель, данная в определенных условиях» [9, с. 107]. Применительно к правовой действительности можно сделать вывод о том, что цель отрасли права — это мыслимый результат определенной юридической и иной деятельности в определенной сфере, ожидаемый результат функционирования соответствующей отрасли, реализации ее норм. Достижение цели предполагает последовательное решение ряда взаимосвязанных задач, стоящих перед отраслью права — проблем, требующих разрешения; задачи, таким образом, выступают в качестве промежуточных целей отраслей права.

По мнению опрошенных нами специалистов в области уголовного права, 46% из них считают, что главной целью российского уголовного права следует признать обеспечение уголовно-правовыми средствами безопасного сосуществования людей в обществе; 37,5% — поддержание правопорядка в стране; а еще 14% респондентов полагают, что обе вышеуказанные цели в равной степени характерны для исследуемой отрасли права. 7,5% опрошенных специалистов определяют главную отраслевую цель как разрешение социальных конфликтов, и 2% респондентов приводят иные варианты — предупреждение преступлений; исправление осужденных; восстановление социальной справедливости и прав потерпевших; охрана общественных отношений; регулирование общественных отношений; соблюдение прав и законных интересов человека и гражданина; поддержание целостности государства; укрепление авторитета государственной власти; объединение государства и гражданского общества в борьбе с преступностью и пр. [10, с. 36]. Представляется, что, называя иные варианты отраслевых целей, респонденты, как правило, отождествляли понятия целей, задач и функций российского уголовного права либо сводили цели отрасли к общей обязанности государства по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина либо к целям уголовного наказания и иных уголовно-правовых институтов, что представляется некорректным. Поэтому мы признаем главными отраслевыми целями российского уголовного права лишь два социальных запроса - обеспечение уголовно-правовыми средствами безопасного сосуществования людей в обществе, а также поддержание правопорядка в стране.

Если признавать фактическим результатом действия отрасли уголовного те статистические данные, которые отражают показатели российской преступности, то следует признать исследуемую отрасль права весьма эффективной. Так, по данным Главного управления правовой статистики Генпрокуратуры РФ, динамика преступности несколько лет подряд (с 2015 по 2018 гг.) показывала отрицательный прирост, по количеству осужденных на 100 тыс. чел. населения в «международном рейтинге» Россия стабильно занимает четвертое место. Однако, по мнению криминологов, в России совершается преступлений в несколько раз больше, чем регистрируется, число обращений граждан в правоохранительные органы за последние годы возросло на 10 млн, ежегодный прирост количества соответствующих заявлений граждан составляет порядка 1 млн.

Таким образом, чтобы с необходимой достоверностью выяснить в какой мере уголовное право поддерживает правопорядок в

стране, а также обеспечивает безопасное сосуществование людей в обществе, необходимо совершенствование криминологического «инструментария», способного достаточно объективно установить фактические результаты уголовно-правового воздействия, социальные и правовые последствия действия российского уголовного права. Нужен новый криминологический анализ сложившейся ситуации, разработка методологии его составления. Отдельно по регионам и в целом по стране. Так, представляется возможным в каждом субъекта РФ создать экспертный совет криминологов и организовать с их стороны постоянный анализ (своего рода мониторинг) работы региональных правоохранительных органов не только по официальным данным правовой статистики, но и по результатам социальных опросов среди населения, экономическим показателям и т. д. Именно по этой оценке, а не по статистике было бы правильным принимать решения об эффективности/неэффективности уголовно-правового воздействия на конкретной территории и в целом по стране и корректировать проводимую государством уголовную политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лопашенко Н. А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. Санкт-Петербург, 2004.
2. *Дуюнов В. К.* Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Москва, 2003.
3. *Бавсун М. В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014.
4. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. Москва, 2003.
5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, 1990.
6. Философский энциклопедический словарь. Москва, 1989.
7. Психологический словарь / под общ. ред. Ю. Л. Неймера. Ростов н/Д, 2003.
8. *Ломов Б. Ф.* Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. Москва, 1991.
9. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. Москва, 1975.
10. *Денисова А. В.* Системность российского уголовного права. Москва, 2018.

ПОДРОЙКИНА И. А.

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ростовского филиала Российской таможенной академии,
д. ю. н., доцент (г. Ростов-на-Дону)*

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В теории на протяжении уже достаточно длительного периода обсуждается проблема разработки оптимальной модели противодействия преступности уголовно-правовыми средствами. Изначально акцент делался на поиск альтернатив лишению свободы, так как, несмотря на принятие в 1996 году нового Уголовного кодекса, и включение в него обширного перечня наказаний, тем не менее, статистика ряда лет демонстрировала упорное нежелание правоприменителя использовать в качестве меры воздействия на осужденного ничего кроме лишения свободы и условного осуждения. Постепенно ситуация менялась и наряду с лишением свободы стали использоваться такие наказания, как штраф, исправительные работы и обязательные работы. Причем в последние годы в числе наказаний, альтернативных лишению свободы, на практике доминирующее положение заняли обязательные работы, что связано с тем, что они стали широко использоваться при осуждении по составам преступлений с административной преюдицией. Преодолев проблему необоснованно широкого использования в качестве наказания лишения свободы, переизбытка лиц, находящихся в местах лишения свободы, на повестку дня вышла проблема поиска иных, помимо наказания, способов воздействия на лиц, совершивших преступления, не связанных с осуждением и наказанием.

В. В. Хилюта пишет по этому поводу: «Ослабление государства посредством модернизации его функций указывает лишь на смещение приоритетов, трансформацию рычагов влияния и полное отделение правосудия от государства. В конечном счете это отражается и на понятии “наказание”, о неэффективности которого уже долгое время говорят и ведут научный дискурс... У наказания нет будущего в новой постиндустриальной - цифровой эре, его следует модернизировать. И вот здесь возникает вопрос: каким образом?» [1, с. 138]. И хотя согласиться с представленной позицией относительно отсутствия будущего у наказания достаточно сложно, так как отказаться от него совсем в ближайшие десятилетия вряд ли получится, но в том, что оно должно быть реформировано с учетом потребностей

современного цифрового общества, и что пришло время смещения акцента с наказания на иные способы воздействия на осужденного, тут, конечно, не поспоришь.

Те изменения уголовного закона, которые происходят в последнее время — увеличение количества видов освобождения от наказания и от уголовной ответственности, дополнение УК такими иными мерами уголовно-правового характера как конфискация имущества и судебный штраф, включение в УК целого ряда составов преступлений с административной преюдицией, свидетельствуют о том, что законодатель интуитивно ищет новые способы реакции на преступное поведение, уходя от классической фабулы «за преступлением всегда следует наказание». В связи с этим сегодня особенно актуальными видятся попытки исследователей разработать иную, альтернативную наказанию, систему мер воздействия на осужденного. Поэтому и проблема понимания уголовно-правового воздействия, его содержания выдвигается на первый план.

Изучение значительного числа источников показало, что в теории уголовного права нет единства в использовании различной терминологии. В Уголовном кодексе говорится о наказании, иных мерах уголовно-правового характера, уголовной ответственности (при этом детальную регламентацию получило только наказание). В литературе, кроме названных, в последнее время все чаще сталкиваемся еще и с таким термином, как «уголовно-правовое воздействие», при этом нередко уголовно-правовое воздействие ассоциируется с наказанием, с мерами уголовной ответственности, с мерами уголовно-правового характера. В одной из работ авторы вообще предлагают термин «меры уголовно-правового характера» заменить на более подходящее, по их мнению, терминологическое сочетание «уголовно-правовое воздействие» [2, с. 13].

Вместе с тем существуют и ученые, вкладывающие в исследуемое понятие более широкое содержание. Так, А. Т. Байсеитова под уголовно-правовым воздействием предлагает понимать реакцию государства на общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в целях обеспечения личной, общественной и государственной безопасности, а также ресоциализации лиц, осужденных к лишению свободы. Оно, по ее мнению, включает наказание, иные меры уголовно-правового воздействия (условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания, отсрочку отбывания наказания и др.), освобождение от наказания [3, с. 6].

В. К. Дуюнов считает, что «уголовно-правовое воздействие есть целенаправленное карательно-воспитательно-превентивное воздействие

на лиц, совершивших преступление, и превентивное воздействие на т. н. “неустойчивых” граждан в целях утверждения социальной справедливости, укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, а также воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и других законов». По его мнению, «уголовно-правовое воздействие может выражаться как в форме привлечения виновного к уголовной ответственности, так и в форме освобождения его от таковой... Оно может иметь место и вне конкретных актов совершения преступления. Государство начинает свое противодействие общественно опасным деяниям соответствующих видов... уже с момента принятия и вступления в силу уголовно-правовой нормы... С момента вступления в силу уголовно-правовая норма оказывает на потенциальных правонарушителей определенное карательное, воспитательное и предупредительное уголовно-правовое воздействие» [4, с. 36–37].

Сходное по содержанию понятие дает и Ф. К. Набиуллин — «это реализация в отношении лиц, совершивших преступление, уголовной ответственности путем применения наказания или некарательных мер уголовно-правового характера. Оно также может реализовываться на основе применения некарательных мер вне рамок уголовной ответственности. В более широком смысле уголовно-правовое воздействие включает в себя и предупредительное воздействие уголовного закона в целом». Уголовно-правовое воздействие может осуществляться на основе: «1) реализации предупредительной задачи уголовного законодательства, выражающейся в недопущении совершения преступлений; 2) применения наказаний, то есть карательных средств; 3) применения некарательных мер уголовно-правового характера и 4) применения других некарательных мер, то есть тех мер, через которые не реализуется уголовная ответственность» [5, с. 9].

М. В. Бавсун определяет уголовно-правовое воздействие «как основанную на официально-властном волеизъявлении систему закрепленных в уголовном законе мер, необходимых для обеспечения охраны интересов государства, общества и личности от общественно опасных посягательств» [6, с. 29], а в его систему включает информационно-правовые, карательные, воспитательные средства, а также меры безопасности.

«Учитывая, что “воздействовать” — это значит действовать в отношении чего-то, кого-то, “влиять” на это, то уголовно-правовое воздействие можно представить как специальную деятельность государства, общества и отдельных граждан в сфере противодействия преступности посредством использования возможностей и средств,

закрепленных в уголовном законе, составляющих в своей совокупности механизм уголовно-правовой борьбы (противодействия) с преступностью» [7, с. 30], — пишет Ю. В. Трунцевский. К первой группе мер уголовно-правового воздействия им отнесены меры предупреждения преступлений: добровольный отказ, уголовная ответственность за преступления с двойной превенцией; принудительные меры медицинского характера, профилактика, социальная адаптация лиц, отбывших наказание; минимизация последствий. Вторая группа включает меры пресечения: путем причинения вреда в состоянии необходимой обороны или при задержании лица, совершившего преступление, пресечение при неоконченном преступлении, добровольное сообщение. Третью группу образуют меры реализации уголовной ответственности, которая включает наказание, осуждение без назначения наказания или без его отбывания.

А. П. Фирсова уголовно-правовое воздействие определяет «как целенаправленную активную деятельность государства, заключающуюся в основанном на уголовном законе принуждающем влиянии посредством лишения либо ограничения прав и свобод лица, совершившего общественно опасное деяние» [8, с. 9, 36–37]. Она выделяет пять форм реализации уголовно-правового воздействия, отличающихся интенсивностью оказываемого государственного принуждения: 1) наказание; 2) без назначения наказания; 3) условное осуждение; 4) освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия; 5) применение принудительных мер медицинского характера.

Весьма широко определяет уголовно-правовое воздействие Н. А. Лопашенко. По ее мнению, уголовно-правовая доктрина, уголовное право как отрасль права, уголовная политика, уголовный закон образуют единый и очень сложный механизм уголовно-правового воздействия на преступность и своеобразную систему компонентов такого воздействия. Влияние некоторых из названных звеньев (уголовно-правовая доктрина) на преступность опосредованно; влияние других — прямое и непосредственное. Однако изменение отдельных звеньев неизбежно влечет изменение и всей системы уголовно-правового воздействия [9, с. 84].

Не углубляясь более в дискуссию относительно понимания уголовно-правового воздействия, в силу ограниченности объема статьи, отметим лишь свою солидарность с теми авторами, которые предлагают понимать уголовно-правовое воздействие как реакцию государства на совершенное преступление. В частности, весьма убедительной видится концепция уголовно-правового воздействия, предло-

женная В. К. Дуюновым, и достаточно полно представленная в одной из его работ [10]. По его мнению, такая система может состоять из двух подсистем — первая будет включать различные варианты освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также само наказание, а вторая — систему мер безопасности, к которой могут быть отнесены принудительные меры медицинского характера и иные меры безопасности, имеющие некарательную сущность. В основу построения системы мер уголовно-правового воздействия автор закладывает идею о необходимости смещения приоритетов с наказания на иные средства уголовно-правового воздействия на преступность, которые включают различные варианты освобождения от уголовной ответственности и наказания, условное осуждение и др.

В целом, оценивая данную концепцию положительно, вместе с тем, вызывает возражение привязка автора и специфическое понимание им термина «кара», признание ее сущностью и целью правового воздействия. Думается, современный законодатель не случайно отказался от понимания наказания как кары, подчеркивая, что это мера государственного принуждения, заключающаяся в определенных лишениях и ограничениях прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления. Более того, указал в ч. 2 ст. 7 УК, что наказание и иные меры уголовно-правового характера ... не могут иметь своей целью причинение физических страданий...

Полагаем, что как бы современные исследователи не пытались интерпретировать понимание кары, все равно она ассоциируется, и будет ассоциироваться у большей части населения с воздаянием, возмездием, причинением страданий. На фоне необходимости разработки новой концепции уголовно-правового воздействия со смещением акцентов с наказания на иные меры, своевременным и соответствующим тенденциям новейшего времени видится отказ от использования термина «кара» не только на уровне закона, но и в теории уголовного права (хотя, признаем, что полный отказ вряд ли возможен, однако возможен отказ от придания ей некоего определяющего значения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Хилота В. В. Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности // Российский журнал правовых исследований. 2019. Том 6. № 3 (20). С. 138—147.
2. Уголовно-правовое воздействие : монография / Н. А. Есаков [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. Москва, 2012.
3. Байсеитова А. Т. Проблемы систематизации мер уголовно-правового воздействия по законодательству Республики Казахстан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2014.

4. *Дуюнов В. К.* Механизм уголовно-правового воздействия : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001.
5. *Набиуллин Ф. К.* Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое предназначение : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.
6. *Бавсун М. В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. Омск, 2014.
7. *Трунцевский Ю. В.* Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 29–32.
8. *Фирсова А. П.* Объект уголовно-правового воздействия : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008.
9. *Лопашенко Н. А.* Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019.
10. *Дуюнов В. К.* Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019.

ХИЛЮТА В. В.

*доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы,
к. ю. н., доцент (Республика Беларусь, г. Гродно)*

НАКАЗАНИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В науке уголовного права уже давно обсуждается проблема о кризисе наказания, неадекватности его применения и отражения относительно той социальной действительности, в которой сегодня пребывает уголовное право. Это и не удивительно, ибо в правоведении в настоящее время поставлен вопрос о необходимости смещения акцентов с института наказания в сторону уголовно-правового воздействия. Модель наказания, столь долго применяемая в советское время и перенесенная в постсоветское уголовное право, стала сегодня неэффективной, неким бичом современности. Более того, она (модель наказания) не отражает тех социальных запросов, которые порождает новое информационное общество и не способна стать преградой в вопросе предупреждения совершения преступлений и эффективности мер воздействия на преступность в целом. Исключительно карательные функции не способны повлиять на лиц, совер-

шивших преступления, а изоляционизм делает невозможным применение иных способов воздействия и принуждения на тех, кто совершил противоправное деяние.

Как видно, сегодня во многом кризис института наказания связывают с его неэффективностью, невозможностью стратегически и институционально обуздать преступность, необходимостью его коренной модернизации. Однако дело здесь даже не в том, чтобы сначала заявить, а потом заменить сентенцию — «за преступлением следует наказание» — на иную — «за преступлением следуют меры уголовно-правового воздействия». Суть вопроса состоит совсем в ином, в дальнейшем смещении акцентов в сторону либерализации (а точнее, неолиберализации) уголовного права с его казалось бы незыблемыми постулатами о преступлении и наказании.

С начала 1990-х годов неолиберальные теории, выступающие за охват рынком всей совокупности социальных отношений, способствовали имплементации доктрин, направленных на адаптацию менеджмента к публично-правовым институтам. Именно в этом контексте правосудие подобно другим институтам подверглось существенным изменениям, вызванным структурными реформами [3, с. 76]. По всей видимости (после имплементации технологий менеджмента к публично-правовым институтам), теперь настал черед уголовного права с его классическими представлениями о преступлении и наказании. Ослабление государства посредством модернизации его функций указывает лишь на смещение приоритетов, трансформации рычагов влияния и полного отделения правосудия от государства. В конечном счете, это отражается и на понятии «наказание», о неэффективности которого уже долгое время говорят и ведут научный дискурс. Неэффективность эта состоит не столько в институциональном плане, сколько в экономическом, социальном аспектах постмодернистского сознания. Таким образом, у наказания нет будущего в новой постиндустриальной — цифровой эре, его следует модернизировать. И вот здесь возникает глобальный вопрос: каким образом?

Говоря о принципиальном смещении акцентов и приданию уголовно-правовым мерам качественно иного характера воздействия, на первый взгляд, замена института наказания на уголовно-правовое воздействие представляется вполне оправданным шагом и единственно верным в настоящий момент.

Сущность наказания всегда раскрывалась через реакцию государства на нарушение установленных запретов, что в дальнейшем находило свое осуществление в форме осуждения лица, совершившего преступление и порицания его поведения. Здесь в основе ле-

жит идея соразмерного воздаяния лицу (кары), совершившему преступление, посредством государственного принуждения. Без кары уголовное наказание теряет свой смысл, потому как оно тогда не может рассматриваться как принудительное средство в борьбе с преступностью. Страдания, лишения и ограничения, присущие уголовному наказанию, необходимы для того, чтобы оно выполняло свое воспитательное значение, воспринималось людьми как справедливая мера, назначенная судом в интересах общества и самого преступника [8, с. 81]. Таким образом, по мнению большинства ученых, наказание представляет собой не столько меру государственного принуждения, сколько кару и возмездие за совершение лицом преступления [1]. В этом ключе все отчетливее вырисовывается линия о недостижимости целей наказания, исправления и перевоспитания осужденного, достижения социальной справедливости. Как отмечает И. Я. Козаченко, сведение реализации уголовной ответственности только к назначению и реальному исполнению наказания (в особенности в виде лишения свободы) уже показало свою неэффективность и социальную опасность. Система уголовного наказания исчерпала свои возможности дальнейшего развития, так как в значительной мере утрачено его информационное, ресоциализованное, воспитательное и предупредительное воздействие [7, с. 116–117].

Уголовно-правовое воздействие, напротив, рассматривается как рациональное, обоснованное и эффективное применение всего комплекса уголовно-правовых средств и возможностей, имеющихся в распоряжении уголовного права в качестве реакции государства на нарушение установленных им уголовно-правовых предписаний. При этом наиболее рациональный подход к проблеме противодействия преступности предполагает признание, что указанная реакция государства должна быть, с одной стороны, неотвратимой и целесообразной, с другой — достаточно гибкой, чтобы неотвратимость уголовно-правового воздействия и его институциональная целесообразность не приводили к избыточности уголовной репрессии, необоснованному ограничению прав и законных интересов граждан [4, с. 3].

В духе либеральных теорий уголовно-правовое воздействие все равно, лишь формально является прерогативой государства. Поэтому, как указывает М. В. Бавсун, «государство в большей степени способно контролировать информационно-правовую или идеологическую составляющую воздействия на преступность и причины ее роста, но не процесс реализации конкретных средств противодействия данному негативному явлению, в значительной мере подверженных субъективному критерию, проявление которого наблюдает-

ся на правоприменительном уровне» [2, с. 16]. В такой системе наказание относится всего лишь к одной из мер оказания влияния на правонарушителя, а карательные начала должны заменяться компенсационными и восстановительными. Это означает, что меры уголовно-правового воздействия могут применяться к лицам, которые не только совершили преступления, но и способны к этому, либо репрессия к которым продолжает оставаться целесообразной мерой, несмотря на отбытое наказание.

Такая постановка вопроса указывает на постепенный отказ от имеющихся средств уголовно-правового воздействия в рамках институциональных границ уголовного права и переход к неуголовно-правовым средствам воздействия. Однако это вовсе не означает, что такие средства воздействия выпадут из лоно уголовного права и составят предмет иных охранительных отраслей права. Ввиду тупикового развития карательных мер воздействия, предлагается расширять под эгидой уголовного права некарательные меры и концентрировать их именно в уголовном праве.

Уголовно-правовое воздействие должно по своей идее приводить к качественной трансформации правового статуса личности, имеет своей целью оказание воздействия на личные и экономические права личности, лишение его льгот и преимуществ, ограничение трудовых, политических прав и т. д. Таким образом, система средств уголовно-правового воздействия не зациклена на ограничении личной свободы виновного, а сосредоточена на поражении его в правах (которые могут носить постоянный или временный характер) и возложении дополнительных обязанностей. Соответственно, если уголовная ответственность и наказание органично следует за преступлением, и являются его последствием, то уголовно-правовое воздействие динамично, и не связано с признанием только одного факта — совершения преступления и вытекающих отсюда мер реагирования.

Сама система мер уголовно-правового воздействия представляет собой набор таких средств, которые связаны как с ограничением права и свобод лиц, так и без ограничения таких прав и свобод. Следовательно, если речь идет об ограничениях прав и свобод лиц, допустивших противоправное деяние, то они могут быть связаны с уголовной ответственностью (предварительной уголовной ответственностью, уголовным осуждением, наказанием, освобождением от уголовной ответственности) и применением мер безопасности (которые связаны с исправлением лица и контролем за его поведением, а равно запрет на профессию, лишение прав, административный надзор и пр.). В такой системе на передний план выходит компенса-

онная составляющая, где элемент сатисфакции состоит в возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Между тем, анализируя существующие понятия уголовной ответственности и наказания и возможности их трансформации в новый институт под названием «уголовно-правовое воздействие», возникает вопрос: а чем принципиально уголовно-правовое воздействие отличается от иных мер уголовно-правового характера? Какой эффект будет от того, что мы одно понятие (наказание, меры уголовно-правового характера) заменим на другое (уголовно-правовое воздействие), изменится ли в этом отношении стратегия борьбы с преступностью? Представляется, что как бы мы не называли эти меры, сущность их должна состоять в том, чтобы сместить акцент от наказания (от него никто не откажется) к исправительным и превентивным мерам воздействия на лиц, совершивших преступления, за счет профилактической составляющей, реализации дополнительных мер по предупреждению совершения возможных преступлений. Иначе получается, что меры уголовно-правового воздействия будут пересекаться с иными, неуголовно-правовыми мерами, и вторгаться в сферу их действия, размывая тем самым существующие границы охранительных отраслей права. Результативность и эффективность такого подхода пока никто не в силах спрогнозировать.

Таким образом, сущность мер уголовно-правового воздействия, как и наказания в принципе, сводится к реакции государства на совершенное преступление. Государство, ответственное за обеспечение безопасности и надлежащего правопорядка в обществе и выстраивающее в этих целях систему уголовно-правовых норм и отношений, обязано реагировать на их нарушение. Это необходимо для обеспечения реализации правовых норм и предупреждения их массовых нарушений в дальнейшем [5, с. 89; 6, с. 3–24]. И в этой реакции государства воплощается набор средств и мер такого реагирования. Однако в любом случае такие меры будут носить формализованный и принудительный характер. Несмотря на то, что уголовно-правовое воздействие рассматривается как вид государственного принуждения, данный институт все же характерен для уголовного права в широком смысле, которое объединяет в себе не только преступления, но и правонарушения, проступки. В этой связи понятен подход, обобщающий более разнообразный спектр мер воздействия на лиц, совершивших не только преступления, но и проступки, правонарушения. Наказание же всегда рассматривалось как мера реагирования государства исключительно на совершенное преступление.

Уголовное право — это, по сути своей, — средство для разрешения всевозможных конфликтов. Конфликты неизбежны в обществе, они всегда были, есть и будут. А преступление — это и есть конфликтное событие. И единственной институцией способной этому противостоять — остается право с его задачей разрешения возникающих в обществе конфликтов. Уголовное же право не просто должно разрешить «преступление», но и устранить его последствия. Однако уголовное право не разрешает возникшего конфликтного противоречия посредством применения наказания, поскольку разрешая одну конфликтную ситуацию оно порождает другую. Наказание здесь рассматривается не как компромисс, а как единственный вариант реагирования на криминальное событие. А если конфликт не разрешен, то и социальная справедливость не восстановлена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Российская уголовная политика и уголовный закон. Москва, 2017.
2. *Бавсуи М. В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
3. *Головки Л. В.* Мифологема суда присяжных как гарантии свободы от государства в постсоветском неолиберальном дискурсе // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества. Москва, 2018.
4. *Дуюнов В. К.* Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001.
5. *Дуюнов В. К.* Уголовно-правовое воздействие как категория уголовного права и как реакция на преступление и преступность // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1. С. 86–96.
6. *Козлов А. П.* Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 2. Москва, 2018.
7. *Малько А. В., Кроткова Н. В., Розенко С. В.* Обзор всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» на тему «Уголовное наказание: состояние, система, проблемы, тенденции, перспективы совершенствования» // Государство и право. 2018. № 5. С. 115–119.
8. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога. Москва, 2015.

ПРАВОВОЕ ПОощРЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Уголовно-правовое поощрение является интенсивно развивающимся институтом уголовного права, о чем свидетельствуют с завидным постоянством вносимые изменения в Уголовный кодекс в части, касающейся освобождения от уголовной ответственности.

Достаточно обратить внимание на введение уголовно-правовых поощрений, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа; освобождение от уголовной ответственности за совершение мелкого взяточничества; освобождение от уголовной ответственности за прекращение действий, связанных с организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства; освобождение от уголовной ответственности при неисполнении обязанностей налогового агента; освобождение от уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.

Указанные изменения за последние пять лет, на наш взгляд, показывают увеличивающееся значение поощрения и понимание законодателем целесообразности применения не только карательных мер, но и указанных мер для более эффективного воздействия на поведение и достижения целей и задач, стоящих перед уголовно-правовой охраной. Уголовный закон уходит от исключительно карательного воздействия, предусматривая стимулирование осознанного позитивного поведения.

Справедливо замечают отдельные исследователи, что особенностью воздействия на субъекта с применением поощрения является то, что он не обязывается, а побуждается к определенному поведению, заинтересовывается достижением полезного результата, и «...при помощи поощрений достигаются такие общественно значимые цели, достичь которые иными юридическими средствами не представляется возможным» [1].

Уголовно-правовое воздействие связано с применением санкций. Сущность указанного явления состоит в оказании влияния на лицо для достижения общественно значимых целей, что осуществляется не всегда и не только при помощи порицания виновного. Семантический анализ понятия «санкция» свидетельствует о много-

образии его значений, не всегда означающий только вид и меру наказания за содеянное. Также в литературе можно встретить использование термина «позитивные санкции» в рамках освещения проблемы позитивной ответственности [4].

Поощрительная санкция является структурным элементом поощрительной уголовно-правовой нормы, хоть и не все ученые разделяют данную позицию. Неприятие поощрительных санкций во многом сопряжено с отрицанием позитивной ответственности в целом, в рамках которой достаточно очевидно прослеживается место поощрительных санкций как в системе санкций, так и ответственности в целом.

В поощрительной санкции закрепляется мера добровольной формы реализации юридической ответственности, а ее установление является нормативным закреплением добровольной формы реализации юридической ответственности.

Структура поощрительной нормы обнаруживает себя двухчленной, состоящей из гипотезы и санкции (гипотеза включает в себя диспозицию). В своем исследовании В. В. Попова отмечает, что «...первую образует заслуга, как основание применения поощрения - определенный набор элементов..., характеризующих необходимое или желательное поведение; вторая (санкция) предусматривает благоприятные последствия для субъектов за данное поведение» [2].

Нами поддерживается позиция В. А. Елеонского, который выделяет три группы норм, санкции которых поощряют:

- а) социально-правовую активность личности;
- б) отказ от дальнейшей преступной деятельности;
- в) исправление и перевоспитание осужденных [3].

Поощрительным санкциям в уголовном праве свойственно освобождение от ответственности или уменьшение правовых последствий, когда «...комплекс взаимосвязанных норм уголовного права носит поощрительный характер, то есть особенность уголовного права состоит не в отсутствии поощрительных санкций, а в специфике их проявления» [4].

Проведение исследования данных Департамента судебной статистики Российской Федерации показывает, что судами применяется прекращение дела в связи с применением поощрительных уголовно-правовых санкций, однако общий процент по преступлениям небольшой и средней тяжести от общего числа осужденных достаточно низкий.

Крайне незначительный процент применения поощрительных санкций за тяжкие и особо тяжкие преступления, что, по нашему мнению, вполне оправдано. Более того, тенденция должна умень-

шаться в силу того, что за ничтожно малым числом скрываются реальные человеческие жизни и автору очень хочется верить, что при применении поощрения даже в том незначительном количестве не было допущено злоупотреблений и обесценивания самого института поощрения. Вместе с тем, данные статистики демонстрируют стабильное достаточно широкое применение условного осуждения за тяжкие преступления.

Стоит обратить внимание на соотношение показателей условного осуждения и освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений средней тяжести.

Так, например, деятельное раскаяние применяется крайне редко, на уровне статистической погрешности, в то время, как фактически прощение государством преступления наступает практически в трети случаях.

Не могут не удивлять предусмотренные ст. 73 УК положения по условному осуждению, а также практика применения данной нормы, когда судья, назначив наказание до 8 лет лишения свободы (за исключением небольшого перечня запретов на применение данного уголовно-правового института) в рамках санкции статьи, без каких-либо условий по возмещению причиненного ущерба, способствованию раскрытию и расследованию преступления, полагает, что цели наказания могут быть достигнуты, постановляет его считать условным.

В то время, как, например, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при совершении преступления небольшой или средней тяжести возможно (!) лишь при неукоснительном выполнении требований добровольной явки с повинной, способствования раскрытию и расследованию совершенного преступления, возмещение причиненного ущерба/заглаживание вреда, раскаяние и условие, что перестало быть общественно опасным (каким образом такое состояние диагностируется — до настоящего времени нет четкого ответа). При условном осуждении за совершение тяжкого преступления ни одного из представленных требований для освобождения от уголовной ответственности за преступление небольшой или средней тяжести не предусмотрено. Более того, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является правом суда, а не обязанностью. То есть лицо, выполнив все требования, не имеет гарантий освобождения, и вынуждено полагаться на волю (усмотрение) судьи.

Стоит отметить также то, что тяжкие и особо тяжкие преступления, за совершение которых при определенных условиях предусмотрено безальтернативное освобождение от уголовной ответственности

ности вызывает сомнения опять же в сравнении с серьезным перечнем требований, предусмотренных в Общей части УК РФ для тяжких преступлений.

Подводя итог отметим, что правоприменительная поощрительная практика в целом отличается противоречивостью и отсутствием какой-либо логики.

Однако, несмотря на высказанные замечания отметим, что поощрительные уголовно-правовые санкции занимают важное место и играют значимую роль в механизме уголовно-правового воздействия, поскольку изначально заложенный стимулирующий позитивное поведение эффект имеет более глубокое влияние на волю и сознание лица. При этом, для повышения значимости института уголовно-правового поощрения требуется более взвешенная и системная правоприменительная политика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малько А. В.* Льготная и поощрительная политика. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 233 с.
2. *Попова В. В.* Поощрительные нормы современного российского права : дис. канд. юрид. наук. Омск, 2015.
3. *Елеонский В. А.* Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособ. Хабаровск : ХВШ МВД СССР, 1984. 108 с.
4. *Мусаткина А. А.* О поощрительных санкциях в уголовном и финансовом праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2009. №. 5. С. 79–84.

ЯБЛОКОВ А. М.

*аспирант 2 года обучения кафедры уголовного права
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)*

ПОСТКРИМИНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Государство имеет в своем распоряжении целый набор мер и средств уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших и потенциально способных совершить преступления. Реализация данного инструментария возложена на целый ряд государственных ведомственных структур — суды, органы внутренних дел, ФСБ, СКР, прокуратура, ФСИН и др. Однако, несмотря на такое многообразие как субъектов,

так и инструментов уголовно-правового воздействия, уровень преступности в стране продолжает быть значительным [1, с. 111–183].

Так, в 2017 г. в целом по России зарегистрировано 2058476 преступлений, при этом доля тяжких и особо тяжких преступлений составила 21,2 % [2, с. 5–6]. В 2018 г. — 1991532 преступления, доля тяжких и особо тяжких — 22,5 % [3, с. 5–6]. В 2019 г. — 2024337 преступлений, доля тяжких и особо тяжких — 24,4 % [4, с. 5–6]. За 9 месяцев 2020 г. число зарегистрированных в стране преступлений уже превысило 1,5 млн. и в сравнении с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 1,2 % [5, с. 5].

В таких условиях и общество, и государство пытаются выяснить причины подобной «живучести» преступности и способы противодействия этому явлению.

В связи с этим вполне понятно уголовное преследование и наказание лиц, виновных в совершении преступлений.

Однако возникает вопрос о том, должно ли претерпевать какое-либо воздействие лицо, освобожденное от уголовной ответственности или от наказания, отбывшее наказание, имеющее снятую или погашенную судимость.

В данном контексте возникает такая категория как «посткриминальная социальная изоляция» — “postcriminal social isolation” (термин наш. — А. М.), когда такие лица претерпевают неблагоприятные последствия не столько уголовно-правового, сколько социального характера.

Так, очевидно то обстоятельство, что в случае признания лица виновным в совершении того или иного преступления, в отношении такого лица выносится обвинительный приговор, который, по своей сути, лишает его, в большинстве случаев, дальнейшего социального становления. И не только обвинительный приговор, но даже постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям может явиться существенным препятствием для реализации желания лица исправиться, ресоциализироваться.

Указанная выше проблема остается актуальной при том, что уголовным законом предусмотрены сроки погашения судимости, а также условия снятия судимости, а Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 489 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в целях реализации Постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19 П и вовсе разрешено занимать должности в сфере педагогики судимым лицам за совершение определенных преступлений (но после положительного заключения специализированной комиссии).

Но всегда ли применяются в действительности уголовно-правовые нормы относительно признания лица «несудимым»? Зачастую нет. Получается, что общество, де-юре признавая за лицом отсутствие судимости, де-факто лишает лицо возможности реализовать свой потенциал, а государство, нередко, потенциал близких родственников такого лица.

И речь не о том, что нужно аннулировать записи в информационном центре ГУ МВД России о привлечении лица к уголовной ответственности. Полагаем, что необходимо пересмотреть:

- 1) пределы влияния факта привлечения к уголовной ответственности лица на его (ее) близких родственников;
- 2) возможность коррекции отношения общества к ранее судимым гражданам (путем повышения правовой культуры);
- 3) организацию социально положительных трудовых мест для лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности.

На сегодняшний день лица, осуждённые за совершение преступлений любой категории тяжести, а также лица, в отношении которых уголовные дела прекращены по реабилитирующим основаниям или применена иная мера уголовно-правового характера, имеют социальное «клеймо преступника». В обществе никто не разбирается в юридических тонкостях, в частности, категории совершенного преступления, основаниях прекращения уголовного преследования и т. п.

При этом в отношении лица создаются дополнительные социальные трудности, оно лишается возможности адаптироваться, ресоциализироваться и исправиться. Тем самым и государство, и общество провоцируют такое лицо на совершение новых противоправных деяний, что, в частности, вызывает сомнения относительно рациональности и эффективности как уголовно-правового воздействия, так и в целом политики противодействия преступности.

Имеет место патовая ситуация. Посткриминальная социальная изоляция лица со стороны общества препятствует возвращению такого лица в общество в качестве его полноценного члена и создает предпосылки для совершения новых преступлений, сводя к нулю усилия как по общей, так и по частной превенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дуюнов В. К.* Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 328 с.
2. Состояние преступности в России: статистический сборник за январь-декабрь 2017 года / Генпрокуратура РФ. Москва : ГУ ПСиИТ, 2018. 52 с.

3. Состояние преступности в России: статистический сборник за январь-декабрь 2018 года / Генпрокуратура РФ. Москва : ГУ ПСиИТ, 2019. 52 с.
4. Состояние преступности в России: статистический сборник за январь-декабрь 2019 года / Генпрокуратура РФ. Москва : ГУ ПСиИТ, 2020. 52 с.
5. Состояние преступности в России: статистический сборник за январь-сентябрь 2020 года / Генпрокуратура РФ. Москва : ГУ ПСиИТ, 2020. 62 с.

РАЗДЕЛ 5

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

ЗАКОМОЛДИН А. В.

*член исследовательского коллектива проекта РФФИ,
к. ю. н., доцент (г. Тольятти)*

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Государственная политика противодействия преступности включает в себя помимо прочего уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты, которые тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены [5].

Так, на каждый случай нарушения запрета, установленного в уголовно-правовой норме, реакция государства всегда должна быть неотвратимой и справедливой. Таковой она может быть лишь в том случае, если преступление будет обнаружено — в рамках применения соответствующих уголовно-процессуальных норм и институтов.

Безусловно, от факта и момента нарушения уголовно-правового запрета следует отличать факт и момент его обнаружения уполномоченными на то представителями государства, поскольку между самим совершённым уголовно-наказуемым деянием и его обнаружением может иметь место более или менее значительный промежуток времени, однако, правильная реакция государства на совершённое преступление и достижение целей уголовно-правового воздействия возможны лишь при условии обнаружения преступления, его процессуальной фиксации, правильной квалификации и полноценного расследования [6, 7], что обуславливает необходимость уделить отдельное внимание исследованию уголовно-процессуальной составляющей механизма уголовно-правового воздействия.

Именно в результате обнаружения противоправного деяния, в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, происхо-

дит фиксация уже объективно сложившихся до этого момента правоотношений между государством и лицом, преступившим уголовно-правовой запрет. Значение данного момента сложно переоценить, поскольку только после официальной фиксации обнаружения преступления возможно наступление предусмотренных уголовно-процессуальным законом последствий в виде возбуждения уголовного дела, привлечения виновного лица к уголовной ответственности и т. д.

Возникает вопрос, с какого момента следует считать противоправное деяние обнаруженным государством в лице уполномоченных органов и лиц.

Анализ положений УПК РФ позволяет выделить несколько процессуально-значимых моментов, которые могут потенциально выступать в качестве такового: поступление сообщения о преступлении; проведение проверки сообщения о преступлении; вынесение обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

В научных публикациях непосредственно поступлению сообщения о преступлении не уделяется какое-либо особое внимание — авторами, как правило, анализируются разновидности сообщения о преступлении, или, иными словами, поводы для возбуждения уголовного дела, с учётом содержания понятия «сообщение о преступлении», раскрываемого законодателем в ч. 43 ст. 5 УПК РФ [4; 13].

Следует отметить, что используемый законодателем оборот «сообщение о преступлении» не совсем точен и не может толковаться буквально, с учётом того, что до проведения проверки данного сообщения на наличие признаков совершённого преступления, вопрос о том, является ли полученное сообщение действительно сообщением о преступлении, или же сообщением об ином правонарушении, является открытым. Кроме того, в ряде случаев, может оказаться, что в полученном сообщении отсутствуют признаки какого-либо правонарушения вообще. Поэтому оборот «сообщение о преступлении», с учётом сказанного, следует понимать, как «сообщение о предполагаемом преступлении».

Тем не менее, поступление сообщения о преступлении, несмотря на отсутствие в момент его получения основания для возбуждения уголовного дела (которое может возникнуть лишь после проведения проверки данного сообщения, в соответствии со ст. 144 УПК РФ), создаёт юридическую предпосылку для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений. Не случайно в целом ряде работ, в том числе, опубликованных в период действия УПК РСФСР 1960 г., исследователи говорят о сообщении о преступлении (поводе для возбуждения уголовного дела), как о юридическом факте [8; 14],

«наступление которого порождает у соответствующих субъектов обязанность принять предусмотренные законом уголовно-процессуальные меры» [15, с. 12].

То есть, уголовно-процессуальный механизм приводится в движение с момента получения сообщения о преступлении, независимо от результатов такой проверки. По этой причине рассматривать проведение проверки сообщения о преступлении, а уж тем более вынесение обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела в качестве момента обнаружения преступления, а также момента возникновения с этим связанных уголовно-процессуальных отношений, неправомерно.

Последующая деятельность, направленная на осуществление уголовно-правового воздействия, представляется связанной с установлением основания для возбуждения уголовного дела, а также оснований для осуществления уголовно-правового воздействия, предварительной квалификацией содеянного и предъявлением обвинения либо принятием решения об освобождении от ответственности, что имеет место уже в процессе производства предварительного расследования. Уголовно-правовое воздействие оказывается как на правонарушителя (частное предупреждение), так и на указанных выше, т.н. неустойчивых, лиц (общее предупреждение).

Выше указывалось, что следует различать момент совершения уголовно-наказуемого деяния и момент его обнаружения, но следует также отличать момент обнаружения в нарушении уголовно-правовой нормы признаков именно преступления.

Для того, чтобы должностные лица государства имели возможность на законном основании возбудить уголовное дело, требуется проведение проверки сообщения о преступлении по результатам которой производится удостоверение в установленный срок наличия, либо отсутствия в сообщении о преступлении признаков уголовно-наказуемого деяния.

Таким образом соответствующий субъект имеет возможность инициировать законное и обоснованное реагирование уголовно-процессуальными средствами в той ситуации, когда в наличии признаки преступления и не инициировать возбуждение уголовного преследования по всякому (в том числе ошибочному, или надуманному) поводу, не подвергая законные права и интересы личности ограничению.

Затягивание с обнаружением в содеянном признаков преступления, его необоснованная отдаленность от момента нарушения запрета, может привести к истечению сроков давности и фактической

безнаказанности виновного. В этой связи законодатель совершенно оправданно предусмотрел ограниченные сроки, которыми определяются временные рамки проведения проверочных действий, спектр которых получил своё нормативное закрепление в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Проведение проверки сообщения о преступлении выступает промежуточным звеном между получением сообщения о предполагаемом преступлении и возбуждением уголовного дела, когда должностными лицами констатируется наличие признаков противоправного деяния и создаётся обеспеченная государственным принуждением возможность полноценного уголовно-процессуального познания события преступления посредством доказывания в процессе производства предварительного расследования.

Тем не менее, уголовно-процессуальные правоотношения в период проведения проверки уже возникают, как возникает и специфический субъект такой проверки, упомянутый законодателем в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ — «лицо, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», не наделённое внятным комплексом процессуальных правомочий, в отличие от полноправных участников этапа предварительного расследования.

Для определения характера совершенного преступного деяния, его справедливой правовой оценки, а также оснований и пределов уголовно-правового воздействия важное значение имеет не только объективный факт и момент его совершения, но и факт и момент его официального признания в качестве преступления специальным правоприменительным актом — постановлением о возбуждении уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения осуществляются в рамках реализации уголовно-процессуального правоотношения. Как верно отмечается в науке, все эти и другие процессуальные действия есть средство полного и всестороннего расследования дела, установления истины, охраны прав обвиняемого, но не реализации уголовной ответственности. Только обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, возлагает уголовную ответственность на лицо, действительно совершившее преступление [19, с. 99—101].

Исходя из изложенного, вопреки существующей, но подвергнутой объективной и убедительной критике точке зрения о том, что в содержание уголовной ответственности следует включать меры уголовно-процессуального принуждения [1; 3, с. 34; 11, с. 24—26; 16, с. 50], представляется верным вывод о том, что данные меры находятся за

пределами правоотношения уголовной ответственности, но в пределах уголовно-процессуального правоотношения в рамках процессуальной обязанности государства расследовать совершенное преступление.

В этой связи возникает еще один вопрос о том, можно ли рассматривать меры пресечения, выступающие разновидностью мер уголовно-процессуального принуждения, как часть механизма уголовно-правового воздействия.

Институту мер пресечения уделялось и продолжает уделяться значительное внимание в науке [17; 18], несмотря на это, остаётся широкий спектр вопросов, обуславливающих неоднозначность подходов и толкований.

Примечательно, что законодателем ни в УПК РСФСР 1960 г., ни в УПК РФ не были сформулированы цели, на достижение которых направлено применение мер пресечения, в связи с чем авторы, как правило, исходят в их определении из нормативных положений, связанных с основаниями применения мер пресечения (ст. 97 УПК РФ), хотя последние, безусловно, не равнозначны целям [12, с. 74].

Мы солидарны с теми авторами, которые относят к разряду целей применения мер пресечения воспрепятствование лицу продолжать заниматься преступной деятельностью (п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) [2, с. 186; 10, с. 42]. Именно эта цель, в первую очередь, является созвучной одной из целей уголовно-правового воздействия — обеспечить предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Независимо от того, что причастность лица, к которому применяется мера пресечения, к совершению противоправного деяния лишь предполагается, государство считает необходимым обеспечить путём применения меры пресечения превентивное, упреждающее воздействие, пресекающего продолжение возможной преступной деятельности со стороны данного лица, а также пресекающего совершение этим лицом нового преступления.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 97 УПК РФ мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора, т. е. для обеспечения последующей эффективной реализации мер уголовно-правового воздействия.

Действуя исходя из целей уголовно-правового воздействия, государство, в лице соответствующих должностных лиц, уже начиная с третьей стадии уголовно-правового воздействия предпринимает необходимые действия для достижения обозначенных целей, в связи с чем возможность применения к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, меры пресечения можно

и нужно рассматривать как элемент механизма уголовно-правового воздействия.

С одной стороны, избрание меры пресечения обозначено выше-названной необходимостью и является частью механизма уголовно-правового воздействия, а с другой — это противоречит интересам конкретной личности в контексте ограничения её прав и свобод. Данное противоречие обуславливает необходимость найти компромиссное решение в обеспечении баланса интересов личности, общества и государства.

Большое значение в данном аспекте имеет нравственно-этическая составляющая, обуславливающая этические границы допустимого превентивного и принудительного воздействия, оказываемого на личность, вовлекаемую в сферу уголовно-процессуальных отношений [9]. Причём, речь в данном случае должна идти не просто о недопустимости применения противозаконных способов такого воздействия, что презюмируется, но и об ограниченном применении законных средств такого воздействия в порядке досудебного производства.

Применение неоправданно жёстких мер пресечения, чрезмерно ограничивающих права и свободы личности неприемлемо по разным причинам. В первую очередь, предположительный характер виновности лица в совершении преступления диктует необходимость крайне вдумчивого подхода к избранию меры пресечения. С другой же стороны, даже если вовлечённое в качестве подозреваемого или обвиняемого в процесс производства по уголовному делу лицо будет в дальнейшем признано виновным в совершении данного преступления, применение к нему чрезмерного репрессивного воздействия вряд ли поспособствует достижению целей уголовно-правового воздействия и поможет вернуть данного индивида, в конечном итоге, обратно в социум, будучи способным адаптироваться и полноценно интегрироваться в общественную жизнь, не превращая его в чуждый элемент для общества и государства.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» справедливо указывает на необходимость ограниченного применения наиболее строгих мер пресечения, в первую очередь акцентируя внимание судов на обоснованном применении заключения под стражу, как самой жёсткой по своему характеру меры пресечения. В частности, отсутствие проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, как основы для применения заключе-

ния под стражу, должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона, влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Сегодня правоприменитель избрал курс на минимизацию практики применения меры в виде заключения под стражу, существенно ограничивающей свободу личности и имеющей, в связи с этим, наибольший репрессивный потенциал, при одновременном расширении практики применения иных мер пресечения, позволяющих избежать излишне жёсткого воздействия на индивида (включая меры пресечения, применяемые без судебного решения), в том числе новой меры в виде запрета определённых действий, позволяющей регулировать степень репрессивного воздействия благодаря предусмотренной в ст. 105.1 УПК РФ возможности суда, применяющего данную меру пресечения, самостоятельно возложить на лицо один, или несколько запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Подобный подход, по нашему мнению, заслуживает одобрения и поддержки. Оказывая уголовно-правовое воздействие посредством применения мер пресечения, правоприменителю необходимо избирать меру пресечения, двигаясь от наиболее мягкой к наиболее жёсткой, применяя более жёсткую меру лишь тогда, когда имеются конкретные сведения, обосновывающие невозможность (неэффективность) применения более мягкой меры.

Таким образом, мы можем сформулировать общие выводы.

1. Противоправное деяние следует считать обнаруженным государством в лице уполномоченных органов с момента получения сообщения о преступлении, а точнее, сообщения о предполагаемом преступлении. При этом, несмотря на отсутствие в момент его получения основания для возбуждения уголовного дела, создаются юридические предпосылки для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений.

2. Меры уголовно-процессуального принуждения находятся за пределами правоотношения уголовной ответственности, но в пределах уголовно-процессуального правоотношения в рамках процессуальной обязанности государства расследовать совершенное преступление.

3. С учетом соотношения целей уголовно-правового воздействия и целей мер пресечения, возможность их применения к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, можно и нужно рассматривать как элемент механизма уголовно-правового воздействия. При этом, в рамках уголовно-правового воздействия посредством применения мер пресечения предполагается

ограниченное применение жёстких средств превентивного воздействия в порядке досудебного производства, что соотносится с направленностью законодательных изменений, а также правоприменительной практикой последних лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багрий-Шахматов Л. В.* Уголовная ответственность и наказание. Минск : Выш. шк., 1976. 384 с.
2. *Барабаш А. С.* Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 184–190.
3. *Браинин Я. М.* Уголовный закон и его применение. Москва : Юрид. лит., 1967. 240 с.
4. *Варнаевский Д. А.* Способы проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2017. № 13. С. 7–9.
5. *Дуюнов В. К.* Политика противодействия преступности: понятие и структура. // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон: сб. матер. II-й Междунар. науч.-практ. конф., Тула, 1-2 июня 2005 г. / отв. ред. Т. В. Толстухина. Тула : Изд. ТГУ, 2005. С. 8–13.
6. *Дуюнов В. К.* Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 328 с.
7. *Дуюнов В. К.* Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Москва : Научная книга, 2003. 520 с.
8. *Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.* Возбуждение уголовного дела. Москва : Госюриздат, 1961. 206 с.
9. *Закомолдин А. В.* Этические основы производства освидетельствования в уголовном процессе России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(41). С. 16–20.
10. *Капинус Н. И.* Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография. Москва : Изд. дом «Буквед», 2007. 416 с.
11. *Карпушин М. П., Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и состав преступления. Москва : Юрид. лит., 1974. 232 с.
12. *Корнуков В. М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 136 с.
13. *Косенко А. М.* Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 138–145.
14. *Кузьменко Е. С.* Понятие повода к возбуждению уголовного дела // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 1-1. С. 11–26.

15. Практикум по советскому уголовному процессу / под общ. ред. В. Т. Томина, Г. Н. Козырева. Н. Новгород, 1991. 104 с.

16. Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 96 с.

17. Симагина Н. А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика) : дис... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 206 с.

18. Стельмах В. Ю. Виды ограничений, применяемых в рамках мер пресечения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1(13). С. 145—154.

19. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глистина, В. В. Орехова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбУ, 1992. 604 с.

ХАЙДАРОВ А. А.

*профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов
в оперативно-розыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ,
к. ю. н., доцент, советник юстиции (г. Казань)*

О ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Цель воспитательно-профилактического воздействия на участников судебного процесса и лиц, присутствующих в зале, должна быть поставлена перед всеми основными участниками процесса. Это касается не только суда, но и государственного обвинителя.

Анализ специальной литературы свидетельствует, что данная цель связана, в первую очередь, с психологическим воздействием государственного обвинителя на участников [1]. Как пишет М.В. Кроз, «...психологическое воздействие — это воздействие на психологическое состояние, мысли, чувства и поступки людей, выполненное с помощью психологических средств» [2, с. 6].

Можно сделать вывод, что любое общение между субъектами характеризуется психологическим воздействием. С этой точки зрения воспитательно-профилактическое воздействие присуще и защитнику, участвующему в судебном следствии.

Тем не менее, государственный обвинитель является должностным лицом прокуратуры, поэтому и воспитательное, и профилактическое воздействие на участников судебного следствия предусмат-

ривается как цель, исходящая из выполняемых прокурором функций в уголовном судопроизводстве. Как правильно отмечается, что «Прокурор не только обеспечивает законность, но и воспитывает граждан, в частности путем создания обстановки всеобщего осуждения лиц, совершивших преступление» [3, с. 99].

Мало исследован вопрос о воспитательно-профилактическом воздействии на участников процесса адвоката-защитника на этапе судебного следствия. Нужно сказать, что при его решении необходимо учитывать несколько обстоятельств.

Первое. В состязательном процессе защитник является противоположной стороной обвинения. Если перед стороной обвинения воспитательно-профилактическая цель стоит, то она должна стоять и перед стороной защиты.

Второе. Без постановки защитником рассматриваемой цели, невозможно осуществить присущую ему функцию защиты. Как и вся уголовно-процессуальная деятельность, деятельность защитника имеет определенную социально-правовую ценность. Защитник способствует реализации состязательной формы судопроизводства, назначению уголовного процесса и, тем самым осуществляет воспитательную роль в судебном разбирательстве.

Можно сказать, что воспитательная направленность цели участия защитника в судебном следствии должна проявляться в том, как он понимает свои обязанности в уголовном процессе и реализует избранную позицию защиты, включая просьбу суду о мере наказания виновного подзащитного.

Третье. Деятельность защитника в судебном следствии носит глубоко психологический характер. Как отмечал А. Ф. Кони «уголовная защита представляет больше поводов для предъявления требований, почерпнутых из области нравственной, чем деятельность обвинительная, ввиду сложных и многозначных отношений к своему клиенту-подсудимому и к обществу» [4, с. 24].

Правовой основой воспитательно-профилактической деятельности адвоката являются Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекс профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г., в которых отражены воспитательные свойства права.

Активность такой деятельности обусловлена определенными методами и приемами реализации воспитательного воздействия на подсудимого на этапе судебного следствия.

Воспитательно-профилактическая деятельность адвоката начинается, конечно, гораздо раньше, с момента его беседы с подзащит-

ным. Адвокат должен показать свою ориентацию в защите на соблюдение законных требований, а также прав и свобод других участников процесса. Как указывается в ст. 10 Кодекса: «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя». Кроме того, Кодекс устанавливает запрет на исполнение пожеланий, просьб или требований подзащитного, которые ведут к несоблюдению закона либо нарушению правил.

Воспитательное воздействие в процессе осуществления защиты реализуется также путем оказания влияния на подсудимого с целью приобретения им необходимых правовых знаний, формирования правильной позиции при защите своих интересов по уголовному делу. Защитник должен подготовить подсудимого к следственным и иным процессуальным действиям, проводимым судом на этапе судебного следствия.

Верное восприятие подсудимым обстановки судебного следствия, его порядка проведения, знание прав и обязанностей, в первую очередь ложится на защитника. С учетом личности, защитник обеспечивает правомерное поведение и реакции подсудимого на рассматриваемом этапе судебного разбирательства.

Можно сказать, что защитник, осуществляя воспитательно-профилактическое воздействие на подсудимого, применяет ценностно-ориентированный подход к личности подзащитного, тем самым формируя у него негативное отношение к совершенному преступлению.

Таким образом, деятельность адвоката-защитника помимо прочего способствует эффективному сочетанию частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве: частного интереса подзащитного и публичного интереса общества и государства [5].

В целом же такие ключевые субъекты как суд, государственный обвинитель и защитник, реализуя цель воспитательно-профилактического воздействия на участников судебного следствия, должны стремиться к воспитанию в последних уважительного отношения к закону, принятия ими закона как значимой социальной ценности, соблюдения ими культуры судебного спора.

В конечном итоге, только в таких условиях можно говорить об эффективности судопроизводства и надлежащем применении законодательства, а в целом — о достижении целей и эффективности уголовно-правового воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панфёрова А. Н.* К вопросу о значимости психологических знаний в деятельности государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4(15). С. 120–124.
2. *Кроз М. В.* Психологическое воздействие на жертву при совершении преступлений против личности : науч.-метод. пособие / М. В. Кроз, Н. А. Рапинова ; Академия Генпрокуратуры РФ. Москва, 2008.
3. *Алексеев А. И., Ястребов В. Б.* Профессия — прокурор. Москва, 1998.
4. *Кони А. Ф.* Избранные произведения. Москва : Госюриздат, 1956.
5. *Закомолдин А. В.* К вопросу о соотношении частных и публичных начал в деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе // Проблемы формирования правового социального государства в современной России : матер. XII Всерос. науч.-практ. конф., 16 окт. 2016 г. Новосибирск, 2016. С. 204–206.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дуонов В. К.

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ПЕРВОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА РФФИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ»	3
---	---

РАЗДЕЛ 1

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Наумов А. В.

МЕСТО И РОЛЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	20
---	----

Закомолдин Р. В.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	24
---	----

Данилов П. С.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	27
--	----

Ефремова М. А.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	33
---	----

Мотин О. А.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ С УЧЕТОМ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ	37
--	----

Некрасов А. П.

НАРКОТИЗМ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ	42
--	----

Хлебущкин А. Г.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА	45
---	----

Челядинский С. А. АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА	51
Яцута И. С. ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	54
Ярошук А. В., Громов В. Г. КОРРУПЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	59
Шевко Н. Р., Рафикова Э. Р. ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ «COVID-2019» КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	65

РАЗДЕЛ 2

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гилинский Я. И. НЕМНОГО ОБ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА	71
Буранов Г. К. НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕНАЛЬНОЙ (КАРАТЕЛЬНОЙ) ПОЛИТИКИ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	76
Бурганов Р. С. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ ФССП РОССИИ, И РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА НИХ	81
Волосюк П. В., Абдулгазиев Р. З. УСТАНОВЛЕНИЕ МОТИВА ИНОЙ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	88
Гузеева О. С. ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЕГО ПРЕДУСМОТРЕННОСТЬ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ	93
Кондратюк С. В. ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 210 ¹ УК РФ	97
Двуличанский А. В., Шляпникова О. В. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОРГАНИЗАТОРОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ	102

Меркурьев В. В., Тараканов И. А. НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ	106
Некоз С. С. ОЦЕНКА ПОСОБНИЧЕСТВА ПРИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	111
Петровский А. В. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ПРЕВЕНЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	115
Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ВЫСШИМИ СУДАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА	120
Рогова Е. В., Перетолчин А. П. К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕННОЙ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ	127
Титовец А. Э., Ефремова И. А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПО МОТИВУ РЕВНОСТИ	131
Топильская Е. В. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ СПОРТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	134
Трапаидзе К. З. ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	138
Шувалова А. М. ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВОСУДИЕ ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ	142
Малинина Я. В., Ефремова И. А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПО МОТИВАМ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ	145
Меркурьев В. В., Агапов П. В., Ульянов М. В. 20 ЛЕТ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	148

РАЗДЕЛ 3

КАТЕГОРИИ «РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ», «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ» И «УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ», ИХ СООТНОШЕНИЕ

Гладких В. И.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УСТАНОВЛЕНИИ
ФОРМЫ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 156

Ефремова И. А.

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 161

Кобец П. Н., Краснова К. А.

РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ
НАРКОТИКОВ: УГОЛОВНАЯ РЕПРЕССИЯ И ПРОФИЛАКТИКА 164

Мотин А. В.

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОЙ
И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЛИЧНОСТЬ) 168

Петропавловский А. И.

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРАКТИВНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 173

Цирит О. А., Татьяна А. Н.

КАТЕГОРИЯ «ПСИХОТРАВМИРУЮЩАЯ СИТУАЦИЯ»
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ 177

Афанасова М. С.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ
В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА 181

Чемеринский К. В.

СИСТЕМА ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА:
ПЕРСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ 186

РАЗДЕЛ 4

ФЕНОМЕН УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК РЕАКЦИИ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Денисова А. В.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
И ЦЕЛИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА 192

Подройкина И. А.	
К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	198
Хилута В. В.	
НАКАЗАНИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	203
Хлыстова Н. Б.	
ПРАВОВОЕ ПООЩРЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	209
Яблоков А. М.	
ПОСТКРИМИНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	212

РАЗДЕЛ 5

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Закомолдин А. В.	
ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	216
Хайдаров А. А.	
О ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ	224

Научное издание

РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ,
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И УГОЛОВНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сборник материалов круглого стола

Компьютерная верстка *С. В. Бородина*

Подписано в печать 15.12.20. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 13,6. Печ. л. 14,5. Тираж 500 экз.

ООО «САМАРАМА»

443087, Самара, Стара-Загора, 167.

Тел.: 8 960 831 74 78

e-mail: oraborodina@yandex.ru

Отпечатано с оригинал-макета

в типографии ООО «Прайм»

443069, Самара, ул. Байкальский пер., 12

тел.: 8 927 201 82 95